

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ

О состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТНЯГО ЕЯ ЮБИЛЕЯ

1809—1909.

Проф. Прот. **Соллертинскій.**

И сѣется плодъ правды въ мірѣ
у творящихъ миръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Александръ Улыбинъ. Загородный пр., д. 8.
1910.

Его Сіятельству

Графу Сергію Дмитріевичу

Шереметеву почтительнѣйше поднесетъ

глубоко уважающій авторъ.

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ

О состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТНЯГО ЕЯ ЮБИЛЕЯ

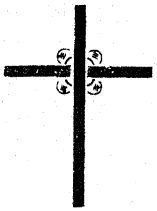
1809—1909.

Проф. Прот. **Соллертинскій.**

И сѣется плодъ правды въ мірѣ
у творящихъ миръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Александръ Улыбинъ. Загородный пр., д. 8.
1910.

303
37

Позволяю себѣ обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на точную параллель, которая проходитъ между внутреннею жизнію чествуемаго нынѣ юбиляра, выпустившаго болѣе 3½ тысячъ питомцевъ, [1]) и судьбой внѣшней его храмины. Послѣ того небольшого времени, когда послѣдняя ютилась въ заднемъ углу Александро-Невской Лавры, благодаря умѣлымъ хлопотамъ Митрополита Филарета и неотдѣлимаго отъ него, ученика его Митрополита Григорія, она нашла себѣ такое помѣщеніе удобное и крѣпкое, которое переживетъ всѣхъ насъ [2]); засимъ, оставаясь неизмѣннымъ, въ дальнѣйшее время только расширялось и получало всякое благоустроеніе, начиная съ внѣшнихъ удобствъ, электрическаго освѣщенія напр., и кончая отдѣльной прекрасной больницей, приличнымъ археологическимъ музеемъ и грандіозной библіотекой, по рукописнымъ богатствамъ которой ее знаетъ весь ученый міръ. Совершенно сходно съ этимъ, немного спустя послѣ открытія академіи, тотъ же самый Филаретъ угадалъ и опредѣлилъ должную постановку академическаго дѣла по руководству перваго нашего Устава; и съ этихъ поръ духовная физіономія столѣтняго юбиляра остается неизмѣнною, теряя по закону развитія одну подробность и пріобрѣтая другую такъ, что это не только не нарушаетъ ея саморавенства, но лишь еще болѣе раскрываетъ и осуществляетъ свойственныя ей по существу характерныя особенности.

Въ корневой своей основѣ академія есть признаніе Августинова: Credo, quia intelligam. Такимъ образомъ полагается, что работа, характеризующая второй періодъ *всей вообще* исторіи религіозно-христіанскаго дѣла — работа логическаго выясненія и выраженія

сокровищъ богоданной религіи непремѣнно должна быть продолжена и на почвѣ россійскаго православно-христіанскаго вѣроисповѣданія. А чтобы эта признанная обязанность была осуществлена на дѣлѣ, засимъ исполнялась непрестанно и безъостановочно, для этого открывается учрежденіе, юбилей котораго мы теперь празднуемъ. А что сознаніе такого долга было и вдохновляло умы дѣятелей академіи съ первыхъ временъ ея существованія, дов. яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить сочиненіе одного изъ нашихъ студентовъ о томъ: «Когда и для чего нуженъ свѣтъ разума по отношенію къ религіи», въ которомъ онъ и основательно, и безъ самомалѣйшаго соскальзыванія въ раціонализмъ выясняетъ дѣйствительныя пользы, а съ этимъ, значитъ, и надобность служенія разума христіанской вѣрѣ [3]). Если такую тему профессоръ предлагаетъ, а ректоръ авторизуетъ; если этотъ высокодостойный ректоръ архимандритъ Григорій Постниковъ находитъ нужнымъ, чтобы означенное сочиненіе было не только написано и оцѣнено, а и непремѣнно напечатано; если, наконецъ, такое необычайное явленіе, какъ напечатаніе лучшихъ диссертацій студентовъ VI-го курса имѣло въ виду представить оправдательный документъ по случаю возникшихъ тогда сильныхъ и упорныхъ сомнѣній въ правильной постановкѣ академическаго обученія, [4]) то очевидно, что весь академическій персоналъ съ ректоромъ своимъ во главѣ рѣшительно примыкалъ къ оспаривавшейся тогда знательной задачѣ академіи; а полная и безупречная православность сочиненія г. Сиротинскаго, [5]) которое затрагивало спорный вопросъ, наглядно показывала и безопасность указанной задачи, и ея плодотворность. Что же касается засимъ до законоположеній, то прежде всего первенство знательной миссіи академіи подчеркивается первенствомъ лица, которое завѣдуетъ ею. Конечно, нравственная благовоспитанность студентовъ духовнаго заведенія есть нѣчто само собою разумѣющееся, и ученики

академіи въ періодъ 1-го Устава, обыкновенно называются воспитанниками, только у Пр. Филарета и его преемника кое гдѣ именуются студентами. Но она поставлена какъ главная цѣль *всѣхъ* вообще духовно-учебныхъ заведеній [6]). Правильное же достиженіе этой самой цѣли въ *высшемъ* духовно-учебномъ заведеніи по смыслу и слову законодательства требуетъ освободить начальника академіи отъ непосредственныхъ заботъ о соотвѣтствіи ей въ обычной, обыденной жизни воспитанниковъ, каковыя заботы возлагаются на инспектора [7]); ректоръ же имѣетъ дѣло съ учено-образовательною частію, [8]) и это главное сосредоточеніе именно на ней еще рѣшительнѣе оттѣняется особою статьею законоположенія, по которой „званіе доктора богословія даетъ преимущественное право быть ректоромъ предъ всѣми другими званіями и должностями“ [9]). Засимъ: совершенно безспорно, что изъ трехъ причинъ учрежденія академіи на I-мъ мѣстѣ стоитъ „образованіе юношества къ высшимъ должностямъ“ [10]). Но если говорить безпристрастно, то эта цѣль есть, такъ сказать, почетная. Она не приложима ко всѣмъ воспитанникамъ академіи или хоть большей части ихъ. Правомочными занимать высшія должности, какъ поэтами, не столько дѣлаются—fiunt, сколько рождаются—nascuntur. Въ разсужденіи такихъ лицъ школа можетъ приписать себѣ лишь самое скромное значеніе. Отсюда намъ остается лишь благодарить законодателя за то, что онъ даетъ намъ право причитывать ихъ и нашимъ стараніямъ: такимъ образомъ гордиться тѣмъ, что изъ нашего питомника вышелъ цѣлый сонмъ іерарховъ [11]), достигавшихъ иногда даже до высокаго сана митрополита, даетъ намъ далѣе право учесть въ свою пользу и то, что въ С.-Петербургской духовной академіи получило образованіе и 5 высшихъ сановниковъ бѣлаго духовенства. А что касается до представителей высшихъ должностей второстепеннаго класса—до о.о. ректоровъ т. е., то безспорно, что ученая образованность

является наиболѣе прямой и прочной *внутренней основой* для права ихъ быть начальниками. А сообразивъ, что ректорами въ 19 вѣкѣ были почти исключительно монашествующіе, мы встрѣчаемся съ устойчивымъ закономъ преданія, исходящимъ отъ Филарета: который потому желалъ, чтобы въ академіи было много монаховъ, что, согласуясь съ В. Преосв. Макаріемъ Булгаковымъ въ отрицательномъ взглядѣ на ученую работоспособность бѣлаго духовенства, въ отличіе отъ него, монашествующихъ считалъ наиболѣе призванными и приспособленными къ сосредоточенному занятію именно наукою [12]). Засимъ, поскольку возможно другое назначеніе академіи, знательному прямо несоотвѣтствующее, постольку безспорно, что о полной желательности для академіи священнослужительства вышедшимъ изъ нея воспитанникамъ не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній; и предъ окончаніемъ курса не только ихъ спрашивали [13]): въ какомъ сословіи они хотятъ состоять, но и они за очень немногими исключеніями по крайней мѣрѣ подписывались: быть въ сословіи духовномъ и опять лишь за весьма немногими исключеніями на дѣлѣ переходили въ свѣтское сословіе. Но въ I-мъ уставѣ приготовленіе священниковъ относится собственно къ задачѣ *семинаріи* [14]). А для академіи первое служеніе есть, говоря вообще, ученое. Извѣстный Петербургу о. Апполосъ Знаменскій отпускается въ іереи раньше времени лишь во уваженіе къ желанію Высочайшихъ Особъ [15]). На вопросъ Консисторіи о препятствіяхъ къ поступленія въ іереи другаго академія отвѣчаетъ, что ихъ не будутъ усматривать лишь въ томъ случаѣ, если іерейскую службу онъ можетъ совмѣстить съ прямыми своими—преподавательскими обязанностями [16]). На открывавшіяся въ столицѣ священическія мѣста предложеніе занять ихъ дѣлалось только тѣмъ академическимъ наставникамъ, которые выслужили узаконенный четырехлѣтній срокъ, [17]) и дальше—въ позднія годы окончившихъ, которые поступали прямо въ іереи, освобождали отъ уплаты за со-

держаніе ихъ въ академіи лишь при помощи небезъискусственнаго мотивированія, именно «по примѣру прежнихъ лѣтъ»[18]). А при этомъ не только предъявлялось, чтобы въ разсужденіи открывающихся іерейскихъ мѣстъ всегда оказывали предпочтеніе окончившимъ академію; но еще въ Уставѣ 14 г. было положено за правило, что въ разсужденіи іерейскаго старшинства лѣта учительской службы должно считать преимуществующими предъ лѣтами службы епархіальной [19]) и объявляется неправильнымъ, если имѣющихъ старшинство епархіальной службы иногда ставятъ выше имѣющихъ преподавательскій цензъ благодаря пройденному ими академическому курсу [20]). Наконецъ, обращаясь къ личности Впр. Филарета Дроздова, особенное значеніе котораго для нашей академіи указано, мы видимъ, что въ своемъ очень важномъ циркулярѣ онъ съ особенной настойчивостію говоритъ [21]), какъ о первой, о необходимости опредѣлять студентовъ по ихъ успѣхамъ, отмѣчаетъ, что тому, къ сожалѣнію, не оказывали должнаго вниманія оба предшествовавшихъ ему ректора, не рѣшался сначала и онъ въ надеждѣ со временемъ получить болѣе достовѣрныя свѣдѣнія; въ настоящій же моментъ наступилъ срокъ исправить прежній промахъ; и онъ не только дѣлаетъ то, что требовалъ законъ, но (успѣшно) находитъ нужнымъ ходатайствовать о расширеніи рамокъ закона для наибольшей точности въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса студентовъ съ точки зрѣнія знательной, и поэтому съ 1-го же академическаго курса кромѣ узаконенныхъ двухъ является еще разрядъ третій.

Однако, этимъ еще не исчерпываются всѣ данныя, которыя въ этомъ случаѣ нужно соображать. Пока выходило бы только то, что академія разсматривалась тогда, какъ высшее заведеніе знательное, правда, но учебное. А по смыслу I-го Устава высшее духовно-учебное заведеніе есть не самая академія, но, какъ тогда говорили, академическій институтъ [22])—

институтъ при академіи, который находился подъ прямымъ, почти исключительнымъ вѣденіемъ «Внутренняго Правленія», составлявшагося изъ ректора, инспектора и эконома, который, если не принадлежалъ къ составу академическихъ преподавателей, въ обсужденіи учебныхъ дѣлъ замѣнялся такимъ или другимъ профессоромъ [23]). Академія же есть нѣчто большее: она есть «судилище знаній» [24]), творецъ и представитель всей православно-христіанской науки въ нашемъ отечествѣ. Высшій и нарочито созданный органъ ея есть Конференція. И не только въ ней по временамъ дѣйствительно предсѣдательствовалъ, какъ у насъ теперь на диспутахъ, самъ Митрополитъ [25]); но мы знаемъ, что прежде, чѣмъ торжественному дню въ году у насъ быть 17-му февраля, таковымъ по крайней мѣрѣ въ 14-мъ году былъ день 13 августа— «торжественнаго открытія» у насъ Конференціи [26]), актъ котораго постановили напечатать въ 600 экземплярахъ [27]), и сообразно съ этимъ въ аттестатахъ и формулярныхъ спискахъ окончившихъ въ іюнѣ первый, 5½ лѣтъ продолжавшійся курсъ [28]), значится, что они окончили свой большой трудъ именно 13 августа [29]). Самая докторская степень открыта, говорится, для приданія авторитета высшему духовному просвѣщенію въ Россіи [30]), сообразно съ чѣмъ учреждена особая книга для записи докторовъ богословія [31]) и доселѣ хранящійся «ковчегъ» для храненія этой книги. А что бы комплектъ докторовъ «избирательныхъ»—получившихъ эту степень по выбору былъ правильнымъ въ самомъ началѣ, для этого въ Комиссію духовныхъ училищъ, адресуется отношеніе, въ которомъ сказываютъ [32]), что за границей прежде званіе доктора богословія давалось по строгомъ испытаніи учеными богословами, нынѣ же оно дается такими людьми, которые не доказали ученому свѣту и своего права на него, поэтому и дальнѣйшіе получаютъ его безъ заслуги и оно означаетъ только учившагося богословію, а иногда и того менѣе, такъ

что имя осталось, а учрежденіе исчезло; и во избѣжаніе этого желаютъ и просятъ, чтобы у насъ избирателями были «мужи знаменитые духовными своими сочиненіями и благодѣтельнымъ вліяніемъ на духовное просвѣщеніе", именно Митрополитъ Амвросій, Михаилъ (тогда Черниговскій) и Серафимъ. Получивши такую корректную постановку, открывая готовно у себя мѣсто членамъ почетнымъ, числя, наконецъ, въ своемъ составѣ нѣкоторыхъ работоспособныхъ священнослужителей съ именемъ въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, Конференція наша изъ академическихъ наставниковъ, могла имѣть только профессоровъ; и для того, чтобы дать въ ней полноправное мѣсто и баккалаврамъ, было создано званіе экстраординарнаго профессора [33]), котораго въ очень скупыхъ размѣрахъ удостоивались вначалѣ лишь немногіе [34]), притомъ безъ увеличенія оклада. Въ нѣдрахъ самой академической сферы она была уполномочена на дѣятельное и даже прямо контролирующее экзаменское испытаніе студентовъ [35]) и другихъ, искавшихъ академическаго права [36]), и затѣмъ это было въ ея безраздѣльномъ распоряженіи—присуждать такую, или другую ученую степень [37]), сообразивши мѣру знаній, способности писать, а также конечно и поведенія, для оцѣнки котораго въ разсужденіи студентовъ она имѣла право требовать точныхъ свѣдѣній отъ Правленія [38]). Съ другой стороны на ней лежало «знать современное духовное просвѣщеніе и дѣйствовать... по настоящей нуждѣ» [39]). Отсюда трудно понять тѣ, вѣроятно сложныя, причины, соображаясь съ которыми она не надумала чрезъ званіе доктора, или почетнаго члена связать себя со всѣми мѣстными руководителями духовнаго просвѣщенія [40]). Но во всякомъ случаѣ, если семинарскій наставникъ получалъ званіе профессора, то по крайней мѣрѣ въ началѣ это не всегда значило то, что онъ магистръ, а не кандидатъ; но то означало, что по суду Конференціи онъ заслуживаетъ быть причтеннымъ къ ученому сословію [41]);

и потому когда Конференція подвергала своему разсмотрѣнію присылаемые ей высшей властію конспекты семинарскихъ наставниковъ, то иныхъ она удостоивала званія профессора, а инымъ отказывала въ такомъ званіи [42]), и безспорно *были* ходатайства чрезъ Комиссію духовныхъ училищъ объ удостоеніи выдающихся наставниковъ съ *кандидатской* степенью высокимъ чиномъ профессора [43]). Наконецъ, на ней лежали: и обязаности Цензурнаго Комитета [44]) - который лишь въ послѣдствіи сталъ разсматривать рукописи и книги съ точки зрѣнія теперешней, а прежде вѣдалъ также и научную состоятельность цензоруемаго [45]); и въ извѣстной мѣрѣ обязанности Духовно-Учебнаго комитета [46]), и руководствованіе Закономъ Божіимъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, кончая самыми высшими [47]). Всѣ эти дѣла, увеличиваясь и усложняясь, съ теченіемъ времени отпали и потребовали для себя особыхъ учрежденій; но первоначально всѣ они должны были находиться въ вѣдѣніи Конференціи, которая для того, чтобы вѣрнѣе стоять на уровнѣ современной науки, искала себѣ членовъ - корреспондентовъ въ средѣ заграничныхъ священнослужителей [48]).

Между Конференціей и академическимъ Институтомъ были точки самаго живого взаимнаго соприкосновенія. Достаточно сообразить, что съ одной стороны Предсѣдатель Внутренняго Правленія, которое вѣдало Институтъ, былъ Предсѣдателемъ и Конференціи, а инспекторъ и 3 й членъ Правленія были членами послѣдней; съ другой стороны профессоры члены ея входили въ составъ преподавательскаго персонала. Однако, что было въ живой дѣйствительности, до времени требуетъ удерживать оба эти отдѣла Академіи въ розности и придавать рѣшительное значеніе тому, что одинъ изъ нихъ былъ ученымъ, а другой учебнымъ. Останавливаясь на послѣднемъ, можно начать съ того, что семинаріямъ, которыя должны были заполнять академическій Институтъ

своими питомцами, съ самыхъ первыхъ поръ предъявлялось властію рѣшительнѣйшее требованіе посылать не только наиболѣе сильныхъ по уму и прилежности и доброму поведенію; не только физически способныхъ выносить трудныя—очень трудныя занятія, но и не смотрящихъ на Институтъ, какъ на станцію для перехода въ свѣтскія заведенія [49]). Вызовъ же такихъ юношей, оказалось, не имѣлъ того ограниченія, котораго само по себѣ возможно было ожидать. Такъ дорожили тѣмъ, чтобы имѣть наибольшее количество даровитыхъ, что забывали о (скоро случившемся) раздѣленіи Россіи на 4 учебныхъ Округа; ссылались конечно на „примѣры прежнихъ лѣтъ“; и половина вызванныхъ въ Петербургъ была изъ Тамбова, Москвы, Кіева, и т. д. Насильственнаго здѣсь ничего не было: были побужденія, которыя настолько притягивали къ столичной академіи, что сюда съ великой охотой отправлялись не только посылаемые на казенный счетъ, но и добровольцы - „волонтеры“. И въ концѣ концовъ вышло то, что по количеству учившихся у насъ за всѣ 100 лѣтъ только первые три мѣста заняты семинаристами Петербургскаго Округа [50]), а затѣмъ начинаютъ идти въ перемежку съ ближними воспитанники и тѣхъ семинарій, изъ которыхъ переправка въ нашу столицу при прежнихъ путяхъ сообщенія требовала цѣлыхъ недѣль [51]). А отношеніе къ нимъ академіи, согласно ея задачѣ были двойственными. Отрицательныя подвергались неоднократнымъ колебаніямъ между двухъ крайностей, изъ коихъ на одномъ концѣ стояло условное принятіе неуспѣвшихъ на пріемномъ испытаніи до ближайшаго экзамена [52]), и мотивировалось различно [53]), только, если не говорить о немногихъ случайныхъ явленіяхъ [54]), обыкновенно основывалось на ожиданіи—нерѣдко сбывавшемся ожиданіи успѣха и отъ нихъ [55]). На другомъ концѣ стояло рѣшительное предупрежденіе, что лучше совсѣмъ и не пріѣзжать тому, кто не увѣренъ твердо въ своихъ силахъ [56]). Что же касается до отношеній

положительныхъ, т. е. къ талантливымъ; то съ самаго начала и до конца оно отличалось понятной устойчивостію. Съ давнихъ поръ обозначались препятствія къ пріему въ Институтъ—непереходимыя;[57]) но только одно изъ нихъ—аттестатъ 2-го разряда, другими словами—невысокій умственный цензъ, являлся препятствіемъ дѣйствительно непереходимымъ, несмотря ни на что, и напр. самъ гр. Протасовъ сдѣлалъ *предложеніе* допустить къ экзамену второразрядника, но дѣло разрѣшилось въ неблагопріятномъ смыслѣ для послѣдняго [58]). Что же касается до другихъ препятствій, то, кажется, можно поставить за правило, что они непремѣнно, а по временамъ даже и совсѣмъ неожиданно выплывали, когда дѣло шло о неприкладныхъ къ наукѣ [59]); и совсѣмъ затушевывались въ обратныхъ случаяхъ. Воронежское семинарское Правленіе высказываетъ боязнь рекомендовать Ѳедотова; такъ какъ онъ—иноепархіальнаго происхожденія: но онъ кончилъ семинарію первымъ, и потому предложено было послать его казеннымъ [60]). Архангельская семинарія охотно рекомендовала бы Семенова; но у него непереходимое препятствіе въ томъ, что онъ только изъ средняго (философскаго) отдѣленія,—препятствіе, которымъ мотивировался отказъ даже въ особенныхъ случаяхъ; и все таки предложили внести его въ число вызываемыхъ [61]). Москвичъ Знаменскій проситъ о включеніи его въ организуемый XII курсъ. Но изъ Москвы не предположено вызывать никого. Правленіе, однако рѣшило: спросить у семинаріи каковъ онъ «по наблюденію и опыту» ея; и въ скорости чрезъ Комиссію духовныхъ училищъ онъ вызывается [62]). Даже серьезное препятствіе обходилось, разъ оно являлось помѣхою къ пріему особенно способнаго. Сколько я могъ провѣрить, подсчетъ подвергавшихся у насъ тяжкому недугу молодыхъ силъ показываетъ, что едва ли не цѣлая половина изъ общей суммы страдала, говоря вообще, отъ чахотки [63]). Въ 1833 г. докторъ нашъ не только заявилъ о физической не-

благонадежности сдавшаго пріемный экзаменъ прекрасно, а прибавилъ, что чахоточное сложеніе его замѣчалось еще въ (Петербургской) семинаріи. Правленіе же рѣшило, что, хотя это и вѣрно, только очевидно, что занятія въ академіи ему не будутъ затруднительны и обременительны; поэтому возможно принять этого воспитанника, который не обманулъ надеждъ Правленія ни въ разсужденіи бережливости, давшей ему долголѣтіе, ни въ пользахъ его для богословской науки, потому что это былъ высокочтимый Пр. В. И. Долоцкій [64]). И вотъ благодаря этой умной политикѣ изъ поступавшихъ къ намъ во все время дѣйствія I-го Устава мы потеряли весьма мало даровитыхъ [65]).

Само собою разумѣется, что Внутреннее Правленіе должно было всемѣрно стараться о томъ, чтобы поставить нововступившихъ въ условія наиболѣе благопріятныя для ихъ развитія. Прежде всего считали нужнымъ оторвать ихъ отъ того непосредственнаго стихійнаго склада, съ которымъ они пріѣзжали изъ провинціи, нерѣдко совсѣмъ глухой. Отсюда не только съ большой неохотой отпускали на каникулы въ отдаленныя отъ столицы мѣстности [66]), но подобно тому какъ въ Московской академіи въ каждой комнатѣ новоприбывшихъ изъ провинціи помѣщали Москвича [67]), такъ и у насъ употребляли всѣ мѣры, способствующія цивильности и даже было правило, по которому пѣть партесное разрѣшалось, а пѣть народныя пѣсни воспрещалось [68]). Главное, однако, въ томъ, что уже въ самомъ Уставѣ 14-го года точно регламентированъ весь порядокъ дня студентовъ; и всякому, кто всмотрится въ него, будетъ видно, что хотятъ организовать порядокъ жизни, обычный для хр. *ученаго*, отшельническій—Болотова напр. Отданность наукѣ требовалась полная и, кромѣ обязательнаго исполненія ежедневнаго церковно-христіанскаго уклада, затѣмъ необходимыхъ часовъ сна и отдыха, все время должно было идти на науку. Когда въ 1816 г.

Губернское Правленіе потребовало студента Максимовича для полученія наслѣдства; данъ былъ отвѣтъ, что ходить студенту въ учебные часы значило бы отвлекаться отъ дѣла [69]). Когда въ 17-мъ году студентъ Елисеевъ взялся исправить бумагу для своего знакомаго іеродіакона Аверкія, ему было объявлено, что, занимаясь писаніемъ приказныхъ бумагъ, онъ вышелъ изъ предѣловъ своихъ обязанностей и своего (студенческаго т. е.) состоянія [70]). Когда въ 32 году студентъ Слиборскій въ каникулы просился на Охту заниматься со своимъ ученикомъ, ему было внушено, что онъ становится ниже того примѣра, который даетъ ему ученикъ уѣзднаго училища [71]). И нельзя не согласиться, что такъ налаженный образъ жизни студента является и правильнымъ по существу, и цѣлесообразнымъ, и навѣрно прямо желательнымъ для всякаго, кто пріѣзжалъ сюда не жить, а учиться. Нѣчто затемняющее въ немъ могло являться лишь у тѣхъ академическихъ начальниковъ, для которыхъ жизнь наукою стала привычкой, но которые въ тоже время имѣли опыты, удостовѣрявшіе ихъ въ томъ, что интересы студенческой молодежи направлены въ иную сторону [72]).

Что касается средствъ для наилучшей постановки академическаго образованія; то очень необходимо обратить особенное вниманіе на первоначальный методъ его [73]), точно описанный творцами 1-го нашего Устава и В. Пр. Филаретомъ. Кажется, что, исходя изъ уваженія къ знательной цѣли академіи, этотъ Сократовскій методъ усматривалъ для себя надежную опору въ питомцахъ академическаго института. Если это все лучшіе студенты семинаріи, то какъ нельзя болѣе правильно обращаться не къ памяти ихъ— всегда забивающей и отупляющей, но къ разуму, такъ что лучшій наставникъ не тотъ, который говоритъ самъ хорошо, а тотъ, который умѣетъ возбудить къ умственной работѣ воспитанниковъ [74]). Конечно изъ себя самихъ послѣдніе не могутъ создать и по-

ловины всей суммы академическаго знанія. Но это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ семинарское образованіе не могло оказать помощь студенту, на помощь долженъ являться профессоръ со своими дополнительными сообщеніями. Такимъ образомъ лекція академическая (за исключеніемъ гражданской исторіи) [75]) является штудированіемъ узаконеннаго учебника—«классической книги» совокупными усиліями преподавателя и воспитанниковъ. Съ этимъ естественно связывается другая работа, на которой особенно настаиваетъ законодатель и которая заключается въ томъ, чтобы преподаватель: Св. Писанія привлекалъ студентовъ къ тщательному анализу библейскихъ матеріаловъ, философіи—къ анализу твореній Платона, исторіи къ анализу Тацита, краснорѣчія - къ анализу образцовъ изъ классической литературы, гомилетики—къ анализу св. отеческихъ словъ и поученій [76]). Вездѣ пріученіе къ анализу, который есть отличительная основа *науки* какъ такой. При этомъ безъ упоминанія само собою понятно, что являлся настойчивый призывъ студентовъ къ самостоятельному авторству и они должны были каждомѣсячно писать сочиненія, которыя вдобавокъ разбиралъ съ ними нерѣдко самъ профессоръ [77]).

Съ другой стороны, въ замѣчательной для того времени систематизаціи предметовъ обученія 3-й ректоръ академіи положилъ доброе начало, которое оставалось только продолжать. Такимъ образомъ, вплетенное въ церковно-историческую науку ученіе о христіанскихъ древностяхъ выдѣляется въ самостоятельную каѳедру литургики [78]). Нѣсколько раньше возникла патрологическая наука вѣроятнѣе всего по мысли ректора Аѳанасія Дроздова, благодаря которому у насъ въ библіотекѣ явился извѣстный Cursus completus Patrologiae [79]). Засимъ русская исторія выдѣляется и обособляется отъ гражданской [80]). А вскорѣ послѣ этого конференція высказалась съ полнымъ сочувствіемъ къ проекту Введенія въ Богословіе, кото-

рый пошелъ отъ Кіевскаго Инспектора, послѣ Впр. Димитрія Муретова, и первоначально наука для опыта была введена въ обоихъ сейчасъ названныхъ академіяхъ [81]). По мысли Митрополита Никанора каноника преобразуется въ живую науку церковнаго права [82]). А Пр. Митрополиту Григорію не только принадлежитъ открытіе науки по расколу, но онъ самъ велъ миссіонерскіе классы [83]). Съ другой стороны надо было позаботиться о томъ, чтобы свѣтскія науки, въ числѣ которыхъ нашли себѣ мѣсто и физика съ математикой, не затмѣвали духовнаго характера академіи. Архаическая мѣра выпускать прилѣпившихся къ нимъ въ 3-емъ разрядѣ и даже такихъ, которые потомъ стали профессорами въ Московской же академіи, ограничилась только первымъ нашимъ курсомъ [84]). Другое дѣло въ скорости введенное раздѣленіе академическаго курса на старшій и младшій. Причины для этого указаны школьно-педагогическія [85]); но это причины вторичныя, а основная: которая ясно сказываетъ себя въ типическихъ особенностяхъ каждаго изъ раздѣленныхъ курсовъ, выдвигаетъ предъ нами, какъ образецъ ея, раздѣленіе древнихъ оглазительныхъ училищъ тоже на два курса, такъ что въ началѣ дается обученіе свѣтскимъ наукамъ, которыя только возглавляются наукою о словѣ Божіемъ, а затѣмъ идетъ уже сплошь положительное образованіе въ христіанствѣ. То подготовленіе – пропедевтика, а это самая суть; и поэтому именно допускались случаи какъ пріема прямо на старшій курсъ [86]), такъ и удовлетворенія просьбъ остаться въ послѣднемъ еще на два года [87]). Кромѣ этого, для того, чтобы свѣтскія науки не стояли угломъ къ духовнымъ, по внушенію Устава, философія должна помнить и самимъ дѣломъ показывать, что двухъ истинъ быть не можетъ [88]); Исторія должна быть философіей исторіи, и Боссюэтъ ставится, какъ образецъ для подражанія [89]); наконецъ, въ словесныхъ наукахъ должно искать психологію краснорѣчія. Разумѣется, сначала безпре-

кословно было принято не только первое и послѣднее, сов. правильное, а и то чего запрашивали отъ исторіи. А въ практикѣ даже замѣчаются нѣкоторыя преувеличенія, ибо законъ вовсе не требовалъ на публичные экзамены ставить по философіи трактаты изъ восточной, и въ настоящее то время совсѣмъ еще неразработанной сферы [90]).

Теперь пришла очередь отвѣтить на очень прозрачное сомнѣніе Духовно-Учебнаго Управленія въ результатности профессорскихъ занятій этого времени, выраженное въ меморандумѣ, который наша Конференція заслушала въ 1845 г. [91]). И кажется, Управленіе не полагало, что кромѣ матеріальныхъ результатовъ получаются иногда результаты формальнаго свойства; а въ извѣстное время они имѣютъ большую, дѣловую важность. То вѣрно, что въ первомъ періодѣ нашей академіи встрѣчаются весьма выдающіеся таланты. Если не считать нашихъ «преобразователей Кіевской академіи» [92]) перваго ея ректора Экзарха Моисея и И. М. Скворцова, то имена Высокопреосвященнѣйшаго Григорія, Павскаго. Сидонскаго и Моисея Голубева суть имена вѣчныя [93]). Но это не затмѣваетъ важной услуги, которую оказалъ чествуемому сегодня просвѣтительному учрежденію весь сонмъ его профессоровъ *совокупными своими* усиліями. Дѣло въ томъ, что до начала 19-го столѣтія, Россія не имѣла духовно-ученаго представительства. Былъ раньше проектъ устроить таковое въ Москвѣ и поставить его подъ руководство знаменитаго Митр. Платона [94]). Но проектъ остался неосуществленнымъ. Была затѣмъ Александроневская Акад., но достаточно сказать, что быть представительницей науки ей мѣшали входившіе въ составъ ея классы низшей школы [95]). А когда возникла С.-Петербургская Духовная Академія и благодаря творцамъ 1-го общеакадемическаго Устава, далѣе заботамъ 3-го своего ректора Филарета въ частности получила опредѣленную физіономію; тогда на Руси дѣйствительно началъ существовать очагъ

богословской науки, въ которомъ сегодня нѣтъ ученаго, завтра онъ будетъ, сегодня дѣло стоитъ на низкой степени, впослѣдствіи навѣрное поднимется. Это очень важно уже съ общей точки зрѣнія, поскольку т. е. важно, чтобы въ государствѣ, какъ суммѣ дѣлъ, извѣстное дѣло—въ данномъ случаѣ работа отечественной мысли по православно-религіознымъ вопросамъ, не было только дѣломъ отдѣльныхъ лицъ по ихъ доброй волѣ, но имѣло свой органъ, отвѣтственный за то, чтобы оно жило и въ этомъ именно его существованіи находящій оправданіе для своего бытія. Однако, не будемъ забывать того, что Академія наша стала дѣлать свое дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, что давнее подозрѣніе у насъ разума въ наклонности къ разрушенію вѣры имѣло опоры для себя не только въ западномъ протестанствѣ, но и въ отечественныхъ мистико-раціоналистическихъ уклоненіяхъ [96]); и положеніе дѣла стало тягостнымъ, прямо ужаснымъ: Митрополиту Филарету *въ православной Россіи* приходилось доказывать, что позволительно толковать Слово Божіе [97]). Отсюда нашей академіи приходилось переживать то время, когда она должна была не столько давать истовыхъ ученыхъ, сколько упрочить свое существованіе въ виду облегавшихъ ее серьезныхъ препятствій къ этому. И вотъ благодаря именно той постановкѣ, какую она получила отъ своихъ созидателей, благодаря доброму политическому искусству своей администраціи, благодаря, наконецъ, хорошему умѣнью профессоровъ и особенной осторожности подавляющаго большинства ихъ [98]) вышло то, что тогда какъ горячіе противники академіи въ родѣ Архим. Фотія, который подозрѣвалъ самого Филарета, можно сказать, трубили о гибели православія; всѣ благомыслящіе, которые дорожили христіанизаціей разума, какъ великой силы въ человѣческой исторіи, а потому безпристрастно вникали въ духъ служащаго этому учрежденія, находили, что ничего вредоноснаго отъ академіи не ожидается, а ожидаются напротивъ плоды

добрые. Поэтому тутъ какъ и вездѣ могутъ, конечно, быть разнаго рода ошибки, и ихъ надо предупреждать, когда онѣ угрожаютъ, и нейтрализовать, когда онѣ явились; но общаго это нисколько не затрагиваетъ. И рѣшеніе это стало безповоротнымъ: возьмите извѣстный печальный случай, что студенты 13 и 14 курсовъ отлитографировали и распространяли русскій переводъ Ветхо-Завѣтныхъ книгъ, по мѣстамъ существенно отклонявшійся отъ подлиннаго текста [99]). Если бы это событіе случилось въ началѣ существованія академіи, послѣдняя несомнѣнно была бы закрыта. Но такъ какъ оно случилось въ то время, когда академія нажила уже въ свою пользу устойчивое преданіе, поэтому началось оно, какъ инфлуэнца, очень бурно; а кончилось выговорами, надзорами и т. п. Поэтому-то мы не можемъ не вспомнить съ чувствами глубокой признательности достопочтенныхъ дѣятелей 1-го періода С.-Петербургской духовной академіи, засвидѣтельствовавъ, что они оказали самое дѣятельнѣйшее участіе въ успѣшномъ покрытіи первонасущной нужды послѣдней: они дали этому теперь 100-лѣтнему юбиляру въ общемъ безмятежно пройти опасную стадію Гамлетовскаго вопроса.

Но этого мало. Какъ то не замѣчали, что академическій Институтъ представляетъ собою постановку академическаго дѣла совс особливую. Не замѣчали развѣ лишь потому, что въ чистомъ видѣ онъ просуществовалъ только въ теченіе одного 1-го курса, хотя болѣе затемненное существованіе его дотянулось до 40-хъ годовъ [100]). Во всякомъ случаѣ у насъ на лицо такіе признаки, которые придаютъ ему характерную своеобразность. Это именно обязательная классическая книга и латинская рѣчь какъ книги этой, такъ аналитическаго собесѣдованія о ней профессора съ питомцами. Дѣло только въ томъ, что указанные признаки заключали въ себѣ самихъ начало разложенія. Если въ университетахъ исторія Шрекка могла быть учебникомъ съ исправленіями

по фактической сторонѣ [101]); то призванный властію къ оцѣнкѣ ея нашъ Соснинъ нашелъ въ ней массу подробностей прямо лютеранскихъ [102]). А между тѣмъ добрая половина принятыхъ руководствъ принадлежала инославнымъ авторамъ. Другіе учебники были, правда, составлены русскими богословами—Феофилактомъ Переяславскимъ и Иринеемъ Фальковскимъ. Но не говоря о немалой зависимости ихъ отъ заграничныхъ, и Впр. Филаретъ Кіевскій находилъ ихъ до послѣдней степени обветшалыми [103]); и какая же тутъ наука—разъяснять и по мѣстамъ дополнять подобные пережитки. Съ другой стороны усилія сохранить латинскую рѣчь, несмотря ни на что, протягивались на долгіе годы [104]); но сдѣлать они ничего не могли, потому что противъ нихъ было существо дѣла. Кто могъ оспаривать Филарета Московскаго, который поставилъ на видъ, что латинскій языкъ а) по своему происхожденію принадлежалъ *языческому* міру, б) сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ *инославнаго* вѣроисповѣданія [105])? Отсюда движеніе противъ обѣихъ особенностей академическаго института началось рано и первымъ началъ его все тотъ же *нашъ* Григорій великій-Постниковъ, который въ жизни нашей академіи встрѣчается всюду. И если прежде говорили [106]), что въ свободные часы воспитанники должны усвоить (*кромѣ учебника*) изустно произнесенное профессоромъ, то о Григоріѣ ревизоръ—его бывшій учитель докладываетъ Св. Синоду, что онъ и самостоятельно обработалъ всѣ многосложныя части богословскаго знанія, и желаетъ передавать ихъ русскою рѣчью [107]), на которую въ скорости Св. Синодъ предложилъ и другому ректору (Пр. Іоанну Доброзракову) переложить его латинскій учебникъ герминевтики [108]). А когда начавшееся движеніе вошло въ силу, тогда въ академической средѣ произошелъ, какъ теперь говорятъ, **сдвигъ**, который имѣлъ громадныя послѣдствія, прямо благопріятныя для академическаго дѣла. Профессорамъ — членамъ Конференціи, за которыми неизбѣжно послѣдовали и

юнѣйшіе, нельзя было не видѣть, что устранились необходимости говорить о томъ, тогда, такъ и столько, о чемъ когда, какъ и сколько требуетъ обязательный учебникъ; устранилась засимъ необходимость быть скупымъ на слово, чтобы быть понятнымъ для воспитанниковъ, которымъ сравнительно гораздо труднѣе было слушать и отвѣчать по латыни, не смотря на приспособленный для нихъ учебникъ фразеологіи [109]). Нельзя было не видѣть, что благодаря этимъ обстоятельствамъ и такъ способные слушатели становятся еще болѣе способными; слѣдовательно, открывается возможность, да вмѣстѣ и надобность, а вмѣстѣ и давнее желаніе не учить ихъ, какъ школьниковъ, но говорить имъ, какъ студентамъ, лекціи, а поэтому рѣшительнѣе сосредоточиться на изученіи данной науки, согласно Закону: «стоять на высотѣ современнаго ея развитія», и съ твердой надеждой въ аудиторіи встрѣтить вполнѣ подготовленныхъ къ усвоенію выработаннаго въ кабинетѣ. Такимъ образомъ и случилось, что *академическія Институтъ замѣнила собою Академія*, какъ она есть теперь [110]). Съ этимъ въ нѣдрахъ и самой академіи возникъ стимулъ къ выдѣленію изъ нея тѣхъ, можно сказать, общественныхъ обязанностей, которыя несла она, какъ Конференція,—выдѣленіе не одного только Цензурнаго Комитета, въ которомъ лишь прибавили 4-го цензора спеціально для нашего Христіанскаго Чтенія [111]) такъ что Академія, (кромѣ переводовъ бумагъ для Св. Синода) оставляетъ за собою въ сущности только отзывы о книгахъ, да ревизіи, да предназначенія.

Наконецъ: что и какъ сдѣлали тѣ наши предшественники, которые, какъ сказано, старались вывести академію изъ первичнаго, зачаточнаго состоянія и успѣли дать ей видъ и постановку духовно-учебнаго заведенія дѣйствительно уже высшаго. Чтобы не подумали, что бѣдное слово мое преувеличиваетъ достоинство профессоровъ I-го періода, представляетъ ихъ (талантливыхъ, но въ общемъ средней мѣры)

чуть не великими и не скрадываетъ дѣйствительной наличности, въ которой было много нетвердаго, считаю нужнымъ предварительно обратить вдумчивое ваше вниманіе на то, что академическое дѣло имѣетъ свою конечную цѣль, что послѣдняя обладаетъ неотразимымъ правомъ быть, а потому, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, она есть не только идея, но и сила — сила Божественнаго промысла, слышно и не слышно направляющая событія сообразно со своими потребностями. А отсюда и первые осуществители этой цѣли *сознательно* руководились ближайшими соображеніями, иногда личными, но *воля* ихъ, дѣлала то, что нужно было дѣлать, хотя дѣлала медлительно, непрямолинейно и съ разными недочетами въ подробностяхъ. Конечная цѣль эта заключается въ томъ, чтобы правое христіанство получило отъ русскаго пріобрѣвшаго высокое образованіе ума все, что онъ въ силахъ вложить въ эту сокровищницу по особенностямъ національнаго своего генія. Филаретомъ она была введена въ тѣ предѣлы, ограждаемая которыми она рѣшительно отрѣзается отъ лютеранства [112]). А въ концѣ I-го періода послѣдній ректоръ епископъ разъясняетъ [113]) и въ самые первые годы послѣдующаго періода другой опираетъ на святоотческій авторитетъ [114]) ее такъ, что: вкладъ отъ русскаго православія заключается вовсе не въ присозданіи, значитъ — примышленіи правой вѣрѣ чего либо новаго по существу, но въ прираженіи послѣдней къ русскому разуму, для котораго благодаря этому она становится родной и живой собственностію. Такова, повторяю, идеальная цѣль, которая господственно показываетъ, *куда* надо направляться русскому академическому дѣлу. А *какъ* именно идти къ ея достиженію *нашей* академіи, это опредѣлялось тою особенностію, которая, судя по всему, несомнѣнно принадлежитъ ей и которая, замѣчу, ранѣе всего прочаго принципіально и рѣшительно отрицаетъ тотъ подлогъ, по коему каѳолическое христіанское вѣрованіе, представительство

котораго и въ академическомъ отношеніи еще принадлежало пришедшему въ упадокъ греческому богословскому разуму, разсматривали, какъ православіе «отрицательное» и ему *противополагали* русское православіе, какъ «положительное» [115]), проглядывая, что тутъ вовсе не противоположность, а родовое различіе— различіе между правовѣріемъ, какъ общеобязательнымъ закономъ, и православіемъ, какъ правымъ выраженіемъ этого общеобязательнаго закона въ данной частной сферѣ, напр. сирійской, карѳагенской, греческой, русской, гдѣ *уже даны* блестящія его выраженія въ религіозномъ вдохновеніи нашихъ церковныхъ каноновъ, которые, оставивъ далеко позади себя труды позднѣйшихъ еллинскихъ авторовъ, вразъ блестяще сказываютъ и правую хр. вѣру и нашу національную своеобразность. И вотъ, говоря, о такой *нашей* особенности, мы откровенно должны признать, что въ противоложность Московской академіи, гдѣ съ I-го же курса возникло философское общество [116]), и гдѣ могли вырабатываться такія величины, какъ протоіерей Голубинскій, намъ философія не далась. Добрая часть профессоровъ ея у насъ представлялась лицами, которые получили образованіе или заграницей [117]), или, какъ авторъ солидной Логики и переводчикъ Платона В. Н. Карповъ—въ Кіевѣ. Изъ нашихъ же Красносельскій безвременно скончался, Левицкій ушелъ въ Москву быть профессоромъ философіи, а оставшійся у насъ составилъ учебникъ исторіи философіи, но неудачный, занялся хр. археологіей и кончилъ тѣмъ, что вышелъ на канцелярскую службу [118]); другой былъ переведенъ съ философіи на французскій языкъ и славенъ не столько какъ философъ, сколько какъ ученый почти безпримѣрно всесторонней и глубокой начитанности [119]), третій брался за составленіе учебника по двукратному вызову Св. Синода, но издалъ только нѣмецкій переводъ логики Бахмана [120]). А послѣдній приготовлялся собственно къ русской церковной исторіи [121]),

до конца своей писательской дѣятельности продолжалъ печатать старательные труды по ней и составилъ правда учебникъ психологіи, но философіей занимался ex officio, да и читалъ ее самую большую часть времени только до Канта [122]). Точно также ни по церковному праву, ни по словесности и краснорѣчіямъ мы не можемъ выставить подобныхъ Пр. Иннокентію и Іоанну, А. С. Павлову, Порфирьеву, и другимъ. Но взамѣнъ этого кажется первѣйшимъ требованіемъ у насъ всегда являлись: доточный анализъ, даваемое имъ отчетливое знаніе, основанное на положительныхъ данныхъ, засимъ хорошо провѣренное. И причастные этому наши старые предшественники подъ вліяніемъ, конечной, идеальной задачи академіи живо и прямо примыкали къ той мысли, что великая задача оправославить русскій разумъ первѣе всего требуетъ сдѣлать русскою основу нашей вѣры — Св. Писаніе. Поэтому на нихъ не могли не дѣйствовать понятнымъ образомъ эти горячія до неразборчивости средствъ, притомъ весьма длительныя усилія, которыя были употреблены съ цѣлью воспрепятствовать до самаго послѣдняго конца: — до того, чтобы русскаго перевода не было даже и на ряду со славянскимъ [123]). И имъ были непосредственно близки Филаретовы разоблаченія тѣхъ, которые примыкали къ Кирилло-Меѳодіевскому обличенію «трязычной» ереси, а сами въ тоже время раздѣляли переводы на канонизованные и неканонизованные [124]). И ихъ не могли не возмущать странныя утвержденія, будто русскій языкъ есть простонародное нарѣчіе славянскаго [125]). Еще болѣе для нихъ было близко то обходившееся противниками обстоятельство, что производительность православно русской мысли безъ русской библіи будетъ зданіемъ, которое строится безъ фундамента. Поэтому они не только вняли золотымъ словамъ Императора Александра Благословеннаго [126]), не только въ лицѣ Григорія настойчиво и горячо отстаивали правое дѣло [127]); не только переводили съ

еврейскаго Моисеевы книги, сожженныя въ 1824—5 г.[128]), а раньше евангеліе [129]); но и приняли самое дѣятельное участіе въ переводѣ Св. Писанія на отечественный языкъ, авторизованномъ высшей духовною властію [130]). Что касается до другого источника правой мысли, то по почину высшаго предложенія у насъ уже былъ выработанъ и практически соображенъ планъ систематическаго перевода святоотеческихъ писаній [131]); но послѣ заявленія Московской академіи, что она и впредь будетъ заниматься этимъ прежнимъ своимъ дѣломъ [132]), намъ оставалось только сосредоточиться на великомъ и издревле близкомъ русскому народу Златоустѣ [133]). Далѣе въ сущности это было бы не точнымъ знаніемъ, да и не русскимъ, если бы правая вѣра наша не освѣщалась христіанской исторіей. И поэтому именно *у насъ* признается необходимымъ переводъ первыхъ церковныхъ историковъ, начиная съ Евсевія и кончая Византійскими. А засимъ въ разсужденіи исторіи вообще, сообразно запросамъ точнаго знанія у насъ весьма рано замѣтили, что Боссюэтовской точки зрѣнія не слѣдуетъ самъ Боссюэтъ [134]), что говоритъ напр. «дѣла Божіи чрезъ франковъ--Gesta Dei per francos» значитъ приписывать Всечистому и Всесовершенному то, что Его оскорбляетъ; что лучше, если исторія будетъ помогать вѣрному представленію событій и другихъ подробностей христіанской исторіи, а поэтому нужно позаботиться болѣе всего о томъ, чтобы исторія разсказывала о фактахъ достовѣрныхъ; и ученая дѣятельность у насъ въ этомъ направленіи началась даже раньше весьма сильнаго критическаго отзыва объ одномъ популярномъ учебникѣ исторіи, который представилъ въ К. Д. У. прот. Кочетовъ [135]). А въ 1837 г. учрежденный при нашей Конференціи Комитетъ въ лицѣ преимущественно нашихъ дѣятелей, Пр. Венедикта, впослѣдствіи тоже Пр.: Николая, Аѳанасія, Макарія, Протопресвитера Бажанова и проф Вознесенскаго тщательно разобралъ «классическія и

вспомогательныя книги по всѣмъ частямъ богословскаго ученія» [136]). И результатомъ это была полная перестройка, благодаря которой устарѣлыя академическія учебныя книги были устранены, а литература для профес. освоеній въ наукахъ была пополнена трудами заграничныхъ ученыхъ, которые тогда были передовыми. Послѣ этого личному почину нашихъ предшественниковъ оставалось лишь продолжать и расширять налаженное дѣло надлежащей разработки православно христіанскаго вѣденія. Они за это взялись въ общемъ ревностно, такъ что къ 60-мъ годамъ они уже имѣли право сказать свое „Нынѣ отпущаеши“. Они исполнили свое назначеніе: успѣли соорудить надлежащій *фундаментъ*, на которомъ могло засимъ воздвигаться доброе зданіе терпѣливаго многосложнаго подготовленія во 2-мъ періодѣ къ строго научному, если не прямо принудительному, то неотразимо поучительному для запада разрѣшенію великой проблемы православія на почвѣ русскаго разума, которому сама исторія передала право и обязанности въ знательномъ отношеніи стоять въ головѣ исповѣдующихъ вѣру правую. Добавлю одно, что за это время у насъ образовался устойчивый добрый контингентъ профессорства, которое не оборачивается спиною къ изысканіямъ западнаго (воспользовавшагося упадкомъ греческаго и недозрѣлостію нашего) научнаго разума, и готовно принимаетъ эти изысканія, разъ они не являются такими деревьями, за которыми не видно лѣса, разъ они могутъ входить въ наши ученыя богатства, какъ прививки, которые дѣлаютъ растеніе еще болѣе благотворнымъ. Такъ что мы знаемъ, конечно, глубоко прочувствованную жалобу о. прот., оберъ священника Державина—который утверждалъ, будто все видѣвшееся ему зло лежитъ въ *необнародованныхъ* профессорскихъ лекціяхъ [137]). Только во первыхъ онъ сказалъ меньше того, что было: профессорскія лекціи не только не обнародовались, но чаще всего и не были обязательны для экзаменую-

щагося студента, и лишь не многіе могли пересказать всѣ слышанныя отъ Голубева многочисленныя разнотолкованія Гал. 3, 20: Богъ же единъ есть, или талмудическое объясненіе извѣстнаго параллелизма членовъ въ хвастливой рѣчи Ламеха Быт. IV, 23 и т. п. А во вторыхъ, о. протоіерей получилъ утѣшительное вразумленіе отъ самаго Евгенія Кіевскаго, похвалившаго богословскую образованность нашихъ „Невскихъ“ студентовъ [138]). Но въ дальнѣйшемъ онъ встрѣтилъ бы еще большое опроверженіе какъ въ безпристрастныхъ, черезъ два года повторявшихся епископскихъ ревизіяхъ нашей академіи—которыя, указывая разные недостатки, неизмѣнно всегда свидѣтельствовали о нашей правовѣрности [139]); такъ во всегдашнемъ не одностороннемъ только, *полномъ* пониманіи нашими начальниками ст. Устава, призывавшей ихъ главнымъ образомъ завѣдывать ученой частью академической жизни; такъ, наконецъ, всегдашнимъ существованіемъ на лицо у насъ указаннаго добраго контингента, въ виду котораго самое правильное объясненіе непубличности читавшагося въ аудиторіи надо искать или въ томъ, что преподаватели, особенно молодые, не удовлетворялись, какъ Голубинскій, своими трудами; или въ томъ, что послѣдніе совсѣмъ не умѣщались въ отведенный имъ срокъ, а давать нужно было курсъ полный и законченный.

II.

Одна уже внѣшняя видимость ясно показываетъ, что съ 1869 г. начинается совсѣмъ новый періодъ въ исторіи нашей академіи. Матеріальныхъ средствъ становится гораздо больше и для библіотеки и для студентовъ [140]) и для профессоровъ [141]). Число профессорскихъ каѳедръ увеличилось, по словамъ перваго годичнаго Отчета на цѣлыхъ 10 [142]). А количество студентовъ настолько возросло, что немного лѣтъ спустя не только изъ потребностей изумительно увели-

чившаго книжнаго богатства, но и отсюда почувствовалась необходимость новаго большого зданія въ дополненіе къ прежнему [143]). Напротивъ, отливъ студентовъ изъ академіи въ свѣтскія высшія заведенія, который къ концу 50-хъ и къ первой половинѣ 60-хъ гг. обострился до размѣровъ эпидеміи [144]), засимъ сразу оборвался. Теперь на концѣ столѣтія, мы встрѣчаемъ уже иную форму этого — ту, что нѣкоторые лучшіе студенты, окончивши академію, ищутъ засимъ дополнительнаго образованія въ соотвѣтственныхъ университетскихъ факультетахъ [145]). Далѣе уже не одна только Лавра даетъ отъ себя средства для нуждающихся студентовъ, какъ это было многіе годы [146]); но малая лепта, внесенная на эту помощь досточтимымъ студентомъ † протоіереемъ И. В. Рождественскимъ [147]), вскорѣ вызываетъ коллективный починъ оставшихся въ Петербургѣ студентовъ XXIII курса, и въ 1876 году возникло Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ [148]), которое до сего времени успѣло доставить послѣднимъ болѣе 220 тыч. руб. [149]).

Не будемъ говорить о тѣхъ, правда, весьма крупныхъ измѣненіяхъ въ академіи 2-го періода, которыя теперь составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго высшаго учебнаго заведенія, т. е. о томъ, что въ составъ академическаго персонала, кромѣ лицъ правящихъ [150]), входятъ обыкновенно чрезъ выборы, иногда и по конкурсу [151]), что доцентомъ можетъ быть только магистръ, т. е. не только написавшій, а кромѣ сего опубликовавшій и защитившій свою диссертацію [152]); что экстраординатура есть уже не возвышеніе изрѣдка нѣкоторыхъ баккалавровъ, а по штату положенный, непрерывный рядъ лицъ, выбираемыхъ изъ наличныхъ доцентовъ, что ординарнымъ профессоромъ можетъ быть только докторъ, который опять таки баллотируется Совѣтомъ въ ординарные. Кромѣ этихъ лицъ по Уставу 69 г. въ число академическихъ преподавателей вошли еще приватъ-доценты, которыми всегда у насъ были кандидаты, конечно представив-

шіе и защитившіе сочиненіе pro venia legendi и сказавшіе двѣ пробныхъ лекціи. Приватъ доценты сначала представляли собою институтъ, который рѣзко и неудобно отдѣлялся отъ остальныхъ преподавателей и притомъ имѣлъ весьма неопредѣленное положеніе. Ставили и *отрицательно* рѣшали вопросы: могутъ ли они подвергать своихъ слушателей экзамену, могутъ ли они заниматься со студентами IV курса, которые практически приготовлялись къ учительству [153]), вправѣ ли они имѣть положительный голосъ въ собраніяхъ того изъ трехъ факультетскихъ отдѣленій, къ которому они принадлежали [154]), вправѣ ли они занимать штатную каѳедру, когда та оказывалась свободною, а штатнаго нѣтъ [155]). Имъ представлялось только читать часть такой или другой науки или положенной по Уставу, или только полезной для академіи, именно: библейское богословіе В. Зав., Церковную географію и статистику, антропологію наконецъ. И можетъ быть въ послѣднемъ случаѣ они могли бы доставить своему институту извѣстную устойчивую самостоятельность. Но для этого имъ надо было располагать своими ресурсами, какъ это мы видимъ въ университетѣ, гдѣ приватъ доцентура иногда является для человѣка, † проф. Тарханова напр., занятіемъ *при* какомъ нибудь другомъ дѣлѣ, которое и покрываетъ его матеріальныя нужды. Такого положенія у насъ, конечно, не было; и поэтому приватъ-доцентура весьма скоро разрѣшилась въ ступень, которую переживалъ принадлежащій къ ней до полученія магистра. Она обратилась исключительно въ средство для приготовленія къ профессорству; и годовые наши отчеты не одинъ разъ выдвигали пользу ея для академіи [156]), что, конечно, безспорно, и, прибавлю, до сей поры въ академической корпораціи числятся 4 бывшихъ приватъ-доцентами. Нетвердая сторона такъ осуществившаго учрежденія заключалась въ томъ, что вступившіе въ него: на послѣднемъ курсѣ или не всегда знали, что они именно будутъ пополнять собою недочеты академическаго про-

фессорскаго состава; или не всегда предвидѣли, какая наука выпадетъ имъ на долю. Поэтому сразу, по полученіи приватъ доцентуры, сошедши со школьной скамьи и призванные къ чтенію лекцій, они не всегда успѣвали приготовиться къ этому—имъ трудно было составить болѣе или менѣе соотвѣтственное чтеніе. Отсюда и должна была явиться и въ слѣдующемъ уставѣ явилась иная мѣра для той же цѣли, которая заключалась въ томъ, что наилучшихъ студентовъ по окончаніи всего академическаго курса стали оставлять въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ, которые, будучи обезпечиваемы академіей, знаютъ одну только обязанность: учиться данной наукѣ подъ руководствомъ соотвѣтственнаго профессора Было бы, конечно, еще лучше, если бы стипендіатура окончившаго продолжалась болѣе года.[157]). Но и одинъ годъ ничѣмъ другимъ не обремененнаго занятія наукой, даетъ весьма многое. Достаточно замѣтить, что въ настоящемъ академическомъ составѣ при общей его суммѣ 26 человѣкъ, не считая лекторовъ, 12 вышли изъ стипендіатовъ, что въ общей суммѣ *всѣхъ* нашихъ стипендіатовъ на долю академіи выпадаетъ цѣлая треть. А что они въ большей части занимались именно наукой, это сказывается изъ профессорскихъ отчетовъ о занятіи ихъ въ теченіи стипендіатскаго года [158]), а также изъ отчетовъ, которые они сами согласно закону представляли въ концѣ своего года и научное содержаніе которыхъ въ большинствѣ является безспорно удовлетворительнымъ, хотя бы и весьма уступало отчету перваго стипендіата, теперь заслуженн. профессора [159]), отчету, наглядно показывающему: какую великую пользу можетъ приносить и доселѣ еще не вошедшая въ твердый обычай командировка заграницу предназначаемыхъ къ профессорству. Вмѣстѣ съ высказываемой здѣсь надеждой мы бы надѣялись и на то, что у насъ рано или поздно на ряду со стипендіатурой возникнетъ и самостоятельная приватъ-доцентура, т. е. какъ средство не для приготовленія правоспособныхъ *лицъ* къ

занятію каѳедры уже существующихъ, но для приготовленія новыхъ *каѳедръ*, надобность которыхъ будетъ оправдываема самымъ опытомъ—пользою ихъ существованія, которая можетъ обнаружиться во время нештатнаго приватъ-доцентскаго ихъ состоянія, напр., хоть каѳедры философій права и нравственности, которая рекомендуется Объяснительною Запискою послѣдняго Устава [160]).

При свѣтѣ основной задачи академіи становится возможнымъ видѣть, что созданныя ею занятія профессоровъ разработкою науки остаются, какъ было до того, главнымъ, центральнымъ предметомъ академическаго дѣла: несмотря на то, что въ самомъ началѣ 2-го періода для этихъ занятій представляется задача иная, пусть и смежная, но совсѣмъ иная. По уставу 1869 года академія должна приготовлять къ наставничеству въ семинаріяхъ. И первостепенность этой задачи выразительно подчеркивается тѣмъ, что педагогика теперь не только полагается по самому Уставу, какъ особый положенный наряду съ другими предметъ, но получаетъ очевидно преобладающее значеніе, ибо послѣдній годъ, такъ сказать, вѣнецъ академическаго образованія отдается для практическихъ занятій будущаго семинарскаго преподавателя – знакомящагося здѣсь съ учебниками и программами, также дающаго пробныя лекціи по предметамъ избранной имъ спеціальности; приглашаемаго нарочитымъ закономъ посѣщать близлежащую семинарію и пробовать въ свои учительскія силы подъ руководствомъ опытнаго семинарскаго наставника [161]); наконецъ, академическій преподаватель педагогики, когда къ семинарскимъ мѣстамъ были прибавлены и дух. училища [162]), былъ обязанъ тщательно изучать по ревизорскимъ отчетамъ наличное состояніе отечественныхъ дух. училищъ и дать дѣловое руководство къ правильному обученію здѣсь. Но этого мало: какъ будто забывается, что академія есть *духовное* заведеніе, такъ какъ, несмотря ни на то, что занятіе студентовъ проповѣдями началось вскорѣ

послѣ введенія 2-го Устава, ни на то, что одно изъ 3-хъ отдѣленій академіи [163]) церковно - практическое даетъ образованіе и по литургикѣ и по церковной археологіи и по гомилетикѣ и по церковному праву и по пастырскому богословію — иначе сказать: прямо приготовляетъ добраго священнослужителя [164]), — несмотря на это, обязательность наставничества для всѣхъ оканчивающихъ академію настолько можно сказать безпредѣльна, что по правилу тѣ, которые прямо со скамьи поступаютъ въ священники, должны были вносить истраченное на нихъ академіей [165]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ выходитъ, что хотя есть далеко не одинъ путь, на поприщѣ котораго окончившій академистъ могъ примѣнять свое академическое образованіе; но изъ нихъ выдѣляется одинъ - наставническій [166]). Само по себѣ здѣсь лежитъ опасность, заключающаяся въ томъ, что академія можетъ быть поставлена въ подчиненно служебное отношеніе къ семинаріи. Опасность не только предполагаемая, но неоднократно сбывавшаяся и, говоря вообще, она выражалась въ томъ, что нѣкоторыя стороны академическаго дѣла опредѣлялись сообразно ближайшимъ потребностямъ семинаріи и такъ или иначе въ ущербъ ученой задачѣ академіи. Къ счастію лишь съ натяжками возможно причитывать дѣятелямъ нашимъ такую ошибку, на основаніи во 1-хъ того, что предъ наступленіемъ 2-го періода они не допускали въ кругъ академическаго зданія патристики, которая находилась въ объемѣ семинарскаго обученія [167]); во 2-хъ того, что въ самомъ началѣ новыхъ лѣтъ они совершенно было отказали студентамъ послѣдняго курса заниматься магистерской диссертаціей. Не считая нужнымъ выяснять ни то, что ненаучное отношеніе къ патристикѣ [168]) объясняется совершенно случайными причинами, ни то [169]), что запретъ заниматься магистерской вытекалъ изъ опасенія встрѣчаться съ подавляющимъ большинствомъ былыхъ диссертацій слишкомъ средняго достоинства; укажу прямыя свидѣтельства тщательнаго обереганія у насъ акаде-

мическаго дѣла отъ ошибокъ жертвованія академіи для сем. Когда академіямъ было предложено распредѣлить изучаемыя науки на мелкія группы для болѣе глубокаго распознанія ихъ, то отъ насъ былъ представленъ проектъ такихъ группъ, въ коихъ изъ 7 въ 4-хъ значились науки, которыя требовались для того, чтобы данная группа представляла собою научно законченное цѣлое, но въ семинарскомъ обученіи такихъ наукъ совѣмъ не полагалось [170]). Опять въ раздѣленіи академическихъ наукъ на группы, которое было дано Учебнымъ Комитетомъ, оказались на одной группѣ историческія науки сложныхъ и громадныхъ по содержанію, благодаря чему группа оказывалась весьма трудною для того, чтобы изучить ее въ одинъ годъ. Въ виду этого наша академія вошла съ ходатайствомъ о раздѣленіи ихъ, [171]) и если сначала не успѣла [172]), то 3 года спустя и высшая власть признала, что учено-академическіе интересы требуютъ испрашиваемаго раздѣленія [173]). Или когда высшая власть затребовала отъ академій пересмотра вопроса: слѣдуетъ ли на послѣднемъ курсѣ кромѣ занятій съ чисто практическими цѣлями преподавательства допустить и учено-академическія занятія диссертаціею, то изъ нашей академіи поступило такое мнѣніе, что какъ ни требуетъ прямая задача 4-го курса сосредоточить вниманіе студента исключительно на практическомъ подготовленіи къ семинарскому учительству, но все таки не нужно преграждать занятія чисто ученымъ дѣломъ никому изъ тѣхъ, кто силенъ дѣлать это безъ ущерба въ разсужденіи задачи практической [174]). И уже изъ послѣдняго примѣра легко видѣть, что въ настоящемъ случаѣ встрѣчаемъ нѣчто иное, а отнюдь не отказъ академіи отъ служенія семинаріямъ. Тутъ лишь переставляются двѣ величины въ надлежащемъ, такъ сказать, іерархическомъ порядкѣ по правилу: меньшее заключается въ большемъ, а не наоборотъ. Именно—академія обязана служить семинаріи, но прежде всего и главнымъ образомъ потому, что это запрашивается ея

собственными потребностями. Для нея самой далеко не безразлично, какъ ведется семинарское обученіе. Нужда ея въ томъ, чтобы студенты не встрѣчали препятствій къ успѣшному усвоенію духовно-академической науки въ мѣрѣ полученнаго ими семинарскаго образованія; чтобы они, благодаря этому, не задерживали, а, напротивъ, содѣйствовали постепенному прогрессированію этой науки. А такъ какъ великій тормозъ въ этомъ случаѣ происходилъ отъ такого преподавательства въ семинаріи, которое лишь отдѣльными наставниками велось правильно; поэтому прежде всего для самой академіи требовалось замѣнить наличный составъ семинарскихъ преподавателей наиболѣе совершеннымъ [175]). Отсюда очевидно, что прибавочная цѣль академіи, о которой разсуждаемъ, запрашивалась именно ученой ея задачею. Говоря исторически, она представляетъ собою фазисъ, который необходимо должно было проживать академическое дѣло для того, чтобы чрезъ смѣну одного учительскаго состава въ семинаріи другимъ упрочить его благоуспѣшное теченіе въ самомъ корнѣ. И отсюда собственно объясняется, почему, вопреки тому общему правилу, что законъ не имѣетъ обратной силы, большинство у насъ приняло проектъ, по которому кто изъ кончившихъ до 69 года подаетъ свое курсовое, тотъ *для магистерства* долженъ и напечатать и защитить свой трудъ—исполнить требуемое уставомъ 69 года [176]). Но вотъ, когда смѣна учителей въ общемъ получилась, и съ этого времени начинается уже движеніе обратное: переходящіе со скамьи прямо въ духовенство не привязаны къ учительству обязательствомъ предварительной оплаты за свое содержаніе въ академіи [177]) и, какъ обыкновенно говорится, освобождаются отъ оной по прежнимъ примѣрамъ. А затѣмъ случившееся перепроизводство учителей становится фактомъ, ведетъ къ закрытію до этого прибавленныхъ 60-ти казенокоштныхъ вакансій; и дѣло доходитъ до того, что не только наименѣе надежные питомцы

академіи, а и окончившіе кандидатами освобождаются отъ обязательной службы въ наставникахъ [178]). И такимъ образомъ, сама прибавочная цѣль, а съ нею и практическія занятія на 4-мъ курсѣ становятся пережиткомъ. Ученая дѣятельность освобождается отъ временныхъ оковъ, и въ концѣ 80-хъ годовъ слышится золотое слово Св. Синода о значеніи «академій: въ которыхъ спеціально *разработываются* православно - богословскія *науки*». [179]).

Конечно, это только начало конца [180]). Засимъ на доброй почвѣ указанной высшей властію [181]) вступаетъ въ дѣйствіе повѣрка ценза ищущихъ академическаго образованія, которая совершается съ двойной цѣлію: и пріобрѣсти для академіи наиболѣе пригодный контингентъ, и предупредить упадокъ новосозданнаго учительства. Въ часы неспѣшно совершаемыхъ пріемныхъ экзаменовъ, на которые до сихъ поръ являлось конкуррентовъ больше установленнаго закономъ количества, опредѣляется: знаютъ ли данный предметъ семинарскаго курса, насколько это знаніе сознательно, въ какихъ—полныхъ или неполныхъ размѣрахъ исполнены семинаріей программы обученія, дѣлались ли наставниками собственныя разъясненія и дополненія къ узаконенному руководству, исправлялись ли ошибки, неизбѣжныя въ учебникахъ, есть ли знанія, идущія дальше учебника, питомцы какой семинаріи оказывались болѣе и какой менѣе удовлетворительными. Для большей правильности экзамены производились не единолично, а комиссіями. Въ послѣднее время и три письменныхъ испытанія читались двумя профессорами [182]). Всѣ комиссіи должны составить подробные отчеты для чтенія и обсужденія ихъ въ Совѣтѣ. Не намъ, разумѣется, судить о достоинствѣ этихъ нашихъ экспертизъ. Безспорно, что въ нихъ есть масса поучительныхъ подробностей, изъ коихъ на первый планъ выступаетъ прекрасное средство, дававшее автору его, В. В. Болотову, возможность въ нѣсколько минутъ опредѣлить весь церков-

но-историческій цензъ экзаменуемаго [183]). Безспорно, что экспертизы эти, дѣлая свое первое дѣло, представляютъ много матеріала для заключенія и по той ихъ цѣли, которая касается непосредственно семинаріи. Но рѣшительнымъ можетъ быть заключеніе изъ нихъ лишь о томъ: наступило ли время принимать безъ провѣрки всѣхъ желающихъ семинаристовъ [184]): ибо только за самыми ничтожнѣйшими исключеніями вся эта масса разныхъ профессорскихъ отзывовъ ставитъ на видъ, что вызываемые на казенный счетъ подготовленнѣе волонтеровъ [185]). Однако и это заключеніе является лишь относительно рѣшительнымъ въ томъ смыслѣ, что принятые волонтеры въ дальнѣйшемъ нерѣдко достигаютъ не меньшаго, а иногда и большаго успѣха [186]). Вообще для того, чтобы академическія экспертизы имѣли полную силу, для этого, кромѣ того, что зависитъ отъ насъ самихъ [187]), и кромѣ того, что мы всегда должны имѣть въ виду и честь семинаріи, а иногда и финансовый вопросъ для правящаго въ нихъ состава, обязаннаго изъ своихъ средствъ покрывать траты на непоступившаго казеннаго студента [188]), кромѣ этого, говорю, нужно, чтобы мы имѣли предъ собою ясные ревизорскіе отчеты по семинаріямъ, съ которыми теперь мы совсѣмъ разобщены. А главное нужно, чтобы получило дѣйствительное осуществленіе то desiderium Уст. 1884 г. [189]), по которому тотъ или другой изъ насъ могъ бы воочію видѣть и конфиденціально описать Совѣту Академіи постановку, ходъ и направленіе тѣхъ семинарій, относительно коихъ точное освѣдомленіе для насъ являлось бы наиболѣе необходимо. Я не смѣю и заикаться объ учрежденіи съѣздовъ, такъ или иначе уполномоченныхъ отъ семинарій съ участіемъ уполномоченныхъ отъ академіи для того, чтобы путемъ взаимнаго словеснаго взаимообмѣна скорѣе и легче и обстоятельнѣе усмотрѣть, а гдѣ можно и разрѣшить здѣсь всѣ вопросы, возникающіе вслѣдствіе того, что семинаристъ переходитъ въ академію и нужно, чтобы онъ былъ вполнѣ приспособленъ

къ академическимъ занятіямъ, ибо не дѣло получать ему здѣсь элементы познанія, а главное, «не къ лицу это академіи, гдѣ должны быть другія — высшія цѣли» [190]).

Какъ бы тамъ ни было, но въ общемъ пока совсѣмъ нельзя пожаловаться на духовно-образовательный уровень приходящихъ къ намъ семинаристовъ, которые до сихъ поръ составляютъ подавляющее большинство въ каждомъ курсѣ. Настолько семинаріи стараются, что нельзя было не принять за правило: учитывать новопоступающему и отмѣтки семинарскаго аттестата его [191]). Отсюда и для насъ остается живымъ тотъ вопросъ, который впервые возникъ предъ Уставомъ 1869 г. Итакъ: нельзя ли увеличить время академическаго обученія при тѣхъ же самыхъ 4-хъ годахъ, которые составляютъ полный академическій курсъ. Факультетская система, въ которой вмѣсто 20 напр. наукъ студентъ изучаетъ только 10, а времени на слушаніе ихъ тратитъ тѣ же 24 — 30 часовъ, какіе при другой системѣ онъ тратилъ бы на 20 предметовъ. Не отягощающее увеличеніе времени позволяетъ ожидать увеличенія образованности студента. А что онъ не слушаетъ другихъ наукъ, которые преподаются въ академіи, это *благодаря* старательному и правильному веденію семинарской школы, не дѣлаетъ пробѣла въ общемъ его богословскомъ образованіи. Теперь: мы однако знаемъ, что сообразованный съ этимъ Уставъ 1869 г. долженъ былъ уступить свое мѣсто Уставу 1884 г. Какъ же это могло случиться съ точки зрѣнія основной идеи академическаго дѣла? Въ запросахъ благоповеденія между обоими уставами трудно отыскать существенную разницу; и для этого достаточно только всмотрѣться въ инструкцію для инспектора, помощника его и въ правила для студентовъ, составленныя нашимъ Совѣтомъ. А въ разсужденіи чисто административной стороны и то должно сказать, что высокая самодовлѣемость единственнаго у насъ ректора [192]) Устава 1867 г. разъ установившись такъ и остава-

лась незыблемою; и то слѣдуетъ сказать, что въ лицѣ второго ректора Устава 1884 г. мы имѣли доточное осуществленіе того мѣста Объяснительной Записки, въ которомъ она желаетъ, чтобы начальникъ академіи, обладая даромъ властной инициативы, не только видѣлъ, что важныя задачи духовной академіи могутъ быть успѣшно выполнены лишь *совокупными усиліями* начальствующихъ и профессоровъ при полномъ ихъ согласіи и дружномъ содѣйствіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою настойчивую энергію направлялъ къ тому, чтобы эти совокупныя дружныя усилія были полными и съ той и съ другой стороны, засимъ, чтобы изъ этого *выходила* польза для академическаго *дѣла*. Иное дѣло: распаденіе академіи по Уставу 69 года на три разныхъ отдѣленія съ самостоятельной юрисдикціей въ лицѣ помощниковъ ректора [193]). Еще до вступленія въ силу Устава 69 г. говорили [194]), что такое федеративное раздѣленіе не вправѣ указывать на аналогію для себя въ университетскихъ факультетахъ, такъ какъ послѣдніе вмѣщаютъ въ себѣ классы совсѣмъ разнородныхъ наукъ — филологіи, права, естествовѣдѣнія и т. д., между тѣмъ въ академіи всѣ науки одинаково богословскія — прямо богословскія или богословскія чрезъ вспоможеніе богословскимъ, т. е. философія чрезъ вспоможеніе, напримѣръ, оказываемое теоретическому въ богословіи, гражданская исторія чрезъ вспоможеніе, оказываемое ею напр. исторіи церковной. Эту мысль можно и должно протягивать еще далѣе, дабы стало видно, что аналогію для академіи представляютъ въ университетѣ не факультеты вовсе, а многоразличныя секціи одного и того же самаго факультета — геологическая, химическая, ботаническая и др. секціи физико-математическаго факультета, въ которыхъ деканъ однако одинъ— нѣтъ помощниковъ, а просто и прямо одинъ деканъ. Однако, въ настоящемъ случаѣ кажется правильнѣе будетъ смотрѣть съ обратной точки зрѣнія — той несродности, какая есть въ наукахъ академическихъ. Съ

этой точки зрѣнія выходитъ, что историческое отдѣленіе *имѣло* право быть отдѣленіемъ—особливой группой наукъ, потому что основаніе для этого было дано въ самомъ существѣ ихъ — въ полной однородности ихъ состава и въ томъ, что по Уставу всѣ они были спеціально принадлежащими только одному этому отдѣленію. Но въ богословскомъ того нѣтъ кромѣ чисто богословскихъ наукъ—догматической, нравственной, полемической и патристики тутъ были а) четыре науки философскихъ—свѣтскихъ; б) какъ эти, такъ и Св. Писаніе съ Основнымъ богословіемъ были науками обязательными для студентовъ всѣхъ рѣшительно отдѣленій. Отсюда отдѣленіемъ богословское было только по одному тому *внѣшне* юридическому установленію, что весь этотъ конгломератъ разнохарактерныхъ наукъ въ лицѣ своихъ представителей имѣлъ одного и того же главу — помощника ректора. А что произошло отсюда? Нѣтъ надобности объ этомъ догадываться, ибо прямой фактъ ясно показываетъ, какая прямая невыгода тутъ вышла для академической науки. *Говорю* о томъ, что такъ какъ профессора указанныхъ общеобязательныхъ наукъ пріурочивались къ богословскому отдѣленію, поэтому изъ всей суммы диссертацій, занимавшихся этими, всякій знаетъ, *важнѣйшими* науками 75 написаны студентами богословскаго отдѣленія, а изъ остальныхъ лишь 15 студентовъ не побоялись того, что они будутъ разсматриваться своимъ историческимъ или церковно-практическимъ отдѣленіемъ какъ чужіе [195]). Теперь, если съ этихъ важнѣйшихъ, но обдѣленныхъ наукъ снять юридическую обузу, которая отнимала у нихъ дѣйствующія силы и въ извѣстной мѣрѣ навѣрное производила застой, и возстановить ихъ общеобязательное значеніе; если къ нимъ прибавить въ 1-хъ догмат. и нравств. богословія, которыя не могли, хотя и должны, быть внесены въ разрядъ тоже общеобязательныхъ только потому, что тогда отъ всего богословскаго отдѣленія осталось бы лишь одно имя, да еврейскій языкъ; если 2) засимъ при-

бавить общеобязательную въ особенности для *нашей* академіи церковную исторію [196]), безъ которой, однако, историческое отдѣленіе было бы туловищемъ, лишеннымъ головы; прибавить въ 3-хъ сюда общеобязательное изъ церковно-практическаго отдѣленія, которое съ ученой точки зрѣнія и такъ было безъ головы (безъ слова Божія); и если затѣмъ сообразить: что же выходитъ отсюда, то станетъ очевиднымъ, что въ такомъ случаѣ вся факультетская система совсѣмъ разваливается само собою. И опять съ положительной стороны тоже само собою въ итогѣ получается рядъ наукъ общеобязательныхъ, которому сопутствуетъ небольшое количество предметовъ, позволяющихъ раздѣлить ихъ на параллельныя группы съ правомъ для студента избирать для себя изъ нихъ ту или другую. Иначе сказать само собою является въ принципѣ тотъ укладъ, который лишь съ немногими осложненіями повторяетъ Уставъ 1884 г. Является онъ дѣйствительно, и является въ интересахъ именно знательной миссіи академическаго дѣла—на томъ основаніи, что общеобязательныя науки получаютъ здѣсь подобающее имъ мѣсто, что не только они профессорами должны быть разработываемы научно, но и студентъ высшаго учебнаго заведенія долженъ имѣть знаніе ихъ *научное*; и какъ бы онъ ни углубился въ избранную имъ спеціальность, но если въ разсужденіи ихъ онъ будетъ стоять на высотѣ только семинарскаго уровня, то изъ него скорѣе всего можетъ выдти такой спеціалистъ, который кромѣ своей науки не хочетъ знать и признавать никакой другой и который въ своей наукѣ не можетъ стоять правильно за неосвѣдомленностью въ другихъ наукахъ, расширяющихъ и углубляющихъ его горизонтъ въ надлежащей мѣрѣ.

Теперь, *дѣйствительный* Уставъ 1884 г., расчитывая очевидно на то, что воспринимающая способность, благодаря возвышенію семинарскаго образованія, ко времени его поднялась, и студентъ поэтому въ состояніи достигать не только высокаго, но и широкаго

научнаго познанія, онъ въ кругъ параллельныхъ, необщеобязательныхъ, а избираемыхъ по желанію наукъ ставитъ лишь три въ одной группѣ и 4 въ другой. Какъ бы однако ни было, только какой либо черты, принципіально выключающей по крайней мѣрѣ нѣкоторыя науки, выдѣленныя изъ объема общеобязательныхъ, не имѣется. Поэтому разъ признана стоящею на очередь именно полнота научно-богословскаго образованія, и такое выдѣленіе должно разсматриваемо не иначе, какъ уступка, вынуждаемая извѣстными только практическими, слѣд. условными, соображеніями. Отсюда уже въ 1888 году отъ нашего Совѣта возникаетъ [197]) уваженное [198]) ходатайство о томъ, чтобы сдѣлать общеобязательнымъ еврейскій языкъ, столь необходимый для каѳедръ Св. Писанія и библейской исторіи. Засимъ тоже въ кругъ общеобязательныхъ входитъ исторія и критика инославныхъ вѣроисповѣданій и русскаго раскола съ сектантами [199]). Принципъ полноты выдерживается послѣдовательнѣе; но еще выразительнѣе обрисоваться стала вся трудность успѣшно осуществить ту идею, которой призванъ былъ служить Уставъ 1884 г. Богословская наука такъ разрослась, что полное овладѣніе ею неизбѣжно сопровождается неудобствомъ, которое принято называть многопредметностью. И пусть у насъ нѣкоторые — немногіе студенты входили съ прошеніемъ дозволить имъ слушать и держать экзаменъ по обоимъ параллельнымъ группамъ—избравши напр. словесную сдавать экзаменъ и по исторіи [200]). Но въ общемъ это обстоятельство должно быть понимаемо не такъ, что становится возможнымъ и всѣ до конца академическія науки сдѣлать обязательными для всѣхъ, а такъ, что выдѣленныхъ теперь осталось слишкомъ мало, и не стоитъ напр. способному словеснику упускать право быть наставникомъ и по наукамъ историческаго отдѣла. Такимъ образомъ, фактъ остается фактомъ [201]). Отсюда для устраненія основной причины ихъ—многопредметности въ 1902 г. ректоръ нашъ, теперь В. пр. Финляндскій Сергій

внесъ предложеніе Совѣту избавиться отъ нея путемъ возложенія на каждаго представителя академическихъ каѳедръ 4-хъ недѣльныхъ лекцій въ одномъ и томъ же курсѣ и разбивки всего академическаго образованія на равныя части такъ: что-бы въ каждый изъ трехъ первыхъ годовъ академическаго курса при 5 ежедневныхъ урочныхъ часахъ успѣвало быть исчерпаннымъ и требовалось къ экзаменской сдачѣ не переутомляющее содержаніе восьми примѣрно каѳедръ, а въ послѣднемъ 4-мъ году, кромѣ слушанія остающихся академическихъ наукъ для студента освобождалось бы время досуга, достаточное для приготовленія кандидатской диссертаціи [202]). Мѣра чрезвычайно и простая и цѣлесообразная, разъ при ея осуществленіи будутъ устранены тѣ причины, благодаря коимъ профессорское преподавательство у насъ ограничивалось двумя лекціями, изъ коихъ 1-ая касается молодыхъ наставниковъ, вступающихъ на свое дѣло послѣ одногодичной лишь стипендіатуры, а 2-я касается профессоровъ, которымъ въ такомъ случаѣ приходится *одновременно* работать по двумъ разнымъ, но входящимъ въ объемъ ихъ каѳедры и теперь богатымъ литературою наукамъ, благодаря чему онъ психологически в. легко можетъ превратиться изъ ученаго въ простого дидаскала [203]). А при этомъ совершенно невозможно умолчать о двухъ мѣрахъ, изъ коихъ одна выработана въ комиссіи, образованной по поводу вышеупомянутаго предложенія Впр. Сергія [204]), а другая содержится въ проектѣ Устава, который Св. Синодомъ было предписано выработать въ числѣ другихъ академій и нашей [205]). Какъ выразились эти двѣ мѣры у намѣтившихъ оныя, это одно; и совсѣмъ иное та глубоко важная идея, которая въ нихъ кроется. Она требуетъ совмѣстить два совершенно различные уклада, которые сложились подъ прямымъ вліяніемъ Устава 69 г.: призывавшаго къ глубокому — *спеціальному* изученію академическихъ наукъ, и вліяніемъ Устава 84 г.: призывающаго къ *полному* изученію ея объема.

Достигнуть удовлетворенія этой грандіозной задачи весьма и весьма трудно. Однако, это совсѣмъ не квадратура круга, но только Плевна, затребовавшая Тотлебена; и чего-чего не можетъ осилить человѣческое усердіе? А когда этого добьются, тогда намъ уже не придется перебрасываться отъ одной крайности къ другой; академическое дѣло вступитъ въ ту колею, на которой чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе оно будетъ приближаться и къ ближайшей, и къ идеальной своей цѣли. Теперь же мы во всякомъ случаѣ стоимъ пока только на полдорогѣ. Ибо требуется и не одно экстенсивно полное, и не одно спеціальное знаніе, а возможно глубокое, доточное распознаніе (небольшой всегда) группы тѣсно связанныхъ между собою наукъ, внутренне опертое на образованіе общее, вполнѣ достаточное для того, чтобы имѣть не ученость, а опредѣленное научно-соображенное возрѣніе. Эта задача *неискоренимо лежитъ въ самомъ существѣ дѣла.*

Теперь, историческая записка должна отвѣтить на вопросъ: насколько воспользовались во 2-мъ періодѣ тѣмъ фундаментомъ, который былъ воздвигнутъ профессорскими трудами періода предшествующаго. Прежде всего, расчитывая на условленное у насъ юбилейное изданіе, въ которомъ ясно будутъ опредѣлены труды каждаго изъ нашихъ тружениковъ въ отдѣльности, историческая записка просила бы Васъ видѣть, что имена упокоившихся изъ нихъ по большей части хорошо извѣстны, ибо это имена Болотова, Троицкаго, И. Е., Чельцова, Кояловича, Нильскаго, Свѣтилина, Якимова, а также и Н. П. Рождественскаго, который освободилъ Основное Богословіе отъ сомнѣній въ немъ, высказанныхъ его учителемъ Пр. Іоанномъ Смоленскимъ [206]), и подъ его перомъ вѣденіе это такъ сказало себя и свое содержаніе, что о правѣ его быть самостоятельной наукой просто нельзя поднимать и вопроса. И вмѣстѣ съ этимъ, нисколько не погрѣшая противъ требованій деликатности, радуемся пріятной возможности сказать о, благодареніе Богу,

здравствующихъ, но уже не труждающихся на академической службѣ, такимъ образомъ съ истиннымъ почтеніемъ назвать имена бывшихъ профессоровъ 2-го періода Протопресвитера І. Л. Янышева, который создалъ фундаментальный Курсъ нравственнаго богословія и М. И. Каринскаго, который всѣми признается за первостепеннаго философа въ нашемъ отечествѣ. Не позволяя себѣ касаться догматическаго богословія, по которому въ предшествующемъ періодѣ трудились лица и святительскаго сана и нерѣдко замѣчательной, тоже общепризнанной ученой образованности, оставляя въ сторонѣ науку Св. Писанія, которая и въ первомъ періодѣ—предъ Якимовымъ имѣла достойнѣйшаго представителя, должно сказать, что благодаря поименованнымъ членамъ нашей семьи, которая какъ семья, конечно, немыслима и безъ членовъ юнѣйшихъ, академическая наука стала просто неузнаваемою противъ прежняго по глубинѣ и широтѣ пониманія своихъ проблемъ и по методу ихъ разработки. Засимъ, кромѣ того оправдательнаго документа, которымъ служатъ составленныя, напечатанныя и представленныя нами на благовоззрѣніе высшей власти подробныя программы всѣхъ отраслей академической науки, исторія будетъ совершать начинающійся съ Васъ безпристрастный свой судъ надъ профессорскимъ составомъ нашей академіи 2-го періода по печатнымъ его трудамъ, т е. по 98 книгамъ, по 117 ученымъ изданіямъ съ Собраніемъ древнихъ литургій въ главѣ и по 2414 ученымъ статьямъ—этюдамъ [207]), самая большая часть которыхъ нашла себѣ мѣсто въ старѣйшемъ всѣхъ братѣ духовно-академическихъ органовъ—Хр. Чтеніи. А когда исторія будетъ провѣрять эту корпорацію, выходя изъ того, что разъ въ ней укрѣпился научный духъ, она неизбѣжно должна стараться о расширеніи своего хозяйства, когда значитъ исторія станетъ искать данныхъ въ этомъ направленіи, то мы конечно должны со смиреніемъ склонить свои головы, если она

не придастъ значенія ни тѣмъ ранѣе упомянутымъ приватъ-доцентурамъ, которыя существовали въ самомъ началѣ 2-го періода, ни платоническимъ желаніямъ многаго множества новыхъ вѣденій, которыя заявлены въ нашемъ проектѣ новаго Устава [208]); ни усиленному и только полууспѣвшему [209]) нашему ходатайству объ отдѣленіи педагогики отъ пастырскаго богословія, а также объ отдѣленіи литургики отъ церковной археологіи; и поставитъ въ счетъ лишь то, что благодаря нашему дѣятельному участію создалась каѳедра Исторіи славянскихъ Церквей, [210]) что отъинуду просимая каѳедра исторіи Грузинской церкви согласно нашимъ резонамъ разрѣшилась въ каѳедру Исторіи Православнаго Востока [211]), наконецъ что Св. Синодъ уже принялъ въ уваженіе и разрѣшилъ въ видѣ опыта открыть каѳедру сравнительнаго языкознанія [212]), благодаря чему греческій и латинскій входятъ въ академію уже не въ чуждомъ ей видѣ предметовъ школы, а въ видѣ истовой, издавна установившей и строгой науки. Въ прямой связи съ этимъ и по простому психологическому закону смежности исторія спроситъ и о томъ: а что же сдѣлала академія съ тѣми своими вѣденіями, которыя обыкновенно стоятъ на низшей ступени не науки, а только искусствъ. Покойному Карпову въ свое время оставалось лишь указывать съ грустью на этотъ пробѣлъ; но теперь есть по крайней мѣрѣ частичное основаніе дать отвѣтъ на вопросъ уже положительный [213]). Что же касается до другихъ вѣденій, тоже удерживаемыхъ практическими потребностями на стадіи искусства, то согласно намѣченному у Карпова способу они сосредоточены на изысканіи исторіи своего дѣла и навѣрно это исканіе откроетъ такой пунктъ въ нихъ, выходя изъ котораго и они будутъ возведены на высоту положительной науки [214]). Когда засимъ судъ исторіи обратится къ опредѣленію нашей ученой академической дѣятельности въ сферахъ, смежныхъ съ нашими печатными и классными трудами,

то мы конечно не имѣетъ права указывать на разнообразнѣйшія коммиссіи, общества и другія ученыя учрежденія, въ которыхъ принимали и принимаютъ участіе члены академической корпораціи, потому что вѣдь члены и всякихъ другихъ ученыхъ корпорацій тоже принимаютъ здѣсь или тамъ дѣятельное участіе; но помимо этого открывается возможность указать, кромѣ многообѣщающей комиссіи для ученой разборки богатствъ рукописей Кирилло-бѣлоозерской библіотеки [215]), на цѣлый рядъ тѣхъ внутренне-академическихъ обществъ — богословскаго, Златоустовскаго, Психологическаго, Литературнаго и т. д., гдѣ подъ руководствомъ профессора дѣятельно работала меньшая наша братія студенты, какъ они работали внѣ академіи въ проповѣдническихъ собраніяхъ, а еще раньше въ 1887 г. «по ходатайству ректора духовной академіи Преосвященнаго Антонія Епископа Выборгскаго, нынѣ Митрополита С.-Петербургскаго, подъ руководствомъ доцента іеромонаха Антонія, нынѣ Архіепископа Волынскаго» они начали вести духовныя бесѣды и считая до нынѣшняго года дали такихъ бесѣдъ «свыше тысячи» [216]). Съ другой стороны подъ такимъ же прямымъ и ближайшимъ руководствомъ своихъ наставниковъ во все время текущаго 2-го періода студентами написано больше полутора тыс. кандидатскихъ диссертацій. И мало сказать, что здѣсь не встрѣчается ни проблемматическихъ темъ, въ родѣ разсужденія о характерѣ висѣвшаго по правую сторону разбойника, ни такой запоздалости, что одинъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ 1-го періода, разсматривая религіозно-историческое явленіе арійскаго Востока, руководился такими неполными источниками и пособіями, коими по отзыву маститаго ученаго Д. А. Хвольсона можно было руководиться лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ писалъ свое старательное курсовое «30 лѣтъ раньше». Обратимъ вниманіе лучше на то, что въ общей суммѣ ихъ находится 450 сочиненій не удовлетворительныхъ только для степени

кандидата и не заслужившихъ только почетный отзывъ, а награжденныхъ денежной преміей; и послѣ этого, думаю, не видя ихъ, возможно согласиться на удостовѣреніе нашихъ печатаемыхъ отзывовъ въ томъ, что это труды обстоятельные продуманные, не компилятивные [217]). А къ этому нужно прибавить еще, что благодаря имъ выплываютъ новые матеріалы изъ рукописей и архивовъ, выплываютъ въ немаломъ количествѣ, и случаевъ пользованія матеріалами, еще не видѣвшими свѣта, мною насчитано до 175 [218]). Съ другой стороны нерѣдко въ этихъ кандидатскихъ трудахъ замѣчается тѣсное содружество, такъ что они группою излагаютъ то разности въ греческомъ и мазоретскомъ текстахъ разныхъ книгъ В. Завѣта, то изслѣдуютъ разные памятники, относящіеся на библейской археологіи, то разсматриваютъ богослужебныя книги съ нравственно богословской точки зрѣнія; то раскрываютъ исторію уклада таинствъ и обрядовъ; то описываютъ состояніе православія на Западѣ Россіи; или церковныя подробности въ Новгородскомъ краѣ; то извлекаютъ полезные для церковной исторіи матеріалы изъ разныхъ мѣсяцевъ монументальнаго труда Acta Sanctorum Болландистовъ, то наконецъ излагаютъ по архивнымъ источникамъ исторіи нѣкоторыхъ отечественныхъ духовныхъ семинарій. Въ виду всего этого само собою является мысль: неужели всѣ эти труды пропадутъ безъ всякой пользы и даже ознакомленіе съ ними въ рукописномъ видѣ должно быть воспрещаемо по прежнему [219])? Единственное пользованіе ими, если они не перерабатываются въ магистерскія, бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда кандидатскія прежнихъ лѣтъ мы даемъ для сокращенія труда и болѣе широкаго освѣдомленія студенту позднѣйшаго курса — даемъ напр. кандидатскія, которыя излагали и оцѣняли богословскія педагогики разныхъ иностранныхъ авторовъ, слѣдующему студенту съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ достаточныя основанія рѣшать вопросъ о педагоги-

ческой цѣнности всего вообще въ цѣломъ богословскаго направленія въ педагогикѣ католиковъ и лютеранъ. Отчего бы не видѣть свѣтъ этимъ диссертаціямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ болѣе, чѣмъ не уступаютъ печатнымъ этюдамъ и книгамъ въ Россіи? Дѣйствительными студентами можетъ быть выходило бы тогда больше. Но несомнѣнно, что тогда получалось бы немало добрыхъ вкладовъ въ нашу литературу, что надежда на напечатаніе возвышала бы духъ и прилежаніе пишущихъ, не говоря уже о томъ, что въ свое время безпокоило покойнаго о. протоіерея, оберъ священника Державина...

Наконецъ. Признавая, что въ общемъ всѣ наши, сейчасъ намѣченныя работы суть такъ или иначе богословскія, и значитъ нынѣшній юбиляръ дѣйствительно есть высшее *духовное* просвѣтительное учрежденіе, могутъ спросить: но что же мы собственно дѣлаемъ? Позвольте на это сказать: мы стараемся съ посильной для насъ широтой, глубиной и обстоятельностью опознать правое вѣрованіе, и въ этомъ опознаніи заключается суть всѣхъ нашихъ трудовъ. А что оно совершается не только путемъ положительнымъ, но и отрицательнымъ — апологетическимъ, это разумѣется само собой, и нужно лишь добавить, что въ защитѣ первоосновъ истинной вѣры однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ, наряду съ другими, является философское вѣденіе — которое не только не оставляетъ безъ внимательнаго обсужденія ни одной гипотезы, теоріи, доктрины, стремящейся закрыть небо для человѣка; а и десятки лѣтъ здѣсь или тамъ по научнымъ основаніямъ утверждаетъ, что бытіе Всевышняго есть первонасущная нужда для самого же научнаго разума [220]). Если засимъ къ добытому другими отраслями академической науки прибавить еще то, что даютъ отъ себя полемическія науки—изъ коихъ одна вѣдаетъ христіанскія иновѣрованія, другая — отечественныя блужданія; то въ итогѣ получается добрая масса отдѣльныхъ — теоретико-богословскихъ,

церковно историческихъ, литургическихъ и т. д. подробностей, изъ которыхъ каждая вноситъ свой вкладъ въ уразумѣніе вѣчныхъ истинъ вѣры. Какъ бы однако ни велика была эта масса; положительное значеніе она имѣетъ лишь для настоящаго времени. Здѣсь въ ней встрѣчаетъ должный противовѣсъ себѣ отрицательное воззрѣніе на религію съ которымъ она борется на его же почвѣ: показывая, что аргументы его не только не удобопріемлемы на почвѣ хр. вѣры, но далеко не удовлетворяютъ требованіямъ строго научнаго метода. Также здѣсь и оба современныхъ русскихъ теченія, изъ коихъ одно считается народнымъ (?), другое принадлежитъ интеллигенціи — встрѣчаютъ себѣ рѣшительный противовѣсъ уже потому, что производитель всей этой массы нашихъ детальныхъ опознаній вѣры есть такое движеніе богословской мысли, которое, фактически начинаясь съ первыхъ временъ христіанства и всегда идя царскимъ путемъ каѳолическимъ, психологически возникаетъ изъ чистѣйшей пытливости разума, стремящагося проникнуть въ небесное и принципіально отрицающаго, какъ не разумъ, какъ голый субъективизмъ, то мышленіе, которое управляется какой либо сторонней *тенденціей*, а тѣмъ болѣе тенденціей антропотеистической. Такъ дѣло представляется съ временной, нынѣшней точки зрѣнія. Но если говорить безъотносительно, по существу; то все добытое нашей академической наукой приходится оцѣнять скромнѣе: какъ подготовленіе къ тому времени, когда правое вѣрованіе существенно и всецѣло войдетъ въ разумъ, опирающейся на своеобразныя особенности русской души, безъ чего, безъ каковой опоры психологически невозможно самостоятельное, независимое отъ Запада, но временамъ поучительное для него [221]), обрѣтающее для себя вѣковѣчную, родную колею православно-русское богословствованіе. Повторяю: только какъ подготовленіе къ этому, пусть и прямое. Мы живо помнимъ назидательный примѣръ А. С. Хомякова. Выдающійся талантъ съ завидною

начитанностію, вдобавокъ къ этому глубоко вѣрующій, рѣдкой нравственности и строго послушный всѣмъ установленіямъ церкви. Но вотъ, когда онъ въ богословскомъ трудѣ разбираетъ католицизмъ и лютеранство, онъ могучъ какъ Самсонъ и недаромъ осторожные ученые Запада предостерегали своихъ коллегъ отъ скороспѣшнаго отвѣта ему. Когда же онъ сталъ говорить о Православіи положительно; правое вѣрованіе на лицо, только стоитъ оно, какъ внѣшній кодексъ, въ которомъ хорошо разбирается лишь формально-логическій его разумъ; и это — Самсонъ, но волосы его обрѣзала та новая Далила, которая называется недоготовленностію. Времени послѣ него прошло довольно, но всетаки очень немного сравнительно съ громадностію задачи, которая здѣсь предстоитъ. Если *должное* опознаніе вѣры уподобить мозаической работѣ; то очевидно требуется не большая, а всеисчерпывающая масса деталей, которыя нужно опознать, какъ въ мозаикѣ недочетъ въ одномъ—двухъ камешкахъ дѣлаетъ картину негодною. А вдобавокъ къ этому требуется, чтобы соотвѣтственныя части академической науки открыли и изучили всѣ памятники древней хр. письменности, всѣ духовные стихи и другіе под. данныя. А затѣмъ, чтобы они точно не по увеличеніямъ патріотическаго шовинизма и не по домыслу какого либо писателя, хотя бы Достоевскаго, или цѣлаго направленія, хотя бы и славянофильскаго, а по строго провѣренному и обоснованному резону опредѣлили: есть-ли на самомъ дѣлѣ въ русской душѣ геній „Богоносца“, найдетъ ли наше богословствованіе хоть какое нибудь подспорье во внутреннемъ нашихъ лучшихъ, уцѣлѣвшихъ и серьезныхъ умовъ къ тому, чтобы въ Писаніи и св. преданіи открывать данныя, освѣщающія правое вѣрованіе съ стороны, которая до этого не замѣчалась—можемъ ли мы напр. не только видѣть, что у католиковъ и лютеранъ есть и опредѣленнымъ терминомъ выражено свойственное ихъ богословію представленіе объ условіяхъ дѣйствія божественной бла-

годатной помощи, а у насъ только критическое: что оба ихъ термина не угадываютъ истины по причинѣ своей односторонности,—не только, говорю, видѣть это, но и съ своей стороны указать тоже опредѣленный терминъ православный. И кто позволитъ себѣ утверждать, что наша работа по указаннымъ обоимъ направленіямъ пришла къ вожделѣнному концу? Отсюда мы вправѣ, конечно, дѣлать то, что дѣлалъ греческій философскій геній: сначала выражавшій себя въ отрывочныхъ гномахъ, которыя предшествовали его философіи. Мы можемъ, а иногда обязаны, въ нерѣдкихъ случаяхъ даже и даемъ отрывочные—литургическіе, ц. историческіе, теоретическіе и т. д. примѣры русскаго православнаго богословствованія [222]), какъ въ области нашей Хр. *вѣры* уже есть налицо элементы православія именно русскаго. Но для дѣла еще требуется длинная работа будущихъ, вѣроятно многихъ поколѣній. А поэтому пожелаемъ С.-Петербургской Духовной Академіи, чтобы и далѣе въ ней, наряду съ другими академіями, терпѣливо и настойчиво, находчиво и обдуманно шло не вчера начатое, еще въ 1-мъ періодѣ плѣнявшее и начальниковъ, и профессоровъ, и питомцевъ, ея великое дѣло созиданія самостоятельнаго, ясно и дѣльно сказывающаго и всецѣло правовѣрующаго, истинно каѳолическаго богословія, которое будучи не только истиннымъ, но и **своимъ** [223]), въ состояніи: и совсѣмъ искоренить очень уже распространенный у насъ религіозный индифферентизмъ, сбивающій однихъ въ раціонализмъ, другихъ въ формализмъ; засимъ въ состояніи болѣе побѣдоносно бороться на пастырскомъ, литературномъ и учительскомъ поприщахъ съ исконнымъ врагомъ религіи—тѣмъ разумомъ, который сосредоточенъ исключительно на земныхъ интересахъ и вопросахъ. Да здравствуетъ же на многія лѣта нашъ столѣтній ученый вертоградъ. И да главенствуетъ въ немъ истинно Божественная Премудрость, эмблема которой высится на вещественной его храминѣ.—

Наши митрополиты. Оберъ-Прокуроры Св. Синода. Ректоры:

Періодъ I-й.

Амвросій по 1 Мая 1818
Михаилъ по 24 Марта 1821
Серафимъ по 17 Янв. 1843
Антоній по 16 Нояб. 1848
Никаноръ по 17 Сент. 1856
Григорій по 17 Іюня 1860
Исидоръ до конца

Періодъ II.

Исидоръ до 7 Сент. 1892
Палладій съ 1892
Антоній 1898 Дек. 25

Періодъ I-й.

О. Прокуроръ.
Голицынъ по 1824
Мещерскій по 1833
Нечаевъ 1836
Протасовъ 26 Фев. 36-16 Ян. 55
и. д. Карасевскій по 25 Дек. 56
А. Толстой по 1862
Ахматовъ по 1865
Д. Толст. съ 3 Іюн. 1865 до кон.

Періодъ II.

Д. Толстой до 23 Ап. 1880
Побѣдоносцевъ съ 1880
кн. Оболенскій 1905
П. П. Извольскій 1906
С. М. Лукьяновъ 1909 Фев. 5

Періодъ I-й.

Евграфъ 4 Фев. 1809-11 Нояб.
Сергій 7 Ян. 10-1812
Филаретъ 11 М. 12-13 Мая 19
Григорій 2 М. 1819-4 Я. 1826
Іоаннъ 30 Янв. 1826-1830
Смарагдъ 27 Авг. 1830-1831
Венедиктъ 4 Нояб. 1831-1833
Виталій 8 Іюн. 1833-Іюн. 1837
Николай 1837 Апр. 1841
Аѳанасій 21 Апр. 1841-1847
Евсевій 17 Я. 47-19 Д. 50
Макарій 20 Дек. 50 15 Мая 57
Ѳеофанъ 13 Іюн. 1857-1859
Нектарій 17 Іюн. 1859-1860
Іоанникій 5 Окт. 1860-1864
Іоаннъ 17 Я. 64 9 Н. 66
Янышевъ 1866 до конца.

Періодъ II.

Янышевъ до Ок. 1883 Уст. 1869
Арсеній 22 Окт. 83 Уст. 1884
Антоній 15 Ап. 87-24 Ок. 92 г.
Борисъ 92 г. 2 Дек.-93 г.
Никандръ 93 г. 23 Ав. 95 г.
Іоаннъ 1895 1899 г.
Борисъ съ 1899 г. до 1901
Сергій 24 Янв. 1901 г. 1905 г.
Сергій 6 Нояб. 1905-1908 г.
Ѳеофанъ съ 1909 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Отрываются безъ ущерба отъ текста.

---

[1]) Принося глубокую благодарность К. Я. Здравомыслову и Н. В. Туберозову за ихъ указанія и добрую помощь въ изученіи Архива Св. Синода, считаю долгомъ благодарить и студ. IV курса Н. В. С., который завѣдуетъ приведеніемъ въ порядокъ нашего Академическаго Архива и который, давая мнѣ безпрепятственную возможность ознакомиться съ послѣднимъ въ надлежащей полнотѣ, вмѣстѣ съ этимъ взялся любезно сдѣлать для меня нужные подсчеты. Такъ что тамъ, гдѣ онъ ихъ дѣлалъ, начиная съ приведеннаго сейчасъ, я вездѣ буду ставить его фамилію Смирновъ. Въ остальномъ, слѣдуя похвальному обыкновенію другихъ, позволяю себѣ дѣлать слѣдующія сокращенія: К=Журналы Конференціи С.-Петербургской Дух. Академіи. П=журналы Внутренняго Правленія СПБ. Д. Академіи. ДП=журналы Внутренняго Правленія, но въ коихъ обозначенъ № дѣла. АС=Архивъ Святѣйшаго Сѵнода КДУ=Дѣла Комиссіи Духовныхъ Училищъ; Дѣла эти я обозначаю нумераціей, которая дается имъ въ послѣднемъ изданіи каталога Дѣлъ КДУ, составленныхъ трудами теперешнихъ завѣдующихъ. ДУУ = Дѣла Духовнаго Учебнаго Управленія, замѣнившаго въ 1839 г. Комиссію Духовныхъ Училищъ. Ж.=Журналы засѣданій Совѣта Спб. д. Академіи, дающіе документальныя основанія для сужденія о состоянии академіи, начиная съ введенія второго Устава (не напечатано только два учебныхъ года 1892 и 94-й, засимъ $190^{8}/_{9}$ и $190^{7}/_{8}$).

[2]) Въ него академія переселилась 26 Авг. 1819 года при Григоріи.

[3]) Нѣкоторыя упражненія студ. Спб. Д. Академіи шестого учебнаго курса часть IV Спб. 1825 стр. 273—311.

[4]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Митр. Московск. Филарету. Изд. А. Н. Львова Спб. 1900 см. ер. Григорія 30 Авг. 1825 стр. 85; ср. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, Митрополита Москов. и т. д. Спб. 1885 г. т. 2 стр. 209.

[5]) Сиротинскій кончилъ 16 магистр. Въ 1825 г. былъ отмѣченъ инспекторомъ Гавріиломъ въ числѣ шести студентовъ особенно замѣчательныхъ по своему поведенію. См. ДП. 1825 № 2.

[6]) Проэктъ Устава духовныхъ Академій 1814 г. Спб. изд. 1823. Введеніе стр. 1.

[7]) ib §§ 47, 65—95 Ср. проектъ Устава Дух. Ак., изд. въ 1810 § 54 и дал.

[8]) ib § 47. Конечно „хотя ректоръ лично входитъ въ одно учебное управленіе“ (Проект. 1810 г. § 41) но по обѣимъ редакціямъ Устава ему дается право начальника и въ другихъ (нравственной и экономической) отрасляхъ академической жизни. Въ практикѣ однако бывало такъ, что разные случаи обыкновенные обсуждались собственно въ Правленіи по докладу инспектора, и лишь въ исключительно выдающихся Ректоръ являлся дѣятелемъ непосредственнымъ.

[9]) ib § 13 также и въ Проектѣ изд. 1810 г. § 10.

[10]) Уставъ 1814 г. Общее расположеніе академическаго устава (по изд. 1823 стр. 12).

[11]) Общее число 131. Смирновъ.

[12]) См. напр. Мнѣнія и Отзывы т. 2 стр. 312 § 11 а); ср. ib стр. 7 § VII. 2.

[13]) Съ перваго же курса отбирались и находятся при дѣлахъ собственноручныя заявленія каждаго изъ оканчивающихъ. И какъ было сказано, въ торжественной рѣчи Ректора Григорія (К. 1819 г. 3 Авг.), такъ шло и дальше, что заявляющіе о желаніи вступить въ свѣтское званіе считаются рѣдкими единицами. Съ однимъ только исключеніемъ: соизволивши по докладу Министра Нар. Просвѣщ. сдѣлать изъятіе изъ Именного Высочайшаго Повелѣнія, которое возбраняло чиновникамъ занимать двѣ или три должности, Государь разрѣшилъ сіе занятіе въ разныхъ классахъ и мѣстахъ учителямъ и профессорамъ (ДП. 1817 Марта 16). А послѣ этого КДУ испросила таковое же разрѣшеніе и для нашихъ профессоровъ. А засимъ по полученіи онаго она 28 Августа сама произвела ихъ въ свѣтскіе: давъ Вѣтринскому и Себржинскому чинъ 8 класса, Райковскому, 9-го. А засимъ идетъ уже по почину самихъ профессоровъ такого рода практика: по прошествіи извѣстнаго времени они входятъ въ Правленіе съ просьбами, въ которыхъ докладывается, что по такимъ-то и такимъ причинамъ они, не смотря на свое обѣщаніе, не могутъ оставаться въ духовномъ званіи, но просятъ не взыскивать съ нихъ получавшагося ими магистерскаго оклада, что конечно и дѣлалось имъ по ихъ желанію и въ виду ничтожнѣйшаго жалованья, которое они получали въ академіи. См. П. 1838 г. 10 Февр.; 1840 г. 1 Іюня; 25 Окт.; 1844 г. 9 Іюня и др.

[14]) И согласно съ этимъ изъ письма Валашскихъ студентовъ. Унгро-Валашскій Митрополитъ усматриваетъ, что они „совсѣмъ и по сію пору не поняли того призванія, для котораго посланы учиться“. Не подготовка къ священству, а образованіе ученое. И Правленіе постановило чрезъ Архимандр. Іоанна разъяснить

имъ объ истинной цѣли ихъ назначенія и присыла въ академію (П. 1853 г. 4 Марта).

[15]) П. 1836 Апр. 21.

[16]) П. 1830 Янв. 23 ср. ib 22 Янв.

[17]) П. 1823 іюня 2. (Митрополитъ Филаретъ хотѣлъ бы 6 лѣтній срокъ: Мнѣнія и Отзывы III, 170); 1838 апр. 11, окт. 21.

[18]) Напр. Ж. 187⁷/₈ с. 137.

[19]) П. 1814, мая 23: „дабы и нужные для духовныхъ училищъ воспитанники какими-либо видами не были увлекаемы въ гражданское состояніе и чтобъ привязать ихъ по возможности къ службѣ училищной".

[20]) ibidem.

[21]) П. 1813 г. 13 января.

[22]) Напр. П. 1817 г. 18 іюня: Минчукъ іером. Гавріилъ просится въ академію. К. Д. У. 10 сент. предлагаетъ дать ему вступительный экзаменъ. А 27 сент. особенности Петербургскаго климата вынуждаютъ его выѣзжать изъ столицы, и 12 Октября онъ получаетъ увольнительный билетъ изъ „академическаго института". См. другія подтвержденія того же, напр. П. 1818 г. 8 января. Или 1817 г. 16 марта сказано, ч. Григорій есть инспекторъ „Академ. Института" и т. д. Долженъ однако замѣтить, что въ дѣлѣ № 8 КДУ 27 Окт. употребляется другой терминъ: „педагогическій институтъ"; но тутъ-же далѣе, когда говорится объ обрядѣ открытія С.-П.-Б. Дух. Академіи, институтъ называется уже академическимъ, а не педагогическимъ. А главное, терминъ институтъ употребляетъ и первооснова Устава 1814 г.. Начертаніе, т. е. „Докладъ Комитета о усовершеніи Дух. училищъ и Начертаніе правилъ и т. д. § 84; также и самый Уставъ изд. 1810 г. ч. 3 § 109.

[23]) Если не ошибаюсь, 1-мъ, не считая Іоны, („правящимъ должность эконома") изъ профессорскаго состава былъ Гавріилъ Меглицкій и поступилъ онъ въ таковые 6 ноября 1820 г. Потомъ П. 1826 г. 18 марта въ испр. д. эконома впредь до пріисканія „болѣе способнаго къ хозяйственнымъ трудамъ" назначенъ былъ іеромон. Аркадій 64 лѣтъ, никогда ничѣмъ не штрафованный, кромѣ „поклоновъ за непорядочное изслѣдованіе нѣкотораго дѣла, содержаніе коего не означено". Съ этихъ поръ экономство простыхъ монашествующихъ продолжалось до Геннадія включительно, относительно котораго возбудилъ дѣло инспекторъ Платонъ съ секретаремъ пр. Вознесенскимъ (П. 1834 г. 26 янв.), вызвавшее объясненіе Геннадія (П. 1834 г. 23 сент.) и окончившееся прошеніемъ Геннадія объ увольненіи по случаю серьезнаго поврежденія ноги (П. ib. 29 сент.), удовлетвореннымъ 30 окт., когда опять назначенъ былъ проф. (Д. Ростиславовъ, о немъ, какъ экономѣ, см. П. 1840 г. 29 окт.; 1841 г. 12 марта, 26 Авг.,

10 окт., 22 окт.; 1842 г. 5 и 16 мая, 29 сент.; 1843 г. 22 ноября); и такъ были экономами профессора до предложенія гр. Протасова, который поставилъ въ экономы іером. Геннадія (П. 1859 г. 14 янв.): засимъ (П. 1863 г.) экономомъ дѣлается опять преподаватель (П. А. Лебедевъ), и въ этомъ-же году съ конца авг. экономствуетъ іером. Сергій, который (П. 1864 г. 28 авг.) назначается въ Пекинскую миссію и на его мѣсто поступаетъ А. И. Предтеченскій, изъ за коего въ 1861 г. у насъ была великая передряга, (см. однако прошеніе Предтеченскаго П. 1861 г. 23 декабря), лишившая насъ почтенныхъ М. И. Владиславлева, Н. Н. Жданова, Спрогиса и другихъ достойныхъ (въ то время какъ въ 1859 г. таковую же передрягу умѣло предъотвратилъ благожелательнѣйшій Митрополитъ нашъ Григорій); и это былъ послѣдній экономъ изъ профессоровъ П. 1867 г. 29 апр.—Теперь 1-мъ замѣстителемъ простеца экономa въ правленіи изъ ученыхъ былъ Филаретъ (К.Д.У. д. № 354): затѣмъ таковымъ былъ Платонъ (П. 1831 г. 16 фев.) и наконецъ (П. 1859 г. 14 января) Діодоръ (Ильдомскій).

[24]) Такъ назвалъ ее въ своей привѣтственной рѣчи 13 авг. 1813 года Ректоръ Архимандритъ Филаретъ Дроздовъ.

[25]) К. 1824 г. 2 янв. Также и достоуважаемый проф. П. В. Знаменскій отмѣчаетъ случай, когда въ Конференціи Казанской академіи предсѣдательствовалъ первоіерархъ Казанскій. Исторія Казанской Дух. Академіи. 1,284 А+проф. Малышевскій въ своей прекрасной исторической запискѣ стр. 90 и дал. описываетъ еще болѣе широкое и дѣятельное участіе Митроп. Евгенія въ Кіевской Конференціи. ср. Труды Кіев. д. Акад. 1898. I, 637 прим.

[26]) К. 1814 г. 4 ноября п. 8 Сов. справедливо, что это „Второе Отдѣленіе“ Академіи было открыто 1 іюля: Дѣло К.Д.У. 1809 г. 26 іюня (ср. ib. 8 сент.); но бездѣйствовало и должно было бездѣйствовать до тѣхъ поръ, пока Конференція не получила права высшаго духовнаго представительства, пока т. е. въ ней не было докторовъ богословія. Но вотъ Журналъ 3 іюля 1814 г. оповѣщаетъ, что докторская степень открыта; что послѣ согласія выраженнаго Митрополитомъ, сдѣлано представленіе въ Комиссію Дух. Учил., что послѣдняя утвердила это представленіе; и тогда Конференція стала уже не однимъ названіемъ, а живымъ содержательнымъ явленіемъ. Поэтому К.Д.У, слова *которой*, цитованныя мною въ текстѣ, переданы въ докладной части журнала Конференціи 4 ноября 1814 г., совершенно точно называетъ очевидно первое торжественное собраніе Конференціи, бывшее 13 авг. „торжественнымъ открытіемъ“ оной. Въ этомъ собственно 13 авг. 14-го года и былъ праздникъ; „по случаю окончанія перваго учебнаго курса въ С.-П.-Б. д. Академіи . . . . Комиссія Духовныхъ Училищъ признала за благо дать Академической Кон-

ференціи полный, Уставомъ опредѣленный видъ и возвысить сіе Сословіе пріобщеніемъ къ существующимъ уже дѣйствительнымъ членамъ мужей знаменитыхъ своими твореніями, любовью къ наукамъ и ревностію къ Вѣрѣ". К. 1814 г. 3 іюля листъ 2-й.

[27]) К.Д.У д. № 1194. И отпечатанный озаглавленъ: Журналъ перваго Собранія Конференціи СПБ. Д. Академіи 1814 г. августа 13 дня.

[28]) КДУ. д. № 918.

[29]) См. формулярные списки Григорія, Моисея, Кирилла и всѣхъ окончившихъ въ 14-мъ году, гдѣ сказано, что они кончили не въ іюнѣ, а 13 августа. См. также Мнѣв. и Отз. I, 365.

[30]) К. 1814 г. 3 іюля.

[31]) Въ послѣднее время каждый, удостоившійся степени доктора, вноситъ въ эту книгу собственное имя и фамилію самъ; но въ началѣ было положено „имена докторовъ вносить въ нее при каждомъ производствѣ рукою Преосвященнаго Епархіальнаго, или Ректора". П. 1814 г. 3 іюня § 6.

[32]) КДУ. д. № 1170.

[33]) Напр. по представленію Ректора Аѳанасія (П. 1843 г. 21 окт.) Макарій Булгаковъ экстраординарнымъ профессоромъ и дѣйствительнымъ членомъ Конференціи. П. 1844 г. 26 февр. Вообще, если чего не просмотрѣлъ, только лишь одинъ баккалавръ Іоаннъ становится членомъ Конференціи, не производясь напередъ въ экр.-орд. профессора К. 1848 г. 28 янв. А если К. 30 сент. 1825 г. таковымъ дѣлается бакк. Инокентій, то онъ былъ вѣдь *инспекторомъ*.

[34]) Первымъ экстраординарнымъ былъ Архимандритъ Григорій П. 1815 г. 29 сент.; далѣе: Архимандритъ Іоаннъ Доброзраковъ П. 1822 г. 13 окт.; Инспекторъ іером. Инокентій Борисовъ. П. 1826 г. 5 янв. Райковскій К. 1826 г. 5 іюля; Архимандритъ Климентъ Можаровъ (за долговременную и ревностную службу) $^{25}/_{30}$ іюня 1838 г.

[35]) Они непремѣнно были назначаемы на „рѣшительныя" (КДУ. д. № 2251) испытанія и, кромѣ вопросовъ экзаменующаго преподавателя, имѣли право и долгъ давать свои вопросы. См. напр. К. 1825 г. 26 мая; 1841 г. 18 іюня.

[36]) См. напр. К. 1816 г. 31 іюля; 1818 г. $^{8}/_{9}$ января ср. 1821 г. 12 Іюня 26 г. 27 апр.; 1834 г. 10 іюля; 1839 г. 21 іюля; ДУУ. д. 1856; 1840 г. 8 іюня; 1848 г. 21 іюня (представилъ чрезъ Протасова тотъ курсовикъ о Грузинской церкви, за который получилъ кандидата, о чемъ К. съ отказомъ въ степени магистра и доложила); 1849 г. 24 мая: проситъ кандидата—онъ есть кандидатъ философіи Виленскаго университета, слушалъ курсъ богословія въ Кременецкомъ монастырѣ, а „потомъ въ СПБ. Д. Академіи". Конференція: у насъ курса не окончилъ и безъ экзаменскаго удосто-

вѣренія опасно давать ученую степень; поэтому въ виду прекрасной аттестаціи его Могилевскимъ Владыкою признать его достойнымъ годичнаго оклада смотрительскаго жалованья (онъ былъ хорошимъ и бережливымъ смотрителемъ). Однако Св. Сунодъ (К. 1849 г. 26 ноября) возвелъ его въ кандидаты. К. 1856 г. 15 февр.; ср. 1 февр. 1857 г. и 17 іюля. К. 1848 г. 24 дек.: по отзыву Архимандрита Аввакума, соч. Успенскаго о миссіяхъ—вкладъ, ибо по новымъ источникамъ; Храповицкій оч. хорошо. Положено: хотя не докончили (уѣхали миссіонерами), но учились в. хорошо, курсовыя тоже хорошія; поэтому въ кандидаты, но они изъявили готовность ѣхать въ миссію подъ условіемъ получить магистра; на это не согласились (П. 1848 г. 23 марта); однако П. 1849 г. 14 октября магистра они получили.

[37]) Надо сказать, что тутъ споначалу иногда брала инціативу въ свои руки КДУ: К. 1815 г. 26 окт.; 1818 г. 16 іюня; 1819 г. 4 окт.; 1821 г. 15 января и 15 фев.; 27 апр. 1822 г.; 5 авг. 1826 г.; 1 мая 1830 г. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она поправляла рѣшенія Конференціи: которая 24 сент. приняла отъ о. Березина вмѣсто курсоваго нѣкоторые его проповѣди и уроки, передала о. Архимандриту Владиміру, онъ (К. 13 ноября) одобрилъ; но КДУ. отказала: это, говоритъ, выписка изъ другихъ книгъ и катихизисовъ (К. 1830 г. 7 іюля); впрочемъ К. 1830 сент. 5, что Березинъ подалъ соч. о прообразованіяхъ; 15 сент. Кочетовъ одобрилъ, а 1831 г. 4 мая, что КДУ. по отзыву Пр. Кочетова и согласію на оный Владыки возвели Березина въ Магистры. Также (К. 1829 г. 17 Авг.) Конференцію просило за старш. канд. Лавра Соколова Правл. Могилевской дух. семинаріи, чтобы возвели въ магистры безъ курсового; Конфер. не согласилась: нужно представить въ К. Д. У. сочинен.; засимъ К. 1832 24 дек. заслушала и іер. Макарій одобрилъ; но К. Д. У.: разсужденіе сіе расположено безъ соблюденія надлеж. правилъ и потому не можетъ называться разсужденіемъ, но размышленіемъ, въ коемъ сверхъ сего оказыв. слѣды перевода. К (1833 г. 8 Іюля) отказала; но впрочемъ (К. 1835 г. 16 Сент.): этотъ о. Л. Соколовъ подалъ новое: о вѣрѣ Патріарховъ и Израильтянъ въ безсмертіе, или жизнь по смерти; поручено было разсмотрѣніе троимъ; и К. 1835 г. 24 Февр.: Карповъ и Бажановъ лишь вскользь сдѣлали замѣчаніе относительно языка, да о. Колоколовъ нашелъ нѣкоторыя мысли неудобовразумительными благодаря темнотѣ изложенія; и 28 Апр. было прислано утвержденіе Коммиссіей. Нѣсколько иное въ дѣлѣ, о которомъ начинается съ К. 1834 г. 9 Апр.: К. Д. У., находя отзывъ одного члена конференціи (Бажанова въ 33 году) о достоинствѣ курсоваго Св. Аристова недостаточнымъ для признанія магистромъ, предписала подвергнуть новому разсмотрѣнію; К. 31 Янв. 1835 г.: рецензенты дали от-

зывъ одобрительный, только Павскій сдѣлалъ бѣглое указаніе на недостатокъ изложенія. По этимъ отзывамъ К. Д. У. признала и умно поступила, п. ч. 5-го же Мая уволила Аристова изъ Тверской семинаріи по запросу попечителя для безпрепятственнаго опредѣленія его въ *Ярославскій Демидовскій Лицей*. Наконецъ не можемъ удержаться и не передать, что К. (1840 г. 19 Февраля) присужденія которой студентамъ оканчивавшимъ курсъ обыкновенно всегда утверждались безъ измѣненій, ходатайствовала о степени магистра для шести, въ спискѣ у гр. Протасова почему-то оказавшихся старшими кандидатами, «въ соразмѣрность съ награжденіемъ, коего удостоены перворазрядные ихъ товарищи»; Протасовъ представилъ въ Сунодъ, который рѣшилъ разослать сочиненія этихъ злосчастныхъ на прочтеніе архіереямъ и Д. У. У. № 1045 опредѣленіемъ 11/18 Окт. 1847 г. положило пятерымъ дать степень магистра, отказавъ шестому Зыкову, сочиненіе котораго не одобрилъ Кіевскій Митрополитъ Филаретъ и о которомъ м. пр. см. К. 1837 г. 26 Апрѣля, 24 Іюня, 18 Окт.; 1838 г. 16 Марта, и у Родоскаго: Зыковъ.

[38]) См. напр. К. 1839 г. 28 Іюля; П. 1847 г. 2 Іюля.

[39]) К. 1832 г. 29 Янв.

[40]) Говорю, что кажется слѣдовало связать такимъ образомъ себя со всѣми архіереями епархіальными. Что же касается до нѣкоторыхъ, то уже въ вышеуказанномъ дѣлѣ К. Д. У. № 1170 говорится: въ свое время конференція отнесется къ нѣкоторымъ другимъ преосвященнымъ Архіереямъ, знаменитымъ духовной ученостію съ предложеніемъ о внесеніи именъ ихъ въ 1-ю (почетную т. е.) часть книги докторовъ для поощренія подвижниковъ духовной учености и украшенія знаменитыми именами новоучреждаемаго заведенія». А въ П. 1814 г. 3 Іюня § 8 это повторяется; но чтобы кому было послѣ предложено, объ этомъ ничего; сказано только раньше, что КДУ. предложила Конференціи просить о принятіи Почетнаго Членства Впр. Серапіона Митроп. Кіевскаго, Пр. Меѳодія Тверского, Евгенія Калужскаго и Амвросія Тульскаго.

[41]) Конечно и то справедливо что если магистръ получалъ право называться профессоромъ, то этимъ значитъ онъ причислялся къ ученому сословію.

[42]) К. 1817 мая 9 и 22; 1818 г. 22 іюн. и 22 декабр.

[43]) Напр. Тамбовскій Пр. Ѳеофилактъ ходатайствовалъ за учителей кандидатовъ Іером. Филарета и А. Колоколова о возведеніи ихъ въ профессоры; но такъ какъ при ревизорскомъ свидѣтельствованіи у нихъ не оказалось никакихъ особенныхъ заслугъ; поэтому К. Д. У. 14 Окт. 1822 (д. № 3291) положила награжденіе ихъ званіемъ профессорскимъ отложить впредь до будущаго своего усмотрѣнія

[44]) Проект. уст. 1814 § 338—374.

[45]) См. напр. Отчеты Цензурнаго Комитета за 1828—31 гг. Также примѣч. къ § 353, взятое изъ § 106 Начертанія, § 360, 361, 357.

[46]) См. проектъ Уст. 1814 часть третью.

[47]) К. 1845 г. 6 ноября: Тов. Министра Народнаго Просвѣщ. проситъ указаній для университовъ по догматикѣ, Церк. Истор. и Церковн. Законовѣденію, такъ какъ эти предметы не принадлежатъ къ факультетскимъ. Положили: Райковскому и Окуневу а) составить программы, б) указать руководственныя сочиненія и в) опредѣлить число еженедѣльныхъ лекцій. Въ 1851 г. Д. У. У. препроводило составленную въ Кіевской дух. акад. программу п. законовѣденія, которая была передана архимандр. Іоанну, и онъ (К. 1852 г. 28 Янв.) сов. забраковалъ; Св. Сунодъ К. 1852 г. 29 Мая предложилъ ему въ скорости составить программу; къ 12 Іюля онъ составилъ; а 16 Іюля ее слушали, в. одобрили и препроводили въ Д. У. У. См. еще К. 1852 г. 3 Іюня, касающееся преподаванія въ Лицеѣ логики и психологіи, наблюденіе за преподаваніемъ которыхъ въ свѣтскихъ высшихъ заведеніяхъ по объявленію Пр. Макарія Кочетову возложено было на наблюдателей за обученіемъ Закона Божія; ср. П. 1850 г. Мая 20 и К. 1853 г. 20 Окт.; 1855 г. 4 Мая.—К. 1853 г. 2 Апр.: представленную «Попечителемъ» М. Хир. Академіи программу Закона Божія поручено разсмотрѣть Архимандр. Кириллу, который (4 апр.) одобрилъ и только запросилъ автора программы; по какому руководству студенты готовятся къ экзамену; 23 Іюля о. Черепнинъ отвѣтилъ опредѣленно и 10 Авг. о. Архимандр. согласился; такъ какъ указаны изданія, которыя пропущены дух. цензурой.

[48]) Извѣстія объ этомъ даны въ имѣющихся у насъ бумагахъ К: 1823 г. 16 Авг.; 1830 Сент. 9; 1833 г. Янв. 19; 1843 Іюня 18; 1858 Іюля 24; Авг. 7; 1859 г. Янв. 9; 1861 г. Іюня 2; 1862 г. Іюня 13.

[49]) Напр. П. 1853 г. 8 Окт.: большой выговоръ Новгородской, Ярославской, Костромской, Калужской и Вятской семинаріямъ, что посылаются „вовсе неприготовленные".—П. 1821 г. 24 Окт. только предлагаютъ Тверск. сем. и просятъ Рязан. и Псков. 1832 г. 27 Іюня, чтобы посылали здоровыхъ; 1847 г. 20 Окт. отправляютъ болѣзненнаго Псков. Востокова на счетъ семинаріи; а 1828 г. 16 Окт. Архан. освободилась отъ этого благодаря тому, что посланнаго ею осматривала и нашла удовлетворительнымъ мѣстная Врачебная Управа. Наконецъ 1835 г. 21 авг. Калуж. вмѣсто посылки своего Маркова отправляетъ увѣдомленіе, что онъ не являлся во Врач. Упр., и конечно ему заперли вступленіе въ академію.—П: 1863 г. 17 іюня о. прокуроръ предупреждаетъ, чтобы во избѣжаніе непріятностей посылали только желающихъ; 1865 г. 1 ноября Могилевской семинаріи, выговоръ, что послали такого, который расположенія не имѣлъ; 1866 г. 12 Янв.: съ

немедленно послѣ поступленія просившаго объ увольненіи изъ акад. и изъ духов. званія Квятковскаго взяли прогонныя деньги, а Семинаріи напомнили недавнее предписаніе, которое она, оказалось, не исполнила.

[50]) Эти семинаріи стоятъ въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: С.-Петербургская, Новгородская и Тверская. Изъ обѣихъ первыхъ поступило къ намъ больше 300, изъ послѣдней ок. 250, но и она выпустила отъ себя больше слѣдующей по порядку на сотню слишкомъ.

[51]) Они идутъ въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: [4]) Рязанская, [5]) Псковская, [6]) Костромская, [7]) Литовская, [8]) Владимірская, [9]) Смоленская [10]) Калужская, [11]) Ярославская, [12]) Олонецкая, [13]) Вологодская, [14]) Нижегородская, [15]) Витебская, [16]) Могилевская, [17]) Курская, [18]) Тамбовская, [19]) Тульская, [20]) Орловская, [21]) Архангельская, [22]) Минская, [23]) Рижская, [24]) Волынская, [25]) Воронежская, [26]) Вятская, [27]) Самарская, [28]) Московская, [29]) Саратовская, [30]) Полтавская, [31]) Харьковская, [32]) Херсонско-Одесская, [33]) Черниговская, [34]) Подольская, [35]) Холмская, [36]) Кіевская, [37]) Пензенская, [38]) Таврическая, [39]) Астраханская, [40]) Пермская, [41]) Тифлисская, [42]) Кишиневская, [43]) Уфимская, [44]) Симбирская, [45]) Ставропольская, [46]) Томская, [47]) Донская, [48]) Казанская, [49]) Екатеринославская, [50]) Тобольская, [51]) Иркутская, [52]) Красноярская. [53]) Оренбургская, [54]) Благовѣщенская. При этомъ нужно сказать что между семинаріями: а) подъ цифрами: 36, 37 и 38, затѣмъ 40. 41 и 42, затѣмъ 44. 45 и 46, затѣмъ 47 и 48, разници нѣтъ, только алфавитная; б) подъ цифрами 8 и 9, затѣмъ 12 и 13, затѣмъ 19 и 20, затѣмъ 21 и 22, затѣмъ 22 и 23, затѣмъ 51 и 52 разница только на одного, которая нынѣ есть, а слѣдующій разъ ея нѣтъ; в) подъ цифрами: 15 и 16, засимъ 16 и 17, засимъ 30 и 31 разница опять только на два человѣка Чтоже касается до профессорской производительности; то здѣсь такой послѣдовательный порядокъ: Тверская 25, Петербургская 15, Рязанская 13, Нижегородская 12, Ярославская 11, Владимірская 7, Костромская 7, Тамбовская 7, Калужская 6, Московская 6, Вятская 5, Смоленская 5, Тульская 5, Орловская (включая г. С.) 5, Воронежская 4, Могилевская 4, Псковская 4, Архангельская 4, Литовская 3, Олонецкая 3, Кіевская 3, Волынская (считая г. М.) 3, Курская 2, Пермская 2, Подольская 2, Херсонская 2, Иркутская 1, Пензенская 1, Полтавская 1, Саратовская 1, Харьковская 1, Черниговская 1 и Казанская 1 Александръ Евлампіевъ Покровскій, который по Смирнову поступилъ изъ Казанской епархіи, Симбирской губ., города Ардатова.

[52]) Напр. П. 1831 5 Ноября: слабо отвѣчавшихъ принять, имѣя въ виду выяснить вопросъ на декабрскихъ испытаніяхъ (которые П. 1867 г. 7 Октября отмѣнены только въ 67-мъ году),

а КДУ ib. 30 Декабр.: сообщите, какъ выдержатъ эти шестеро; 1844 г. 11 Мая: съ этими, тоже шестью, дѣло затянулось—КДУ: сообщите объ успѣхахъ ихъ (не высоко, но всѣ окончили въ 1847 г). П. 1837 г. 23 Августа и проч. (см. чрезъ два прим. дальше).

[53]) Напр. Ректоръ Филаретъ: II. 1814 г. 2 Сент.: при испытаніи 52-хъ нѣкоторые оказались неподготовленными, но чтобы не возиться съ отправкою ихъ въ родные епархіи и „дабы не разстраивать ихъ расположенія къ образованію своихъ способностей"; принять лучше всѣхъ (окончило однако въ этомъ II курсѣ всего 36); 1823 г. 11 Янв. своекоштный Пановъ прежде имѣлъ помощь отъ дяди, который скончался, и вотъ онъ проситъ казеннаго содерж., и уважили на томъ основаніи, что число казенныхъ меньше положеннаго по штату, а 19 Янв. Митрополитъ утвердилъ. П. 1828 г. 23 Окт.: кромѣ свободныхъ вакансій указывается, что его рекомендуютъ изъ семинаріи не дурно, а 9 Ноября Митрополитъ: согласенъ (на принятіе).

[54]) См. напр. II. 1835 г. 16 Сент.

[55]) Напр. П. 1836 г. 23 Сент.: изъ условно принятыхъ уволенъ только Поповъ, который однако уже раньше жаловался на грудную боль (ib. 10 Іюня и 18 Авг. это признали, даже рѣшили дать казенные прогоны, такъ что когда КДУ (ib 10 Окт.) запросило почему онъ уволенъ; прямо сослались на болѣзненное состояніе); 1842 г. 16 Февр.; 1844 г. 24 Янв.; 1848 г. 25 Мая; 1850 г. 6 Февр.; 1854 г. 23 Янв. 1860 г. 28 Сент.; 1862 г. 22 Янв. 10 Авг.; 1864 г. 15 Янв.; 1866 г. 12 Янв.; 15 Окт. 21 Окт. и 5 Ноября. Всѣ съ такимъ или другимъ успѣхомъ оправдали надежды; а П. 1853 8 Окт.: изъ 9-ти которые приняты, но требовали увѣдомленія о дальнѣйшихъ ихъ успѣхахъ, потому что на пріемномъ они по многимъ предметамъ отвѣчали слабо, АИ. Парвовъ не только кончилъ в. хорошо, но и былъ оставленъ баккалавромъ; въ курсѣ же Владиславлева двое, принятыхъ условно, послѣ сдѣлались и докторами и ординарными профессорами. Нѣкоторую аналогію въ этомъ случаѣ представляютъ магистры IV курса, которые кончили подъ №№ 2, 3 и 4-мъ, а поступили низко, кончившій 2-мъ Райковскій поступилъ послѣднимъ, а окончившій подъ № 8 Эльмановичъ совсѣмъ даже оставался за флагомъ.

[56]) Такъ прямо и дано было знать въ Іюнѣ 1863 г. П. 1849 г. 15 Марта: громоподобный меморандумъ гр. Протасова, гдѣ о сов. небреженіи семинарій къ надлежащему подготовленію воспитанниковъ для академій (привѣтствуетъ Иркутскую и Оренбургскую, какъ исключеніе) и, если на декабрскомъ окажутся неудовлетворительными, то прямо исключать—пусть будетъ меньше, но такихъ, „которые бы вполнѣ соотвѣтствовали высшей цѣли академическаго образо-

ванія". Въ 1865 г. 19 Октября всѣ не выдержавшіе должны были удаляться, кромѣ троихъ, которымъ было предложено, если хотятъ быть студентами, снова выдержать пріемный экзаменъ по всѣмъ предметамъ; и объ одномъ изъ нихъ (теперь о. протоіереѣ заграничномъ) П. 1866 г. 27 Января, что онъ выдержалъ таковой и потому принятъ на казенное. Это было одинъ разъ раньше П. 1860 г. 6 Октября: три „вольнослушателя" просятъ подвергнуть ихъ экзамену и получаютъ согласіе.

[57]) Первое препятствіе въ томъ, если желающій не окончилъ полнаго курса въ семинаріи; поэтому напр. П. 1825 г. 2 Іюня брату проф. Кочетова было отказано, такъ какъ онъ кончилъ только среднее отдѣленіе — философію; однако вся масса изъ окончившихъ, учившаяся въ семинаріяхъ Московскаго и Казанскаго Округа, поступала „къ году" (т. е. пробывши въ богословскомъ классѣ лишь одинъ первый годъ). А параллельно съ этимъ установилась практика, по которой увольнявшіеся изъ академіи по разнымъ причинамъ не окончивъ ее, такъ сказать вознаграждались (когда это было справедливо) за свое ученье въ академіи степенью студента Семинаріи для которой нужно было хорошо пройти весь семинарскій курсъ, См. П. 1839 г. 17 Іюля; 1840 г. 7 Авг.; 1841 г. 2 Сент. (Суровцевъ); 1842 г. 6 Мая (Виноградовъ Я.); [11]/[13] Окт. (тутъ кромѣ степени очень человѣколюбиво позаботились снабдить страдавшаго худосочіемъ Гомолицкаго не только прогонами, но и тулупомъ, валенками, шапкой и теплыми перчатками). Другимъ препятствіемъ служила несвоевременность прошеній въ академію. Но см. напр. 1833 г. 26 Іюня П. 1824 г. 3 Янв.: по несвоевременности отказываютъ Г., который уволенъ изъ учителей „за тѣлесное наказаніе ученика", 1829 г. 16 Сент. въ виду того, что уже начался учебный годъ отказывается Б., о которомъ получены свѣденія, что онъ больной; 1835 г. 7 Ноября отказъ за позднимъ временемъ Л. также и потому, что Московск. д. ак. уже признала его нездоровымъ (учился тамъ 2 года); 1838 г. 15 Янв. отказъ П. за несвоевременностію (въ которой онъ не былъ виноватъ), и число студ. уже перешло норму. Съ другой стороны напр. П. 1828 г. 23 Окт. Филипова хорошо рекомендуютъ; принять; 1833 г. Сент. 5 Метаніевъ и Промптовъ пріѣхали не во время, но Семинарское Правленіе за нихъ заступается; тоже подвергнуть экзамену; 1867 г. Медвѣдковъ и Успенскій опоздали, ихъ тоже отдѣльно экзаменуютъ и пр.

[58]) Онъ (П. 1840 г. 16 Февр.) предложилъ экзаменовать второразряднаго З.; тотъ 29-го плохо и по вниманію къ способностямъ и знанію исторіи его можно бы своекоштнымъ, но за позднимъ временемъ отказать и сообщить гр. Протасову; таже исторія П. 1854 г. 12 Окт. о Б., о которомъ об. пр., что Св.

Сунодъ разрѣшилъ допустить его къ экзамену; но 15 Окт.: онъ-де совершенно неподготовленъ, да и время для поступленія неудобное; отказали и этому второразрядному; П. 1853 г. 11 Мая: Ц. къ Протасову, что его могутъ не допустить, однако ему нужно просвѣщать Тушинскій народецъ (въ Грузіи); Протасовъ ходатайствуетъ; однако по случаю 2 разр. отказали; Прот. П. 1855 г. 15 іюня распорядился: принять не въ примѣръ прочимъ, хоть бы не дѣйствительнымъ, а условно; разумѣется приняли: но дѣйствительно ему нужно было, какъ рекомендовали, еще подготовиться: П. 1854 г. 14 авг: Ц. проситъ уволить съ прогонами (даны), а П. 1855 г. 15 февраля, что онъ скончался. Вообще къ второразряднымъ отрицательно: П. 1831 11 дек. :принято меньше нормы, но такъ какъ И. 2-го разряда, отказъ; 1837 г. 17 іюня, 1841 г. 9 сент. К. и П.; ib. В. и С. 1860 г. 22 авг.: хотя экзамены сдалъ; но кончилъ Семинарію въ 2-мъ разрядѣ и лишь послѣ выдержалъ на 1-й; поэтому на годъ и своекоштнымъ. Я могъ найти только два случая иной практики: П. 1831 г. 26 ноября діак. Мраморнаго дворца 2 разр. хочетъ очень учиться и имѣетъ свободное время; былъ принятъ, но П. 1834 г. 26 янв.: «приватнымъ», съ половины февраля 33-го г. по болѣзни рѣдко бывалъ, экзаменовъ не держалъ, годичное сочиненіе подалъ, но слабое. П. 1841 г. іюня 28 о. Т. допустили къ экзамену, ибо за отъѣздомъ о. Іоасафа у насъ не было священника, ср. П. 1839 27 сент. и 2 іюля его помѣстили, дали квартиру со столомъ. 1-й же разрядъ и вообще оч. хорошая аттестація давали прямое право во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія: П. 1835 г. 21 авг.: не внесенные въ списокъ назначаемыхъ двое тверскихъ, какъ перворазрядные, зачисляются; 1833 г. 8 сент. тоже удовлетворяютъ; 1825 г. 19 мая—пусть посылаютъ казеннымъ; 1827 г. 16 апр.; 1831 г. 30 апр.; 1835 г. 17 апр.; 25 мая; и пр.; а П. 1827 г. 19 сент. разрѣшали дать прогоны на 2 лош. Правда, были два случая и такого рода: П. 1825 г. 13 авг : спрашиваютъ Сем. Пр.: почему не назначали И. и Р.; а правл.: до нихъ не дошло по мѣсту ихъ въ разрядномъ спискѣ; и имъ отказали; 1845 г. 16 іюля отказано К.: въ спискѣ онъ занимаетъ «не довольно высокое мѣсто».

[59]). П.: 1841 г. 25 сент. проспвшимся чрезъ прокур.: худосочные, золотушные, имъ нельзя жить въ Петербургѣ; ib. 25 окт. отказывалось за несвоевременностію. Протасовъ (ib. 24 ноября-тоже вступился: (первая треть учебнаго года еще продолжается) ib. 15 дек.: экзамены плохо; приняли конечно, только 1844 г; 11 мая одинъ скончался. 1849 г. 19 ноября: Протасовъ рекомендуетъ, опираясь на Вятскаго іерарха Н.; а отвѣтили: не успѣетъ (изъ Вятки) сюда раньше половины учебнаго года; пусть лучше ѣдетъ въ ближайшія академіи; 1844 г. 15 янв. ДУУ. за-

просъ; въ какомъ положеніи дѣлъ П.; отвѣтъ: съ прошеніемъ о. П. не доставилъ разрѣшенія епарх. преосвященнаго, поэтому принять его можно было только нарушивъ предложеніе Его Сіятельства 24 окт. 1841 г.; но такъ какъ о. П. обѣщался доставить таковое, то его допустили къ экзамену—на которомъ онъ плохо; поэтому отказали. Тогда П. обратился къ Митрополиту—который сдалъ его прошеніе академическому Правленію; оно объяснило причину непринятія, и Митроп. утвердилъ мнѣніе Правленія.

[60]) П. 1827 г. 14 апр.; потомъ (П. 1829 г. 4 сент.) въ числѣ трехъ по запросу графа Сперанскаго онъ перешелъ въ училище Правовѣденія. Тоже П. 1853 г. 19 мая отказано было за несвоевременностію Саратовцу Н. И. Розанову; но такъ какъ и онъ кончилъ 1-мъ; поэтому его допустили и конечно приняли.

[61]) П. 1827 г. 27 мая. Тоже П. 1825 г. 14 мая: 19 лѣтній В. Гинковъ имѣетъ непреодолимое желаніе учиться въ академіи; и споначалу какъ будто не былъ принятъ потому, что не изъ богословскаго класса, хотя Семинар. Правл. хорошо рекомендовало по успѣхамъ и поведенію; но онъ несомнѣнно учился у насъ: П. 1828 г. 13 янв. проситъ увольненія по грудной болѣзни и одышкѣ, а мать жалостное письмо, что овдовѣвши осталась безъ помощи. Положили уволить и дать прогоны.

[62]) П. 1835 г. 19 іюня.

[64]) Дабы избавить будущаго историка отъ напраснаго кропотливаго труда, укажу замѣченныхъ мною П. 1810 г. 15 Іюля; 1811 г. 26 Апр., 31 Іюля; 1812 г. 21 іюня; 1813 г. 20 Янв. 1814 г. 16 Іюля; 1815 г. 26 Апр.; 1821 г. 11 Мая ср. ib. 3 Авг. и ДП. № 41; 6 Сент.; 16 Окт. ДП. № 105; 12 Ноября ДП. № 114; 1823 г. $^{4}/_{29}$ Дек. ДП. № 93; 1824 г. $^{3}/_{31}$ Окт. 1825 г. 19 мая; 1827 г. 5 Февр.; 13 Мая 1828 г. 13 Янв.; 1829 г. 26 Апр. ср. 3 Іюня; 1832 г. 14 Мая (двое, изъ нихъ Куликовскій скончался); 31 Мая (тоже двое); 1833 г. 26 Апр.; 8 Іюня; 1834 г. 23 Іюня; 17 Авг., 1835 г. $^{5}/_{11}$ Февр.; 28 Мая; 1836 г. 10 Іюня; 3 Авг.; 1838 г. 2 Іюня; 20 Авг. ср. 25 Авг. и 3 Сент.; 16 Сент. ср. 22 Окт.; 30 Дек.; 1839 г. 30 Окт.; 1840 г. 14 Дек.; 1842 г. 6 Мая; 24 Авг.; 1843 г. 20 Марта; ср. 1844 г. 2 Мая; 1850 г. 4 Окт.; 1852 г. 11 Марта; 1858 г. 28 Іюня; 1859 г. 22 Янв.; 1868 г. 25 Апр.; 1869 г. 27 Марта; есть къ прискорбію и дальше; но я сравнивалъ въ кругѣ этихъ лѣтъ; а нечахоточныхъ выходитъ меньше, особенно если взять больныхъ политически, т. е. увольняющихся или увольняемыхъ по неспособности (напр. 1826 г. 15 Ноября ср. 7 Сент.; 1833 г. 8 Іюля ср. 9 Окт.; 28 Дек. ср. 1834 г. 5 Янв., 10 Апр., 23 Мая, 10 Окт.; 1835 г. 5 Февр.; 1838 г. $^{19}/_{24}$ Сент.; 1856 г. $^{15}/_{21}$ Февр. (пожелалъ въ свѣтское званіе); 1857 г. 16 Янв. ср. 18 Янв. и мн. др.). Пси-

хическаго разстройства случаевъ очень немного: П. 1815 г. 6 Ноября: поврежденіемъ ума; но 1822 г. 26 Авг. выздоровѣлъ и уволился; 1837 г. 8 Мая: ипохондрія „до измѣненія душевныхъ способностей“, 1838 г. 10 Окт.: стыдливѣйшій mania furibunda; но 1839 г. 7 Іюля и 30 Окт.: выздоровѣлъ; и были случаи трогающіе —П. 1835 г. 13 и 29 Марта ср. 1836 г. 29 Февр. особенно 1839 г. 12 Іюля и 13 Окт. Къ этимъ же причисляю кончину отъ нервнаго апоплексическаго удара Ив. Лебедева, у котораго оказалась масса книгъ на иностр. языкахъ (П. 1814 г. 15 Мая); кончину Суворова, который (П. 1838 г. 19 Апр.) пошелъ въ 9 часовъ вечера сов. трезвый прогуляться, затѣмъ пропалъ, и 26 Мая тѣло его всплыло на Обводномъ каналѣ въ полномъ одѣяніи (П. 1838 г. 7 Мая, 23 Іюня и 4 Авг.); гибель Сергіева, которому Арх. Сем. Пр. выдало на 2 лош. и 25 р. по распоряженію акад. для прибытія къ экзамену и который безъ причинъ, но унылый и безпокойный, отлучился и пропалъ безслѣдно (П. 1829 г. 5 Окт. 4 Ноябр.); исчезновеніе ст. П. „поведенія хорошаго“ отлучившагося съ товарищемъ, который сказалъ, что въ 8 вечера тотъ ок. Казанскаго Собора скрылся отъ него и пропалъ (П. 1828 г, 5 Марта); розыски не привели ни къ чему (ib 25 Сент.); но вотъ въ П. 1851 г. 4 Іюля заслушивается бумага городничаго г. Ельца, который: взятъ съ фальшивымъ свидѣтельствомъ на имя крѣпостного г Энгельгарда В. Коваленко, а на допросѣ показалъ себя Мих. Іудинымъ П., сыномъ А. губ. Борецкаго прихода діакона, теперь іерея, учившимся сначала въ А. Семин, потомъ въ Петерб. акад., откуда онъ отлучился и странствуетъ по разнымъ мѣстамъ; по справкѣ: дѣйствительно былъ такой, 3 Февр. 28 г. пропалъ, сообщали въ Каретную часть, тамъ ничего; примѣты такія-то. Увѣдомленіе городничему сдѣлано, конецъ однако неизвѣстенъ. Считаю неизлишнимъ добавить, что въ общемъ смертность была среднимъ числомъ никакъ не больше двухъ на курсъ; особенныхъ случаевъ не замѣтилъ, былъ кажется одинъ случай смерти отъ цынги (П. 1817 г. 28 Янв.); да одинъ пошелъ „безъ позволенія“ купаться и утонулъ (П. 1838 г. 23 Іюля). Во время холеръ очень береглись (П. 1830 г. 27 Окт. 1848 г. 13 Марта); въ 1-ю холеру заболѣлъ, но чрезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ Мысовъ (П. 1831 г. 4 Іюля); во 2-ю заболѣлъ и чрезъ сутки скончался Ѳ. Криловскій (П. 1849 г, 26 Іюня), да въ 1871 г. въ каникулы скончался отъ холеры А. Г. Каратыгинъ который только что кончилъ и былъ предназначенъ на русскую церковную исторію. Къ даровитымъ профессорамъ смерть была безжалостнѣе,

[64]) П. 1833 г. 3 окт.

[65]) Промахъ (положились на опрометчивую справку, впослѣдствіи в. осторожнаго пр. Л.) былъ исправленъ самой Семинаріей,

и поэтому всетаки въ *Петербургской* академіи учился теперешній В. Пр. Новгородскій Гурій (П. 1849 г. 13 Мая). Но былъ очень даровитый Гусевъ, который настойчиво рвался именно къ намъ; родная семинарія Московск. Округа никакъ его не найдетъ чтобы послать къ намъ по нашему вызову чрезъ КДУ. Москов. акад. совѣтуетъ (sic) КДУ задержать его для поступленія къ ней: а онъ все просится—готовъ ѣхать на свой счетъ, и кончилось тѣмъ, что вынужденъ былъ учиться не у насъ и конечно магистромъ, (Смирновъ Ист. Моск. акад. 541); не справились: будучи еще семинаристомъ, преподавалъ въ качествѣ лектора греческій въ философск. классѣ, кончилъ 1-мъ, аттестатъ прекрасный, назначенный въ Моск. ак. „по болѣзни“ уклонился и на время до поступленія въ нашу академію (въ нечетный годъ) опредѣлился въ учители дух .училища. Кстати скажу и о другомъ промахѣ: Добротворскій у насъ кончилъ 2-мъ, предназначали въ баккалавры, а КДУ. поставила своего кандитата Б., (кончилъ 12-мъ, см. К. 1851 г. 5 Окт.); въ 1849 г. просился самъ изъ Волын. Сем., даютъ математику, а онъ хочетъ или философію, или исторію, или языки; чрезъ три года снова просится на философію, или словесность, ему говорятъ, что у насъ есть изъ другой академіи (не ознаменовавшій себя С. П. 1849 г. 17 Іюня; 1852 г. 17 Окт.); а онъ пошелъ по свѣтской службѣ, былъ директоромъ народныхъ учлищъ и выдающимся въ Полтавѣ дѣятелемъ по церковно-прих. школамъ (Родосскій 139 сл.).

[66]) Нужно было подавать объ этомъ прошеніе, и напр. П. 1838 г. 17 Іюня, 22 Декабря, а иногда не отпускали (П. 1832 г. 28 іюня); а во время гр. Протасова если проситель далеко, то представлять на разрѣшеніе ему (П. 1841 г. 9 Іюня; 1842 г. 25 Мая; 1843 г. 20 Мая).

[67]) Смирновъ, Исторія Московской Дух. Академіи до ея преобразованія М. 1879 стр. 163.

[68]) Проэктъ Уст. 1810 г. § 61.

[69]) П. 1816 г. 14 Янв.

[70]) П. 1817 г. 2 Мая.

[71]) П. 1832 г. 30 Іюня.

[72]) См. напр. П. 1851 6 Февр. ср. Воспоминанія прот. Л. Петрова Спб. 1909 стр. 33 пр. 1. Старожилы говорятъ, что времена особенно тяжелой дисциплины падаютъ на періодъ ректорства Аѳанасія Дроздова и Макарія Булгакова, приб. еще Евсевія. Нехорошій случай былъ только одинъ (П. 1816 г. 30 Іюня); странное дѣло Вѣтринскаго-Пуришкевича оказалось совсѣмъ некасающимся нашего студенчества: П. 1820 г. 5 Февр.; 1821 г. 28 Февр. А обычнымъ недочетомъ былъ тотъ, который прямо напоминаетъ казаковъ Запорожской Сѣчи, не только деликатно, но и по существу вѣрно именовался отдачей „разсѣянной“ жизни (т. е. про-

тивоположному сосредоточенности на ученіи, составлявшей должный modus vivendi студента; такихъ случаевъ записанъ не одинъ, и по крайней мѣрѣ теперь въ нихъ больше замѣчаются чисто юмористическіе элементы (напр. П. 1832 г. 20 Авг.; 1836 г. 30 Дек.; 1840 г. 27 Ноябр.) въ объясненіи послѣдствій солидарности съ Запорожцами. Конечно съ самаго начала возникъ институтъ старшихъ, которымъ давалась иногда власть чрезвычайная (напр. Прав. 28 Февр. 1839 г. въ П. 1841 г. 12 Марта); но по временамъ они прибѣгали къ alibi; (напр. П. 1839 16 Авг.); а по временамъ и сами оказывались „разсѣянными“ и были, конечно отмѣняемы (напр. П. 1844 г. 6 Іюня); первое указало на необходимость помощниковъ старшихъ (П. 1841 г. 27 Ноябр.); а послѣднее на недостаточность института и призвело освобожденіе баккалавровъ отъ маеты поочереднаго и ничѣмъ не оплачивавшагося дежурства въ столовой, (напр. П. 1839 г. 2 Янв. указанъ распорядокъ послѣдняго), такъ какъ возникъ институтъ помощниковъ инспектора (инспект. Платонъ раньше предлагалъ гувернеровъ (?) но не согласились П. 1833 г. 25 Авг.) и ими были по 2 тоже баккалавры, имѣвшіе (небольшой) окладъ, вознаграждавшій эти нарочитые ихъ труды. (П. 1839 г. 18 Окт.), первыми помощниками были К. Боголюбовъ и Орловъ.

[73]) См. Проектъ Устава § 124—130.

[74]) Уст. изд. 1810 г. § 107 сл.; изд. 1814 стр. 6 § 16.

[75]) Это надо понимать cum grano sàlis, и. что какъ скоро явились руководства Филарета по библейской и Иннокентія (Смирнова) по церковной исторіи, штудированіе учебника съ дополнительными объясненіями наставника пошли своимъ чередомъ. А въ разсужденіи исторіи гражданской всегда криво глядѣли на лекціи, мотивируя тѣмъ, что очень обременяютъ студентовъ, которые должны записывать, а послѣ классовъ тратить много времени на бѣловую переписку—вѣрнѣе передѣлку записаннаго. Напр. КДУ № 4016.

[76]) Проектъ Устава (1823) § 136. (ср. КДУ. д. № 27) 166; 154; 163. 161; 139.

[77]) ib. § 147. 148. 154. 172 (проповѣдн.).

[78]) П. 1842 г. 19 Авг.: Предложеніе ректора Аѳанасія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ количествѣ лекцій (возникшее вслѣдствіе его принятаго П. 1844 г. 10 Янв. ср. 1849 г. 8 Января 1850 г. 22 Сент., но отмѣненнаго П. 1861 г. 23 Окт. проекта сдѣлать математику физику предметами не факультетскими—параллельными исторіи, а общеобязательными) по математикѣ, говоритъ), довольно двухъ часовъ, тоже для церковной исторіи, такъ какъ «объемъ ея довольно сократится введеніемъ особыхъ классовъ ученія о церкви, *Археологіи*, патристики и каноническаго права».

[79]) Въ своемъ представленія Аѳанасій: «Правленіе мѣстной

Спб. академіи, когда ему въ 1841 году было предписано ввести патристику...» и т. д. (ДУУ. № 38 1842 г.). За 1841 г. говоритъ и А. С. д. 1299. Во 2-хъ П. 1845 г. 9 Іюня: Аѳанасій предложилъ Curs. Compl. и вмѣстѣ привелъ сравнительную оцѣнку съ прежними изданіями Отцовъ. Очевидно, не поэтому только нюансу я считаю его виновникомъ патристики въ нашей академіи. Главное основаніе въ томъ, что Пр. Аѳанасій стоитъ въ своей герминевтикѣ за св. преданіе и настолько предпочтительно относится къ нему въ сравненіи со Св. Писаніемъ, что вызвалъ рѣзкій отпоръ со стороны ВПр. Филарета—который даже обнародовалъ грубую ошибку, допущенную имъ: «о существованіи еврейской книги Есфирь сказано: исключая отъ 10 главы 4 ст. даже до 16 главы 14 ст.. Писавшій сіе не заглянулъ въ славянскую библію: Книга Есфирь имѣетъ только 10 главъ и то, чего недостаетъ въ еврейскомъ подлинникѣ, разсыпано въ разныхъ главахъ. Не съ такимъ вниманіемъ пишутся удовлетворительныя классическія книги». (Мн. и Отз. Филарета т. III стр. 70. Надо прибавить, что въ 1841 г. 15 Сент. Аѳанасій говоритъ о невозможности чтенія Св. Пис. безъ еврейскаго, а поступающіе обыкновенно ничего не знаютъ, на старшемъ курсѣ тоже; поэтому надо и на младшемъ 2 часа отдѣлить для него; *срав.* письма къ Филар. 350 сл.). А потомъ я долженъ сказать въ виду и до сихъ поръ выражаемаго мнѣнія, будто патристикой академія обязана гр. Протасову, что мысль о зависимыхъ къ нему отношеніяхъ Аѳанасія подлежитъ немалымъ ограниченіямъ. Это хорошо можно видѣть уже изъ нѣкоторыхъ предшествующихъ моихъ примѣчаній, къ которыхъ теперь прибавлю, что не совершенно дружелюбныя отношенія нашей ректуры ко всесильному въ ученой собственно области обостряются не позже конца 1840 г. (Аѳанасій вступилъ въ ректорство въ Апрѣлѣ 1841 г.) съ знаменитой резолюціи на прошеніе *получившаго разрѣшеніе Его Сіятельства*, ст. К. подвергнуть его экзамену: 2 декабря 12 часовъ по полуночи (П. 1840 г. 25 Ноября; a ib. 2 Дек. экзаменовали—плохо, только по богословію и нѣмецк. языку успѣхи «порядочные», по остальнымъ «слабые, недостаточные и оч. недостаточные» лат. сочин. плохо, русское ничего. Сообщить въ ДУУ.).

[80]) А. С. д. № 764: предложено было Спб. дух. академіи въ 1843 г. выработать соображенія о выдѣленіи русской церковной исторіи листъ 5 и 6.

[81]) ib. предложеніе гр. Протасова 44 г. на основаніи проекта Кіевск. митр. о наукѣ Введеніе въ Богословіе разсмотрѣть нашей академіи: а она: а) тогда будетъ видно, какія науки и какъ входятъ въ отношеніе къ главному предмету—«ученію богословскому»; б) каждый преподаватель будетъ измѣрять разные отрасли богословской науки не по мѣрѣ ихъ занимательности, а по

значенію каждой изъ нихъ въ общей системѣ богословскаго знанія; в) также наставники не будутъ вдаваться одинъ въ область другого; засимъ идетъ самая программа Димитрія. И въ 1845 году Сунодъ рѣшилъ сдѣлать двухгодичный опытъ преподаванія науки въ Кіевской и Петербургской академіяхъ.

[82]) П. 1853 г. 28 ноября. При этомъ и вообще по существу дѣла и вчастности ввиду недавняго, богатаго *матеріаломъ*—архивными и чуть ли не сплошь вѣрными данными труда, считаю пріятнымъ долгомъ воспользоваться случаемъ и обратить вниманіе на то, что сейчасъ процитованная ревизія Впр. Никанора является наиболѣе всѣхъ и полезною для нашей академіи, и вмѣстѣ наиболѣе соотвѣтственною той особенности послѣдней, о которой я рѣшился бы говорить дальше. Кромѣ реформы каноники, онъ: 1) указываетъ истинную цѣну тогдашней теоретической гомилетики и рекомендуетъ лучше изучать ее на образцахъ изъ древнихъ и новыхъ проповѣдниковъ, а также ввести исторію русскаго проповѣдничества; 2) въ обличительномъ богословіи совѣтуетъ сосредоточиваться на русскомъ расколѣ; 3) въ патристикѣ настаиваетъ не увлекаться біографическими подробностями, а давать ихъ въ тѣсной связи съ ученіемъ отцовъ, которое есть главный предметъ науки и 4) математикѣ рекомендуетъ дать ту практическую постановку, о которой уже была поднята рѣчь въ конференціи (1847 г. 2 Мая); 5) требуетъ для основного богословія особой отъ догматики каѳедры; 6) рѣшительно поднимаетъ рѣчь въ Св. Сунодѣ о необходимости ввести педагогику (id. и П. 1855 г. 28 Дек.). Можетъ быть послѣдующія изысканія покажутъ здѣсь Пр. Макарія; но это не измѣняетъ дѣла.

[83]) Чистовичъ совсѣмъ выпустилъ въ своемъ спискѣ этихъ несчастныхъ 11 человѣкъ, которые въ 1-мъ курсѣ были выпущены въ 3-мъ разрядѣ и изъ которыхъ А. Е. Покровскій былъ профессоромъ московской академіи. А что онъ подъ этимъ разумѣлъ, не понять. См. «требованіе» КДУ. мнѣнія: чѣмъ прилично наградить Покровскаго К. 1816 г. 18 марта. Тяжелое....

[84]) П. 1853 г. 8 авг., 25 сент. 24 окт., 1854 г. іюн. 4 іюл. 19; 1817 г. авг. 19: положенъ особый и т. д. Ректора архм. Кириллъ рекомендуетъ Викторина.

[85]) См. Чистовичъ, Исторія Спб. Д. Академіи. Спб. 1857, стр. 267 далл.

[86]) П. 1817 г. 14 окт.; 1822 г. 14 апр.; 1824 г. 10 іюля; 1826 г. 17 марта; 1831 г. 1 іюня; 1832 г. 26 іюля; 1851 г. 6 іюля; 1852 г. 14 іюля; (Ср. 1853 г. 23 янв. и 29 окт.); 1855 г. 3 сент.

[87]) Напр. П. 1825 г. 12 окт., ср. 1828 г. 24 сент.

[88]) Проектъ §§ 160 и 162.

[89]) ib. § 151. 152 ср. КДУ. № 1183. ib § 136.

[90]) Дѣло идетъ о Халдейской, Персидской и др. д. филосо-

фіяхъ; между тѣмъ какъ еще въ 60-хъ годахъ надъ Вейсенборномъ смѣялись, какъ надъ маніакомъ, и только въ послѣднее время мы имѣемъ солидные труды по этому вопросу, напр. Deuszen, Allgem. Geschichte d. Philosophie u. s. w. Leipzig. 2 Bde; М. Мюллеръ, Шесть системъ индѣйской философіи Перев., Москва 1901 г.

[91]) К. 1845 г. 30 марта въ докладной части диктуетъ verba ipsissima ДУУ—которое, послѣ рѣчи о постепенномъ открытіи академій съ 1809 и а) констатированія того факта, что много изъ бѣлаго духовенства въ Россіи получило академическое образованіе, б) почтительно—лестнаго отзыва о Духовныхъ Сановникахъ, полагало бы, что «можно было бы ожидать обильной жатвы ученыхъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ науки, относящихся къ духовному просвѣщенію; но ожиданія сіи не оправдались опытомъ. Въ теченіи 25 лѣтъ... духовная литература весьма немного пріобрѣла сочиненій классическихъ (разумѣютъ, кажется, учебники)... Хотя издаваемые при Академіяхъ Журналы поддерживаютъ нѣсколько движеніе въ духовной литературѣ; однакожъ они, бывъ предназначены преимущественно для народнаго чтенія, наполняются большею частью переводами изъ сочиненій Оо. Церкви, или статьями нравственно-богословскаго содержанія. Помѣщеніе же въ нихъ статей чисто ученыхъ, полезныхъ собственно для школы не представляется удобнымъ для успѣха самихъ Журналовъ. Судя по настоящему положенію дѣлъ, нельзя и ожидать вскорѣ появленія ученыхъ сочиненій, не только вполнѣ удовлетворительныхъ для классическаго руководства, но даже и посредственныхъ: ибо занятія сего рода требуютъ многихъ условій, какъ-то: значительнаго времени, обильныхъ ученыхъ пособій и особеннаго, пріобрѣтаемаго только опытомъ, навыка излагать предметъ систематически, ясно и отчетливо.—Дабы положить начало подобнымъ трудамъ и дать болѣе движенія духовно-ученой литературы, ДУУ. признаетъ полезнымъ вмѣнить въ обязанность академ. Конференціямъ издавать въ свѣтъ по 2, или по 3 книжки въ годъ ученыхъ записокъ изъ трудовъ наставниковъ дух.-ученыхъ заведеній, состоящихъ въ подвѣдомственномъ каждой академіи Округѣ. Записки сіи будутъ состоять изъ отдѣльныхъ трактатовъ, разсужденій и замѣчаній по наукамъ, преподаваемымъ въ дух.-ученыхъ заведеніяхъ. Таковое изданіе будетъ служить для наставниковъ поощреніемъ къ трудамъ и лучшимъ свидѣтельствомъ усердія ихъ къ службѣ предъ начальствомъ. Многіе изъ наставниковъ могутъ безъ сомнѣнія, легко обработать нѣсколько трактатовъ каждогодно. Можно ожидать, что нѣкоторые изъ ученаго духовенства будутъ также присылать статьи свои въ предполагаемое изданіе. Так. обр. всякій трудъ, относящійся къ усовершенствованію какой-либо науки, сдѣлался бы тотчасъ из-

вѣстнымъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ важнѣйшія части наукъ явились бы обработанными въ такой полнотѣ, какой нельзя ожидать отъ учебниковъ. Въ послѣдствіи же времени изъ составившагося запаса, ученыхъ статей было бы уже не такъ трудно составить и самыя руководства, столь необходимыя для учебныхъ заведеній.„ Конференція (ib.) признала фактъ малопроизводительности, необходимость проектируемаго изданія Ученыхъ Записокъ и въ концѣ концовъ выражала, что было бы удобнѣе вмѣсто параллельнаго и сепаратнаго смотрѣнія за этимъ изданіемъ всѣхъ 4-хъ академій учредить при Спб. Д. Акад. постоянный Учебный Комитетъ изъ шести лицъ".

[92]) Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ 1869 г. стр. 79 ср. 84 д.

[93]) Про. М. Голубева знаютъ, кромѣ учениковъ его, немногіе; и по печатнымъ трудамъ нельзя цѣнить его правильно не потому только что 2-я часть его толкованія на посл. въ Коринѳян. пропала (П. 1869 г. 6 сент.), а потому что въ нихъ не выражена его физіономія во всей ея обаятельной силѣ, менѣе выразилась, чѣмъ напр. въ его прямо выдѣляющемся отзывѣ объ учебникѣ гражд. исторіи Кульджинскаго (К. 22 апр. 1854 и 1859), или въ томъ, что когда освободилась каѳедра Св. Писанія, въ Правленіи помнили конечно о двухъ раньше окончившихъ академію и бывшихъ при ней въ родѣ резервныхъ профессоровъ извѣстныхъ Прот. І. В. Васильевѣ (впослѣдствіи предсѣдатель Дух. Учебнаго Комитета) и прот. (въ Берлинѣ) Т. Серединскомъ; но кончили тѣмъ, что вотъ теперь—де въ Петербургѣ живетъ покуда не получившій мѣста М. Голубевъ, и его опредѣлили (К. 1847 г. 15 сент.). Лучше всего онъ сказывался въ своихъ лекціяхъ. Замѣчательная начитанность, опертая на широкое общее образованіе, глубокая вдумчивость, оригинальный умъ съ прямымъ отвращеніемъ, можно сказать ненавистію къ новымъ и старымъ тенденціознымъ, но непровѣреннымъ мнѣніямъ, толкованіямъ, догадкамъ, и т. п., нѣкоторая любовь останавливаться на особенно запутанныхъ подробностяхъ своего предмета, и всегда точное, идущее методически разъясненіе ихъ, вѣрность котораго просто бьетъ въ глаза своей очевидностію, наконецъ сов. цѣльное воззрѣніе на свою науку, благодаря которому онъ сразу понималъ, что и какъ нужно имѣть въ виду въ каждомъ частномъ случаѣ и безъ всякихъ искусственныхъ средствъ могъ смотрѣть и на западныхъ экзегетовъ сверху внизъ, откуда тонкій юморъ съ невозмутимой холодностію англійскаго лорда. Словомъ сказать, студенты издавна перевели на него ту оцѣнку, ореоломъ которой украсили своего М. Маймонида евреи, и какъ послѣдніе, издавна говорили, что «отъ Моисея (пророка) до Моисея (Голубева) не было другого Моисея». Главнымъ недостаткомъ его, кромѣ ча-

хоточнаго сложенія, была иногда ненужная рѣзкость, которая впрочемъ сов. согласовалась съ полнымъ непониманіемъ условій и требованій жизни практической, а также и съ тѣмъ, что въ сущности онъ былъ неудачникъ, а цѣну себѣ зналъ.

[94]) Чистовичъ, Ист. Спб. Д. Акад. стр. 64—67.

[95]) ib. стр. 108 д.

[96]) См. у Чистовича, Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Спб. 1894 стр. 153 слл.; 189 слл. Исторіи перевода Библіи на русскій языкъ. Спб. 1899 стр. 55 слл. 95—112, 117 сл.; у Пыпина Р. Библейское Общество въ Вѣстникѣ Европы за 1867—8 года; К. 1825 года 2 Іюня, 8 Іюня; 1837 г. 4 Іюня, 16 Ноября, 1839 г. 8 Апр.; 1843 г. 12 Янв. и 4 Марта, 1847 г. 5 Апр. и 28 Іюня.

[97]) Мнѣнія и отзывы т III стр. 59 сл. ср. 72 ad fin. противъ мысли, будто хр. догматы въ Св. Пис. «намѣренно прикрыты нѣкоторою темнотою»; стр. 61 прим. (Митр. Серафимъ: «толкованія Св. Пис., основанное или на собственномъ сужденіи толкователя или на сравненіи отеческихъ толкованій одного съ другимъ равно какъ и текста еврейскаго съ греческимъ, могутъ ослабить' благоговѣніе, питаемое православными и предметы вѣры сдѣлать предметами одного холоднаго изслѣдованія»). А что Впр. Филаретъ стоялъ на сов. противоположной почвѣ, для этого достаточно читать ib. стр. 43. гдѣ, критикуя Герминевтику Аѳанасія Дроздова, онъ... «не опредѣлено, допускается ли служебное употребленіе разума въ познаніи и признаніи истины, открытой въ Св. Пис.; такъ какъ способность, данная Богомъ человѣку для познанія и признанія открываемой истины, есть разумъ, подобно какъ для принятія чувствованій добра-сердце, для впечатлѣній тѣлеснаго міра—тѣлесныя чувства».

[98]) Напр., К. 1843 г. 9 Окт. Архимандр. Аввакумъ Честной противъ курсоваго іером. Нила о Соборахъ: что «раздѣленіе Соборовъ на историческія событія и церковныя учрежденія ошибочно». И отказали. Или ibid. Райковскій требуетъ отъ (кончившаго 8-мъ) Антизитрова исправленія курсовика, ибо тотъ не готовъ доказывать древность состава таинства елеосвященія, утверждаетъ, что во время установленія послѣдняго грѣхи такъ не раздѣляли, какъ теперь. У Колоколова рѣзкій отзывъ о патристическомъ трудѣ Филарета Черниговскаго (К. 1843 г. 23 Окт.); Карповъ нашелъ въ психологіи Новицкаго чуть не матеріализмъ (см. 29 Марта); онъ же потребовалъ въ учебникѣ франц. яз. Рюо отрывки изъ Эмиля замѣнить отрывками изъ Боссюэта или Массильона (К. 1846 г. 17 Мая ср. 1847 г. 2 Мая). А Богословскій упрекаетъ Патристику Лобовикова въ критицизмѣ, малоправославности и свѣтскости языка (ib. 1851 г. 7 Сент. См. однако ст. Лобовикова,. Взглядъ на патристику, какъ науку, въ Хр. Чт. 1846 г.

394—446, чрезвычайно корректный отрывокъ, сказано, изъ приготовленнаго имъ курса патристики); и Сунодъ 7 февр. 1852 г. рѣшилъ, чтобы выпустили общій взглядъ Лобовикова и прибавили о Діонисіи Ареопагитѣ и т. д. По причинѣ, которая будетъ видна дальше, я несчитаю себя вправѣ касаться груды профессорскихъ конспектовъ по разнымъ наукамъ, относящихся къ 1-му періоду академіи, но безспорно, что даже конспектъ по философіи Фесслера, стоя сов. особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ, мало заслуживаетъ такой худой славы какою награждаетъ его Чистовичъ въ своей Истор. Академіи стр. 196, не говоря уже о дов. грандіозной программѣ библейской археологіи, которую составилъ (К. Д. У. № 24; см. ib. 23 Апр. 1810 г.) этотъ много знавшій профессоръ (ib. д. 178 л. 48).

[99]) Кромѣ того, что дано у Чистовича въ его Руководящіе Дѣятели (стр. 340—343) и исторіи перевода библіи (стр. 133—207, 227, 326—9) ср. рѣчь проф. И. Г. Троицкаго въ день столѣтняго юбилея Павскаго въ Хр. Чт. 1887 г. 5-6; въ нашемъ П. 1842 г, апр. 27, 7, 9, 12, 14, 17, авг.; 7, 10, 23, сент.; 2, 5, окт.; 1843 февр.; 11; 1844 нояб.; 4. Для догадки о томъ, что иниціатива тутъ принадлежала Ректору Аѳанасію — который чрезъ это печальное дѣло имѣлъ въ виду уронить авторитетъ нѣкоторыхъ сильныхъ (Чистов., Руковод. Дѣят. стр. 341) твердыхъ основаній рѣшительно не усматриваю. Если судить по Cui prodest; то выдвигается иная особа, дѣйствительно крупная.

[100]) См. дальше. [101]) К. Д. У. д. № 26.

[102]) П. 1831 г. 22 Янв. 16 Іюня. Также раньше Впр. Филаретъ, Мнѣнія и Отз. I, 73 сл.

[103]) Письма дух. и свѣтскихъ лицъ къ М. М. Филарету стр. 124 ср. Мнѣнія и Отзывы Филар. т. III, стр. 133.

[104]) П. 1843 г. 25 Ноября: Протасовъ докладываетъ, что Впр. Митрополитъ, ревизовавшій Спб. д. акад., нашелъ преподаваніе философіи у насъ слабымъ, и студенты въ отвѣтахъ стѣсняются латинскимъ языкомъ. Правда, мотивъ здѣсь тотъ, чтобы смѣстить Карпова, котораго Аѳанасій привязалъ къ латинск. учебнику Винклера (Чист. Руков. Дѣят., 337 сл.), и предложить оказавшагося очень хорошимъ Фишера; а Карпову дать исторію философіи вмѣсто вышедшаго о. Крупскаго.

[105]) Мнѣн. и Отз. Фил. т. II, стр. 209 сл.

[106]) Напр. К. Д. У. д. № 265, Это Фесслеръ, какъ аргументъ за необходимость сократить восемь учебныхъ часовъ на шесть; послѣ него 2-ой ректоръ Сергій въ докладѣ Митрополиту вмѣстѣ съ указанными Фесслеромъ и прекрасно развитыми основаніями представляетъ другія свои.

[107]) К. Д. У. д. № 2541 Іюля 23 1819 приводитъ этотъ отзывъ Филарета; и коммиссія 30 Авг. постановила: въ 50 § Семинарскаго Уст. богословіе должно быть преподаваемо по латыни,

а въ уст. академическомъ о семъ умолчено; то въ разрѣшеніе предписать Акад. Правленіямъ, что уроки богословія могутъ быть преподаваемы и по латыни и на россійскомъ языкѣ по усмотрѣнію ректора». Григорій началъ, онъ же настойчиво и продолжалъ войну противъ латинскаго; см. письма къ Филарету изд. Львова, въ ер. 28 Апр. 1825 онъ: по выходѣ изъ Коммиссіи съ жаромъ утверждали, что нынѣ латинскій языкъ вовсе брошенъ и надо-де «обратить на то все вниманіе». А Григорій рѣшился: нынѣ уже и іезуиты почувствовали свою прежнюю глупость, и они не стоятъ за латынь». А Впр. Филаретъ тоже стоялъ за это въ своей ревизіи Моск. акад. въ разгаръ возврата къ прежнему схоластицизму, т. е. въ 20-хъ годахъ. Отозвавшись хорошо о богословскомъ конспектѣ, изложенномъ порусски, про написанный по латыни: болѣе ознаменовано сухимъ и маловразумительнымъ языкомъ школы, нежели силою истины общевразумительной и полезной (К. Д. У. д. № 4262). Также во всеподданнѣйшемъ докладѣ о «средствахъ противъ недостатка въ достойныхъ священникахъ» (Мнѣнія и отз. т. II стр. 158); но въ письмахъ къ гр. Кочубею гдѣ говоритъ о языческомъ происхожденіи и католическимъ употребленіи латинскаго языка, въ скобкахъ (II, 210) признаетъ, что можно сохранить латинскій на приличномъ ему мѣстѣ—въ классахъ словесности и философіи. Что же касается до Филарета Амфитеатрова, то онъ настойчиво за латинскій и въ богословіи (Рук. дѣят. 275 сл.).

[108]) П. 1830 г. 4 Іюня; 1831 г. 26 Ноября (К. Д. У почему не напечатана еще; отвѣтили: Іоаннъ хочетъ сдѣлать измѣненія; 1832 г. 13 Февр.—К Д У требуетъ напечатанія 2-мъ изданіемъ.

[109]) П. 1820 г. 24 Апо. ср. К. Д. У. д. 2542.

[110]) Повидимому процессъ этого перерожденія нужно представлять такъ. Вначалѣ аналитическая или, какъ ее называлъ (уволенный 12 Янв. 1810 г.) Баккалавръ Евгеній «сократическая» (К. Д. У. д. № 31) метода обученія въ академическомъ институтѣ была почти безраздѣльно господствующею; и хотя въ классѣ сидѣли по 8 часовъ, но, покрайней мѣрѣ въ разсужденіи матеріальнаго образованія воспитанниковъ, расчитывали больше на занятія домашнія, послѣ классной работы, такъ что ректоръ Сергій говоритъ: не въ классѣ образованіе, а у себя дома. Съ Григорія (значитъ съ 1819 г.) начинается крутой поворотъ въ сторону лекцій и отечественнаго языка, и такъ было до 1825 г. Съ этихъ поръ оффиціально (см. П. 1825 г. 16 Іюня: все классич. книги на лат. яз.) начинаетъ развиваться «обратный ходъ къ схоластицизму». Во 1-хъ, не говоря о другихъ, которые требовали, чтобы и «главные предметы» т. е. богословіе, преподавалось по латинскому учебнику, самъ Филаретъ, какъ сказано раньше, находилъ правильнымъ облечь въ латинскія формы не только

Краснорѣчіе, а и философію, о чемъ у насъ судили такъ: это могло бы быть или для прикрытія ложныхъ мнѣній языческихъ философовъ, но ихъ надо разоблачать, а прикрываніе придавало бы имъ больше вѣса; или для наученія языку; но выдетъ: не классическому, а выродившемуся (П. 1842 г. 11 Дек.). Съ другой стороны, тоже самъ Филаретъ стоялъ больше за аналитическо-сократическую методу изъ боязни, что съ излишкомъ будутъ обращаться къ памяти (Мнѣн. и Отзывы 1,150. 226. 243. 380, см. также К. Д. У. д. 1183. 4016). Однако все это было лишь эпизодомъ и даже Впр. Кіевскій указалъ причину *нежелательности* послѣдняго (письма къ М. Московскому стр. 124 ср. К. Д. У. д. 4262). Такъ что въ меморандумѣ К. Д. У., заслушанномъ въ П. 1837 г. 26 Ноября по всему дано и *оффиціальное* основаніе перерожденію Института въ Академію; а послѣдующія явленія, въ родѣ вышеупомянутаго обученія философіи по Винклеру, должны быть разсматриваемы, какъ пережитокъ, не болѣе.

[111]) К. 1843 г. 19 марта; 1844 г. 21 Сент. 1857 г. 10 февр. 1863 г. 30 Янв.—Теперь, приблизительно ко времени указаннаго перерожденія академіи начинаютъ тяготиться Ценз. Комитетомъ. Такъ: К. 1833 г. 9 Февр. говорятъ, что изъ мѣсячныхъ отчетовъ нельзя вывести общаго за отсутствіемъ (недаваемыхъ) *дополнительныхъ* свѣдѣній; поэтому пусть даютъ годовой отчетъ съ таковыми свѣдѣніями; но такового не получили (К. 1834 г. 10 Февр.). И очень натурально, что (К. 1857 г. 25 Окт.) сознали невозможность заниматься этимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего Архимандр. Кириллъ (получивши санкцію отъ Впр. Григорія) предлагаетъ новый цензурный Комитетъ, съ 4 поименованными имъ членами, каковой утвержденъ въ Декабрѣ Государемъ. Впрочемъ отношеніе Конференціи къ Ц. Ком. были всегда; но по имѣющимся въ академич. архивѣ даннымъ состояли они или въ томъ, что давали по его просьбѣ изъ своей среды наиболѣе компетентнаго въ данномъ частномъ случаѣ профессора (К. 1841 г. 9 Окт.; 1852 г. 30 Окт.; 1861 г. 10 Іюня; 2 Дек.), иногда отказывая (1835 г. 29 Апр.; 1859 г. 11 Февр.); или давали рѣшающее мнѣніе въ случаяхъ затруднительныхъ (1859 г. 5 Дек.; 1860 г. 5 Окт.); или дѣлали внушеніе (1860 г. 6 Мая), или препровождали къ нему книги, ею разсмотрѣнныя, но подлежащія осужденію (напр. 1843 г. 29 Марта). А вообще только получали списокъ книгъ, въ теченіе года бывшихъ въ цензурѣ. И разъ ходатайствовали о пенсіи для члена Ц. К. (архимандр. Ѳеодора К. 1861 г. 2 Дек.).

[112]) Мнѣнія и Отзывы II, 456 сл. 459.

[113]) Пр. Іоаннъ Смоленскій, Богословскія академическія чтенія. СПБ. 1906, В. I, стр. I сл.

[114]) Викентія Лиринскаго въ прилож. къ д-рской диссертаціи Чельцова: Древнія формы Символа вѣры. СПБ.

115) Духъ Христіанина за 1861 г. 2 ч. стр. 450—76.

116) Смирновъ, Исторія Московской Дух. Акад. до ея преобразованія. М. 1879, стр. 177 (общество имѣло болѣе широкое названіе и функціонированіе).

117) Фесслеръ, Горнъ, Фишеръ.

118) См. П. 1830 г. 27 іюня; 1831 г. 14 мая; К. 1831 г. 12 Іюня; (но П. 1845 г. 12 сент.; 1846 г. 13 мая) и формулярный списокъ разумѣемаго лица.

119) П. 1833 г. 21 окт. труждающимся въ академіи приходилось перебирать цѣлыя сотни книгъ изъ 30 тысячной библіотеки, принадлежащей досточтимому о. прот. и проф. Ѳ. Ѳ. Сидонскому (подарена въ прб. акад.) и видѣть, что не много найдется такихъ, которыя не были бы полны многихъ замѣтокъ и отмѣтокъ первовладѣльца. Конечно, трудъ его «Введеніе въ философію» имѣлъ цѣнное значеніе.

120) П. 1830 г. 28 марта и 17 апр.; 1835 г. 10 мая и 12 авг.

121) П. 1853 г. 5 Іюня.

122) П. 1865 г. 16 сент.

123) Чистовичъ, Исторія перевода стр. 130,—2. Конечно, это было в. послѣдовательно.

124) Мнѣн. и Отз. III, 75—7; тутъ открывается другая сторона дѣла, о которой дальше.

125) Чистовичъ, Ист. перевода 313. Такъ думалъ Шишковъ.

126) Слова объ основанномъ на личномъ опытѣ глубокомъ убѣжденіи Его въ великой пользѣ, отъ слова Божія пріобрѣтаемой. См. напр. Чистов. Руковод. Дѣят. 162, 244.

127) Истор. перев. 129; письма къ Филар. 371, 76, 85 сл.

128) Истор. перев. 117,.

129) ib. 28 сл.

130) Такимъ образомъ пришло къ доброму концу великое это дѣло. Сказать нужно и о другой сторонѣ его. Противники русскаго кодекса Библіи за самое главное тутъ считали: ни на малѣйшую іоту не объособляться отъ греческаго православія даже и въ области *теоретической*—изслѣдованія, напротивъ по прежнему оставаться въ (сыновней конечно) *зависимости* отъ него. Поэтому-де и основу хр. вѣры нужно имѣть буквально греческую, пусть и переданную на другомъ, болѣе родномъ для насъ языкѣ, но греческую—такъ какъ славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго 70-ти. Отсюда вполнѣ послѣдовательно была отринута мысль даже о томъ, чтобы сдѣлать новый славянскій (не русскій) переводъ Библіи (см. III т. Филаретовскихъ мнѣній, а не исторію перевода с. 131 Чистовича), ибо, если его сдѣлать сообразуясь съ мазоретскимъ текстомъ, тогда навѣрное и въ славянской Библіи получится объособленіе отъ греческаго, Для нашихъ-же дѣятелей представлялось первоважнѣйшимъ то, чтобы Богодухновенная

основа русскаго богословствованія была и національною-русскою, и вмѣстѣ свободною отъ разныхъ неправильностей, при которыхъ она съ научной т. зр. не могла быть основой надлежащей, но которыя они справедливо находили въ textus receptus греческомъ. (см. напр. о „Θраэль“ у Филарета Мнѣнія III, 55 примѣч., или характеристику Иссахара Быт. 49,14 и мн. др., тогда какъ, хотя и разсказывали—Икономосъ напр., (см. К. 1840 Авг. 31), что мазоретскій подвергся злонамѣреннымъ порчамъ, но ошибокъ здѣсь отыскали в. и весьма немного). И полагать надо, что это не только не возмутительно (?!); не только правда была на сторонѣ нашихъ; но и сепаратизма-то здѣсь меньше, чѣмъ напр. хоть въ установленномъ *нашимъ* православіемъ чествованіи Покрова Пр. Богородицы, которое греки опротестовали. Тѣмъ болѣе, что уваженіе къ переводу 70 оставалось у нихъ во всей силѣ. Правда г. т. сов. Стурдза, избранный Казанью, раньше, чѣмъ нашъ «Григорій послѣ своего перевода въ Петербургъ „за неисчислимыя заслуги для академіи“ былъ объявленъ почетнымъ членомъ конференціи“, (профессоръ П. В. Знаменскій. Исторія I, 280. 277).—правда Стурдза въ 1849 г. пишетъ Впр. Филарету, что противъ перевода 70 «возставали столь многіе позднѣйшихъ временъ ученые единственно по безсознательной (развѣ что!) ненависти (?) ко всему восточному (?!) и греческому (Письма 241). Но если онъ разумѣлъ самаго Филарета, какъ родоначальника уваженія у насъ къ еврейскому тексту (хотя тоже есть и раньше: КДУ. 1808 № 27), то въ 1842 г. онъ не только осуждалъ презрительное отношеніе къ послѣднему въ пользу 70-ти (напр. Мнѣн. III, 76), и указывалъ пользованіе еврейскимъ у отвергавшихъ его (ib. 78); а и далъ переводу 70 почетное мѣсто (ib. 55, не говоря о ставшей законодательною извѣстной статьѣ въ Прибав. къ Твор. Св. Оо.). А если С. разумѣлъ нашу академію; то вѣрно, что не только Павскій не одобрилъ греческій лексиконъ, которымъ Икономосъ хотѣлъ служить нашимъ духовнымъ школамъ, а и самъ прот. Ивановъ, который не пропустилъ переводъ пр. Исаіи съ еврейскаго злополучнаго Архимандр. Макарія Глухарева, (К. 1843 янв. 12) отнесся къ знаменитой Отповѣди Икономоса съ оч. двусмысленною сдержанностію—отказавшись отъ оцѣнки и предоставляя каждому (и прежде всѣхъ Протасову) судить по его изложенію содержанія, сразу совсѣмъ не располагающему къ согласію съ авторомъ этой апотеозы 70-ти, отвергавшей всякіе переводы—и на русскій и на новогреческій. (К. 1840 г. 14 авг.). Но какого нибудь-неуваженія къ 70 тутъ нѣтъ и въ поминѣ. Наши (кромѣ литографированнаго перевода) только береглись быть втянутыми въ ненужную полемику, и когда напр. имъ предстояло обсудить рукопись: «Обличеніе на гаждателей библіи греч. 72 толковниковъ»

гдѣ защищается богодуховенность перевода, утверждается испорченность еврейскаго, обличается Вульгата и Іеронимъ съ Августикомъ; то рецензентъ указываетъ случаи невѣжественности, отстраняющіе мысль о принадлежности этого соч. братьямъ Лихудамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что оно проникнуто немиролюбивымъ духомъ, а при этомъ времена измѣнились въ разсужденіи католическихъ обуреваній россійской церкви, самая Вульгата исправлена и т. д. (К. 1845 г. 9 окт. ср. такое же отношеніе у Макарія К. 1845, ноября 6). Сторонились, говорю, ломать копья согласно греческимъ вождѣленіямъ; но знали, что за греческимъ переводомъ и православіемъ сила въ его прежнемъ—въ св. Отцахъ IV и дал. вв.; и потому нашъ Филаретъ: Св. Сунодъ, говоритъ, издалъ переводъ библіи, который не согласуется иногда съ переводомъ въ богослужебныхъ книгахъ, но вовсе не полагаетъ свою переправляющую длань на послѣдній.

[131]) П. 1843 г. 16 Марта.

[132]) П. 1843 г. 22 Ноября.

[133]) 1847 г. 10 Авг. 1862 г. 3 Февр.

[134]) К. Д. У д. 1183.

[135]) ib. д. 2417. Говорю такъ потому, что (ib. Ж. 1810 года 12 Янв. ст. 12) раньше Орлову, который (ib. д. № 26) представилъ программу преподавательства, было объяснено, что онъ даетъ «диссертаціи», не прочь отъ риторическаго фразерства; и отказался бы отъ этого—не давалъ философіи исторіи; а разсказывалъ бы пользуясь картами, которыя раздавать по одной на 5 человѣкъ.

[136]) А. С. № 327, 1837—42 гг.

[137]) Письма къ Филар. 82.

[138]) Чист. Руковод. Дѣятели стр. 254. Надо впрочемъ сказать, что Евгеній и самъ вообще былъ одного мнѣнія съ о. св. прот. Державинымъ—хоть Мейнерса, хоть другого, «только бы избавить студентовъ отъ переписки профессорскихъ лекцій, никѣмъ не свидѣтельствуемыхъ". Письма. 678 отъ 28 дек. 1826 г.

[139]) Кромѣ экзаменскихъ впечатлѣній ректора Филарета, похвалившаго Моисея за исправленіе прежняго Θеофилактовскаго преподованія эстетики (дѣло объ АнсильонѣКДУ. 374), профессоровъ греческаго и исторіи и осудившаго преподавателя философіи, знаю о ревизіяхъ за года: 1827 (КДУ. № 4507), 1829 (ib. 5192). 1837 (ib. 9899); 1841 (П. 17 ноября); 1843 (АС. № 764); 1845 (ДУУ. № 713); 1847 (ib. 827—Антонія съ Иліодоромъ и П. 1847 г. 24 іюня (по предписанію гр. Протас.) вступавшаго въ ректоры Евсевія); 1851 (вступавшаго Макарія П. 26 февр.); 1823 (ib. 28 ноября) 1857 (Григорій Митрополитъ ib 3 іюня); 1863 (АС. № 1585); 1865 (П. 21 іюня); 1867 (ib. 16 іюня) и 1869 (ib. 19 апр.). Изъ всѣхъ указанныхъ ревизій самая полная

и строгая сдѣлана еп. Павломъ наканунѣ Уст. 1869; но правовѣрованія она совсѣмъ и не касается. Ревизія Пр. Леонтія, производившаяся въ критическое время, у насъ обостренная передрягою 1861 г., отзывалась въ общемъ в. хорошо, замѣчаетъ объ „увлеченіи (*студентовъ*) духомъ времени", но какъ уже о прошедшемъ и сводитъ свою рѣчь къ необходимости каѳедры Педагогики. Такъ что только «Обозрѣніе» Впр. Гавріила въ 1841 г. у насъ въ Правленіи заслушано съ указаніемъ на недостатокъ въ нѣкоторыхъ студенческихъ сочиненіяхъ благочестивыхъ чувствъ, происходящій отъ малаго чтенія Св. Пис., Св. Оо. и лучшихъ проповѣдниковъ,—съ указаніемъ, котораго, добавлю, въ докладѣ гр. Протасову не значится (ДУУ. № 662, л. 5—7). Напротивъ въ самой большей части ревизій совершенное согласіе Академіи съ правой вѣрой прямо отмѣчается. А въ ревизіи пр. Антонія съ Гедеономъ за 43-й годъ сказывается, что въ сочиненіяхъ много приводятъ изъ св. отеческой литературы и не столько, сколько слѣдуетъ, собственнаго разсужденія (л. 4) Теперь, для будущаго историка Академіи этого мало; ему нужно будетъ изучить всѣ архіерейскіе отзывы о студенческихъ курсовыхъ, въ общемъ представляющіе дов. значительное количество новаго матеріала. Онъ, сколько я успѣлъ узнать, значительно строже, и въ немъ очевидно данъ образецъ той великой осторожности нашихъ предшественниковъ, которая спасла существованіе академіи; которая нарочито призывала (К. 1836 Іюня 1) послѣднихъ къ внимательному чтенію студенческихъ сочиненій и сужденію о нихъ, и отъ которой не пострадалъ, надо сказать, ни тотъ, кому было замѣчено, что онъ не дѣлаетъ различія между Оригеномъ и св. отцами, ни тотъ, кому вздумалось написать, что таинства суть проводники благодати, ни тотъ, кому казалось не блазнящимъ указывать въ разсужденіи о важности креста, какъ на аналогію, на «перо Наполеона»; и тяжело было лишь тому, курсовое котораго раскритиковалъ Пр. Іона—инспекторъ и экономъ во время печальнѣйшей передряги 1-го акадѣм. курса, (см. въ АС. петицію Лобовикова).

[140]) Въ послѣднее время Св. Сунодъ положилъ на содержаніе студента 250 р. Ж. 1908 г. 11 марта, № 2.

[141]) Конечно разница между 429 р. ассигн., которые получалъ баккалавръ 1-го періода и 1200 р. сер., которые теперь получаетъ доцентъ большая; но при теперешнихъ условіяхъ, это въ сущности бѣдность.

[142]) Отчетъ о состояніи и дѣятельности СПБ. Д. Акад. съ 15 авг. 1869 по 1 янв. 1871 г. стр. 3.

[143]) Оно было готово къ осени 1882 г. А что причиной, вызвавшей постройку новаго зданія явилась и «небывалое» увеличеніе студентовъ, о томъ Ж. $18^{79/80}$ стр. 13, отч. за 1879 г. стр. 26.

Ср. отч. за 1882 г. стр. 25, сл.:—оговаривается, что это не по причинѣ закрытія семинаристамъ доступа въ высшіе свѣтскія заведенія; дѣло стояло такъ, что съ тѣхъ поръ—съ 1873 г., когда въ академіи были на лицо I—IV курсы; приливъ желающихъ постоянно оказывался большимъ, исключеніе представляетъ только одинъ 1876-й годъ. А въ отч. за 1891 г. стр. 112 жалоба, что семинаристамъ приходится возвращаться домой за недостаткомъ помѣщенія въ академіи. Конечно, П-бургъ разнообразенъ, и студентъ бѣдный могъ найти себѣ въ немъ доступное ему помѣщеніе. Но Уставъ 1884 г. не нашелъ возможнымъ согласиться на это, и отч. за 87-й г. стр. 27 разсказываетъ, что съ этого времени воспрещеніе жить на вольныхъ квартирахъ пришло къ осуществленію. Не въ академіи могли жить только при родителяхъ, т. е. значитъ, столичнаго происхожденія, да Петерб. псаломщики, діаконы. Дѣлались разумѣется по уважительнымъ причинамъ изъятія. Но о. прокуроръ (Ж. $189^{6}/_{7}$ стр. 184) поставилъ на видъ о случаяхъ жизни своекоштныхъ студентовъ не при родителяхъ. А въ слѣд. году и Св. Сунодъ въ виду неполноты даваемыхъ нами свѣденій, требуетъ такихъ объясненій о причинахъ изъятія изъ § 113 Устава (Ж. $189^{7}/_{8}$ с. 37). И затѣмъ ему стало извѣстно, какъ студенты провинціальнаго происхожденія улаживаются съ закономъ: выписывая въ столицу мать напр. и въ этомъ находя право говорить, что они живутъ при родителяхъ (Ж. $190^{1}/_{2}$ г. стр. 293 сл.), какъ умный Балакиревъ могъ говорить Петру, что ѣдетъ не на его, а на своей землѣ, клочокъ которой лежалъ подъ нимъ въ его экипажѣ.

[144]) Напр. П. 1864 г. 28 авг.; (одинъ въ университетъ, другой въ Медиц. Акад.); 17 сент., 9 окт. (двое); 3, 5; 6 ноября (уволенъ 26 окт.; но поступилъ и кончилъ въ Медиц. Акад.)..

[145]) Я знаю 17 такихъ случаевъ.

[146]) Она давала помѣщенье и столъ въ 1875 и 6 мъ годахъ 11-ти студд.; въ 1877—83 тоже 12-ти; а за 84 г. въ нашемъ отчетѣ сказано, что въ этомъ году по прежнему студенты получали пособіе отъ Лавры, за 85 г. помѣщеніе, столъ и денежное пособіе, наконецъ послѣ этого и до настоящаго времени дѣлаетъ взносъ за двухъ пансіонеровъ, причемъ послѣдніе два года платитъ по 600 р. вмѣсто прежнихъ 450 р. Два раза предоставляла академ. корпораціи воспользоваться землею для постройки дома, на которую средствъ своихъ намъ не хватало. Кстати: академія получила въ Полтавской губ. помѣстье отъ бывшаго студента † іеромонаха о. Михаила Угрпичь — Требинскаго (Ж $188^{8}/_{9}$ с. 106). За то въ стипендіяхъ (а также и преміяхъ) у насъ большая бѣдность.

[147]) Ж. $187^{6}/_{7}$ стр. 66 сл.

[148]) ib. 130 сл.

149) Свѣденія даны теперешнимъ о. дѣлопроизводителемъ въ Обществѣ, который къ сожалѣнію не имѣлъ возможности указать, какое количество студентовъ было вспомоществуемо этой суммой.

150) По Уст. 1869 и инспектура давалась по выбору. Согласно съ этимъ Кояловичъ, Лучицкій и Нильскій были инспекторами по совѣтской баллотировкѣ.

151) Такихъ случаевъ я знаю только три, и первый изъ нихъ былъ въ самомъ началѣ, притомъ оказался безрезультатнымъ, потому что † проф. П. И. Люперсольскій, конкурировавшій съ двумя другими, почти вслѣдъ за нашимъ избраніемъ былъ избранъ въ Варшавскій университетъ и ушелъ туда. (Ж 71 г. 195. 219 сл. 287—94; 72 г. 12). Остальные два случая оказались безрезультатными потому, что всѣ 4 конкурента стали академическими наставниками. Но обыкновенно порядокъ такой, что на освободившуюся каѳедру компетентные члены Совѣта рекомендуютъ лицъ, которыхъ баллотируютъ, и намѣченный выполняетъ условія для поступленія и затѣмъ избирается.

152) Исключеній было только два: Ректоръ Якутской семинаріи, представившій по отзыву пр. Барсова обширное и достойное изслѣдованіе о русскомъ проповѣдничествѣ, возведенъ въ магистры безъ публичной защиты за великой дальностію разстоянія (Ж. 71 г. 274—6; 72 с. 99) и другой, который къ этому времени былъ уже въ епископскомъ санѣ и добрая диссертація котораго (Пророчество Валаама) была переведена на англійскій языкъ.

152а) Первымъ приватъ-доцентомъ былъ извѣстный и безвременно скончавшійся (Членомъ Совѣта М. Нар. Просв.) А. С Будиловичъ. (Ж. 69 г. 88; 70 г. 46. 71 г. 177 сл.).

153) Указъ Св. Сунода на основаніи заключеній Учебнаго Комитета постановилъ, что въ экзаменахъ на магистра (т. е. студ. IV курса) они могутъ участвовать лишь съ совѣщательнымъ голосомъ (Ж. 74 г. стр. 310), а Совѣтъ Академіи и прежде его отдѣленія въ сущности предрѣшали также еще въ 1873 году. Что-же касается до экзаменовъ на первыхъ трехъ курсахъ; то приватъ-доцентъ при наличности штатнаго преподавателя данной науки имѣлъ право, только не отдѣльнаго самостоятельнаго экзамена, а вмѣстѣ съ штатнымъ наставникомъ сроднаго съ нимъ вѣденія и изъ балловъ того и другого выводился одинъ средній баллъ. Наконецъ, если прив.-доцентъ читалъ науку «не поименованную въ § III—114 устава»; то экзамена ему производить не полагалось (Ж. 73 г. стр. 35 сл.).

154) Въ аргументаціи большинства ДУУ. Комит., которая будетъ приведена въ слѣд-мъ примѣчаніи сказано, что приватъ-доцентъ «не имѣетъ ни права, ни обязанности присутствовать въ собраніяхъ своего отдѣленія и принимать участіе въ большей

части дѣлъ отдѣленія». Объ этомъ не только говорится, какъ о «положеніи акад. устава», но и указываются §§ послѣдняго 121 и 122-й. Въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго. Однако по крайней мѣрѣ въ богословскомъ отдѣленіи по особенно важному вопросу (Ж. 1872 г. 240 сл. 250) приватъ-доцентъ не получилъ отъ предсѣдателя права подать свой голосъ.

[155]) Тутъ новая сторона, по которой на практикѣ приватъ-доценты были раздѣлены на два разряда не такъ, что одни читаютъ науку «не поименованную» а другіе «поименованную» въ Уставѣ, но такъ, что одни читаютъ такую науку для которой одной положена особая каѳедра, а другіе—такую, которая по Уставу составляетъ только часть каѳедры, напр. Логика и Психологія. О заявившемъ желаніе читать по Св. Писанію В. Завѣта, прекрасно подготовленномъ и блестяще исполнившемъ всѣ требованія отъ приватъ-доцента, поэтому допущенномъ (Ж. 71 г. 194) Совѣтъ затѣмъ ходатайствовалъ признать его исправл. должность доцента по этой каѳедрѣ, которая 2 года не имѣла наставника. В. Пр. митрополитъ на это согласился. Но въ Д. Уч. Комит. здѣсь произошло раздвоеніе; большинство выдвинуло цѣлую артиллерію данныхъ въ пользу признанія, а меньшинство съ предсѣдателемъ во главѣ указало уважительныя основанія для противоположнаго рѣшенія; и такъ какъ юридически оно стояло тверже; поэтому его мнѣніе получило силу законодательную. (Ж. 71 г. 255—62). Но имъ не преграждалась возможность черпать обезпеченіе для почтеннѣйшаго И. С. Якимова не изъ скромной суммы, полагавшейся вообще на приватъ-доцентуру, а изъ того оклада, который полагался на каѳедру Св. Писанія. Отсюда возникло ходатайство уже объ этомъ и оно было удовлетворено. А затѣмъ и всѣ дальнѣйшіе приватъ-доценты, разъ они замѣщаютъ не имѣющагося на лицо штатнаго наставника, удовлетворялись изъ оклада *каѳедры*; и конечно не было ни того случая, чтобы, сдѣлавшись магистромъ, кто нибудь изъ нихъ уклонился отъ штатнаго профессорства по своей каѳедрѣ; ни того, чтобы преподаваніе данной науки было отдано не тому магистру, который преподавалъ ее до своего магистерства. Былъ, правда одинъ случай, что приватъ-доцентъ не только преподававшій свой предметъ, но и командировавшійся за границу на годъ, по личнымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ, не дожидаясь открытія свободной каѳедры, избрать себѣ другую (почетную) дорогу.

[156]) Напр. за 1877 г. с. 34; 1878 с. 23 и пр.

[156а]) Впослѣдствіи время степендіатскихъ занятій положено засчитывать въ срокъ дѣйствительной службы (Ж. 1892 г. 4 сент. № 4 ср. ib. за 1899 г. 2 Дек. печат. стр. 97).

[157]) Объ этомъ справедливо сказано въ статьѣ Странника за 1897 г. И у насъ былъ степендіатъ З., котораго оставили на 2-й

годъ для наилучшаго приготовленія къ церковному праву, (Ж. 1897/8 г. с. 250 с.). Но къ сожалѣнію онъ подвергся тяжелому недугу.

158) См. Ж. 1887/8 с. 341 сл.; ib. 342—6; 888/9 с. 25; 889/90 с; 279 сл.; ib. 28—2; 8890/91 с. 248 см. ib. 251 сл.; 893/4 стр. 294 слл.. ib. 296—8: 894/5 с. 130; 895/6 с. 352 слл.; ib. 356—9; 8/9 с. 206 слл.; ib. 209. За 1900 с. 88 сл.;—18 99/900 с. 324; ib. 324-6 ib. 87 сл.; 900/1 с. 359 сл.; ib 360—2; 901/2 с. 345; 902/3 с. 26 сл.; 903/4 с. 167 с.; 904/5 с. 25 сл.; ib. 217; ib. 218 сл.; 906/7 с. 117 слл.; 119 слл. 122 сл. Только о (скончавшемся) К., который про себя занимался собственно церковнымъ *правомъ*, отзывъ не благопріятный и сдѣланъ былъ профессоромъ русской церковной *исторіи*. Изъ 60 степендіатовъ 5 вышли изъ счета (не могу не помянуть безвременно скончавшагося И. Никифоровскаго, изъ котораго образовался бы выдающійся спеціалистъ по расколу), 20 относится къ числу нашихъ преподавателей, 5 еще учатся, изъ остальныхъ не менѣе 7 не оставили своихъ учебныхъ занятій, находясь на службѣ.

159) Отчетъ Пальмова Ж. 1882/3 с. 50—113; 883/4 с. 50—94.

160) Какъ видно изъ примѣчанія 139, впервые о ней заговорилъ Впр. Леонтій; засимъ Впр. Никаноръ вызвалъ опредѣленное рѣшеніе Сунода въ пользу ея введенія. Но чтеніе ея началось собственно Ректоромъ, теперь О. Протопресвитеромъ І. Л. Янышевымъ, послѣ того, какъ И Т. Осининъ отказался отъ ея преподаванія (П. 1867 г. 21 іюня).

161) Въ апрѣлѣ 73 г. Совѣту предложено было обсудить мысль ДУ. Комитета объ устройствѣ практическихъ занятій студентовъ въ семинаріяхъ. Избрали комиссію изъ трехъ лицъ, которая полагала бы: а) обязать студ. IV к. въ началѣ перваго полугодія два раза въ недѣлю посѣщать уроки въ семинаріи по избранной ими спеціальности; б) присматриваться къ дѣловедению и давать отчеты своему профессору—руководителю; в) послѣ (не менѣе, какъ) двухмѣсячнаго хожденія самимъ составлять пробные уроки подъ руководствомъ семинарскаго наставника и приступить къ преподаванію подъ его наблюденіемъ, и съ правомъ присутствія на этихъ пробныхъ урокахъ своего профессора; г) семинарскій же наставникъ имѣетъ докладывать академическому Совѣту о достоинствѣ оныхъ и о мѣрѣ ревности къ дѣлу даннаго студента (Ж. 1873 с. 180 сл.). Кажется впрочемъ, что эта мѣра не оказалась удобопримѣнимою.

162) Это произошло въ 1878 г. (с. Ж 78/9 с. 178) и кончившіе академію стали получать за училищную службу окладъ одинаковый съ семинарскими наставниками.

163) О. Ректоръ докладываетъ Совѣту, что согласно вызванному его предложеніемъ (Ж. 1874 г. с. 203 сл.) постановленію Совѣта,

признавшаго надобность и обязательность упражненія студентовъ въ проповѣдываніи, засимъ оцѣнки проповѣдей съ наставникомъ гомилетики, ему въ теченіи года были представлены проповѣди всѣми студентами (кромѣ о. Т), которые и произносили ихъ частію въ академіи, частію въ Лаврѣ (Ж. 1875 г. с. 64). А 25 Сент. было положено за правило, чтобы студенты писали проповѣди и представляли ихъ наставнику гомилетики. (ib 125 сл.), который дальше и представлялъ отчетъ Совѣту (ib $187^{6}/_{7}$ с. 134 и т. д.), а затѣмъ запросилъ право оцѣнять ихъ баллами, какъ отвѣты на экзаменахъ (ib $8^{3}/_{4}$ ст. 157); и такъ пошло дальше систематически, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями: въ 85 г. во исполненіе нарочитой ст. (123) Уст. 1884 первые 2 курса писали катихизическія поученія, а послѣдніе—проповѣди на воскресные и праздничные дни; но съ 1888, согласно пост. Совѣта 25 Авг. № 5, проповѣди начали писаться только студ. IV к., а остальные три курса обязаны писать проповѣдь-экспромптъ. (См. Ж. $189^{8}/_{9}$ с. 31 сл.).

[164]) Такъ это и случилось съ первымъ выпускомъ по Уст. 69 г.: съ богословскаго и историческаго отдѣленія приняло священство лишь четверо, изъ коихъ два далеко не сразу; между тѣмъ съ практическаго оказалось 12 человѣкъ. Но дальше по какимъ-то причинамъ столь выпуклаго явленія не усматривается.

[165]) По примѣч. къ § 11 составленныхъ нами правилъ о пріемѣ въ студенты: изъ окончившихъ только тѣ, которые не по своей волѣ не получили должности въ Духовно-учеб. заведеніяхъ, поступивши на священнослужительское мѣсто, могутъ быть освобождаемы отъ таковой уплаты Ж. 1869 г. с. 36. И вотъ напр. кандидатъ 1-го выпуска Уст. 69 г. † о. Ковалевъ проситъ объ освобожденіи его, разъясняя, что сначала онъ не находилъ мѣста по своей спеціальности, потомъ уже получилъ билетъ 12 Іюня 1872 для отправленія въ Калугу на новооткрывшееся мѣсто по его предмету, но вынужденъ былъ остаться по случаю опасной и затяжной болѣзни своей жены, и привязанный чрезъ это къ столицѣ съ богатымъ лекарскимъ персоналомъ поступилъ въ іереи и вмѣстѣ законоучители (Ж. 1873 с. 100—2). Или Совѣтъ по запросу Консисторіи постановляетъ, что препятствій къ поступленію † о. Глѣбова въ законоучители пріюта еврейскихъ дѣтей не имѣется въ виду *сдѣланной* имъ уплаты за свое содержаніе (ib 262 сл.). Поле для мотивированныхъ прошеній о снятіи уплаты въ такихъ случаяхъ было конечно большое и они часто удовлетворялись; но законъ былъ тотъ, что нужно возмѣстить истраченное на содержаніе отказывающагося отъ наставничества.

[166]) И споначалу именно въ семинаріи, разъ это не дѣйствительный студ., а кандидатъ (Ж 1872 с. 91 слл.). Отсюда цѣлое дѣло о П.; «можетъ ли онъ», предназначаемый въ Вологодскую Семи-

наріи «остаться помощникомъ смотрителя Рижскаго дух. Училища согласно ходатайству о семъ преосвященнаго Рижскаго» Сунодъ принялъ утвердительное заключеніе Учебн. Комитета. Но послѣдній предполагалъ вообще освободить отъ перемѣщенія въ семинаріи въ случаѣ нужды по крайней мѣрѣ смотрителей и ихъ помощниковъ. Согласіе съ этимъ однако ограничено одними смотрителями. (Ж. 73 с. 77 ср. 17—19).

[167]) Хр. Чт. 1867 г. II, 274 сл.: «конференція находитъ сов. возможнымъ безъ ущерба для полноты богословскаго образованія совсѣмъ исключить патрологію, пастырское богословіе и гомилетику. Патрологія при надлежащемъ развитіи чтеній по церковной исторіи и при обязанности догматическаго богосл. излагать подробную исторію догматовъ въ борьбѣ съ ересями и раціонализмомъ оказывается (?) сов. излишнею». Это отношеніе къ о. прокурору на его запросъ по поводу намѣченнаго преобразованія Устава.

[168]) Только въ Казан. Акад. она есть (въ церк. словесности).

[169]) По § 20 *нами* составленныхъ правилъ: «окончившій курсъ академіи со степенью кандидата не ранѣе, какъ чрезъ годъ по удостоеніи сей послѣдней допускается на степень магистра». (Ж. 1870 с. 36).

[170]) Въ виду обязанности академіи, полагаетъ Учебн. Ком., приготовлять семинарскихъ наставниковъ «при распредѣленіи предметовъ магистерскаго экзамена необходимо взять во вниманіе и распредѣленіе предметовъ по каѳедрамъ въ семинаріяхъ... Въ представленной отъ Совѣта Спб. д. акад. таблицѣ предметовъ магистерскаго испытанія Учебн. Ком. не находитъ полнаго и строгаго соотвѣтствія всѣмъ изложеннымъ требованіямъ: такъ въ 1-мъ раздѣлѣ предметовъ излишне внесена библейская археологія, во 2-мъ сравнительное богословіе, въ 4-мъ ученіе о русскомъ расколѣ и библейская исторія, въ 6-мъ славянскія нарѣчія. Всѣ эти предметы могутъ быть исключены изъ числа предметовъ магистерскаго испытанія уже потому, что въ семинаріяхъ они не преподаются. (Ж. 1870 с. 115 сл.;) и поэтому вмѣсто 9 проектированныхъ нами группъ (Ж. 1870 с. 38 сл.) опредѣлено было 7 (ib с. 116). Комитетъ и послѣ оставался вѣрнымъ своему заключенію: сначала онъ указалъ въ каждомъ частномъ случаѣ одинъ опредѣленный богословскій предметъ, который должны сдавать на выпускномъ экзаменѣ спеціализовавшіеся въ такихъ или другихъ свѣтскихъ предметахъ. Потомъ онъ согласился на разные по желанію богословскіе предметы, но съ тѣмъ, чтобы не избирался предметъ, котораго въ семинаріяхъ не преподаютъ (Ж. 1874 с. 217).

[171]) Мотивированіе было дано такое: исторія въ академіи занимаетъ цѣлыхъ 6 каѳедръ; спеціализоваться въ такой массѣ въ теченіи года невозможно и потому будутъ обѣгать эту важнѣйшую

отрасль знанія—которая и въ семинаріяхъ-то преподается не однимъ, а двумя наставниками (Ж. 1870 с. 139).

[172]) А ДУ. Комитетъ: и церковная и гражданская исторіи неразрывно связаны и одна другую дополняютъ; есть такія точно трудности и въ двухъ другихъ спеціальныхъ группахъ; наконецъ опытъ еще ничего не показалъ Поэтому до времени отклонить (ib. с. 155 сл).

[173]) Дѣло сначала оставалось по старому (Ж. 72 г. 217 с.). Но потомъ Комитетъ согласился на раздѣленіе исторій (1874 г. с. 271).

[174]) Была избрана нарочитая комиссія изъ трехъ лицъ. И сколько я могу понимать и представлять себѣ дѣло по докладу комиссіи, двумъ ея членамъ, наиболѣе старѣйшимъ, живо предносилась мысль, что корень затрудненія лежитъ въ двойственности задачъ академіи по Уст. 69 г., изъ коихъ по одной она есть ученое, а по другой учебно-педагогическое заведеніе. И поэтому на вопросъ выходятъ два одинаково правильныхъ рѣшенія: по одной обязать всѣхъ студ. 4 курса заниматься составленіемъ диссертаціи и даже представленіемъ ея къ концу года; по другой воспретить это занятіе (для наибольшей сосредоточенности на приготовленіи къ семинарскому учительству). Но выбрать послѣднее значитъ, оказать несправедливость лучшимъ—отнимая у нихъ дѣло и желательное и посильное. А избрать первое значитъ болѣе, чѣмъ обездолить несклонныхъ къ исканію магистерства (для котораго, кромѣ экзамена, требуется составить и защитить диссертацію); или совсѣмъ понизить запросъ отъ диссертаціи (чтобы не единицы, а громадное большинство оканчивающихъ считались удовлетворившими условію, безъ выполненія котораго (хорошей диссертаціи) и они не лишались бы права преподавательства). Отсюда правильный выходъ былъ тотъ, который указанъ у меня въ текстѣ. И его какъ выразили Чельцовъ съ Глоріантовымъ, такъ признала высшая инстанція, заснмъ нашъ Совѣтъ, двѣ другихъ академіи и меньшинство третьей, большинство которой не было вполнѣ согласно съ рьянымъ запросомъ отдѣлившагося члена нашей комиссіи требовать отъ всѣхъ магистерства, но въ уваженіи къ ученой цѣли академій предполагало требовать отъ всѣхъ фактическаго несомнѣннаго доказательства. что они усердно занимались и диссертаціей на магистра, (См. Ж. 1874 года стр. 229—257).

[175]) А насколько назойлива была нужда въ началѣ этого эпизодическаго процесса, можно видѣть изъ указанія 3-хъ московскихъ профессоровъ (въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи о магистерствѣ) на то, что приходится удерживать на *семинарскихъ* каѳедрахъ даже и дѣйствительныхъ студентовъ, выпускавшихся изъ академіи для *училищъ* съ 3-го курса (Ж. 74 с. 238).

[176]) Такъ рѣшила сначала Комиссія (изъ двухъ), приняло затѣмъ

большинство основываясь на томъ, что Академіи нельзя быть по двумъ уставамъ. Меньшинство же кромѣ обратнаго дѣйствія закона (примѣнявшагося—по мнѣнію большинства повторному — къ подавшимъ сочиненія не до, а по введеніи новаго устава) указывало не только на то, что по Уставу 69 г. магистра ищетъ уже получившій кандидата, а тутъ не получили еще никакой степени; но и на то, что а) окончившимъ ранѣе 69 г. выпали бы большія трудности: у нихъ сравнительно меньше времени въ виду прямыхъ учительскихъ обязанностей, (но, отвѣтили, гораздо больше времени, 4—5 лѣтъ) гораздо меньше удобствъ библіотечнаго свойства; наконецъ диссертаціи они должны будутъ печатать на свой счетъ (это, отвѣтили, ошибка—на счетъ спеціальныхъ академическихъ суммъ) Ж. 1869 с. 157—61. Было предложено или снова пересмотрѣть дѣло, или передать его въ Сунодъ; но при пересмотрѣ большинство снова осталось при прежнемъ мнѣніи и только къ меньшинству присоединилось еще отдѣльное мнѣніе Л., которое ничего, кромѣ политическаго искусства, изъ себя не представляетъ. (ib. 166—70)

[177]) Ж. 1886—7 с. 113. [178]) ib. с. 127. [179]) Ж. 1888—9 с. 126. *сравни* с. 129.

[180]) Для того, чтобы представлять его полно, припомнимъ главныя требованія, которыя предъявлялись къ новопоступающимъ въ 1-мъ періодѣ, но, конечно, остались обязательными и въ періодѣ второмъ. Здоровье, 1-й разрядъ и подготовленность. Насчетъ послѣдней, которая, какъ можно судить по разсказываемому дальше, провѣрялась съ гораздо большей тщательностью, тутъ надлежитъ сказать лишь то, что она не только запрашивалась настойчиво отъ посылающихъ въ академію Семинарій; не только въ началѣ рекомендовали вызывать по преимуществу изъ тѣхъ семинарій, которыя преобразованы по Сем. Уст. 67 г.; но и изъ преобразованныхъ семинарій предписывали опасаться вызывать такихъ окончившихъ, которые явились передовыми въ спискѣ только потому, что лучшіе ихъ товарищи были отдѣлены отъ нихъ для образованія послѣдняго класса и покончили годомъ раньше (Ж. 1874 с. 59). Что касается двухъ остальныхъ требованій; то окончившаго не въ 1-мъ разрядѣ мы незнаемъ совсѣмъ; а что по прежнему в. дорожили талантливыми, это выразилось въ нѣкоторыхъ послабленіяхъ для гимназистовъ, которые хотѣли учиться, ограниченіемъ экзамена по богословію въ объемѣ гимназическаго знанія Закона Божія и положеніемъ на письменномъ экзаменѣ давать имъ отдѣльныя темы (Ж. 1893—4 с. 71). Но такъ какъ новшество это дѣлало понятный ущербъ; поэтому Указъ, отмѣняющій его (Ж. 1901—2 с. 101). А дальше Св. Сунодъ: «воспитанники гимназій и другихъ свѣтскихъ заведеній для допущенія ихъ къ пріемному въ духовной академіи экзамену получаютъ свидѣтельства

объ успѣшномъ выдержаніи или испытаніи при духовныхъ семинаріяхъ лишь въ томъ случаѣ, если познанія ихъ... по всѣмъ предметамъ богословскаго курса будутъ отмѣчены балломъ не ниже 4, баллъ 3 допускается только по одному предмету» (Ж. 1902—3 с. 246). Въ разсужденіи здоровья мы и во 2-мъ періодѣ имѣемъ повтореніе случая съ пр. Долоцкимъ: докторъ знаетъ А. А. Измаилова не только съ семинаріи, а и съ училища; онъ опредѣленно настаиваетъ на отказѣ ему въ пріемѣ по причинѣ завѣдомо чахоточнаго расположенія. Совѣтское же обсужденіе объ этомъ, отлично экзаменовавшемся юношѣ, порѣшило принять его, а онъ прекрасно окончилъ курсъ, здравствуетъ доселѣ и завоевалъ себѣ почетное литературное имя. Ж. 1893—4 с. 41.

[181]) Еще Указомъ Св. Сунода 28 іюля 1863 г. было предписано послѣ пріемнаго экзамена доставлять свѣдѣнія о послѣдствіяхъ (см. Ж. 73 с. 158. Далѣе «подробныя свѣдѣнія» 70 г. 8 с. см. и ср. Ж. 1896—7 с. 30 сл.).

[182]) Ж. 1906—7 с. 108.

[183]) «На 30 карточкахъ выписаны были характеристическія выраженія изъ неправославныхъ догматическихъ и православныхъ полемическихъ сочиненій на греческомъ или латинскомъ языкѣ... Экзаменующемуся предлагали опредѣлить, православное или нѣтъ ученіе, изложенное въ листкѣ и кому оно можетъ принадлежать—противъ кого направлено» (Ж. 1890—91 с. 33 ср. за 1894—5 с. 27 сл. [184]) Ж. 1905—6 с. 219).

[185]) Въ сущности я знаю только одинъ случай, гдѣ три профессорскихъ коммиссіи единогласно отмѣчаютъ такой крахъ казенныхъ.

[186]) Поступающіе спустя годъ и болѣе послѣ окончанія семинаріи, занимавшіеся въ послѣдней больше всего общимъ своимъ образованіемъ, такъ или иначе не поладившіе съ семинарскимъ своимъ начальствомъ, наконецъ только предъ поступленіемъ въ академію рѣшившіе покончить съ прежней своей путаной жизнью и взяться за умъ,—такіе, поступая въ академію отдѣльными экземплярами, естественно бываютъ серьезными конкуррентами для пріѣзжающихъ по выбору и назначенію семинарскаго начальства. Но эти исключенія очевидно не измѣняютъ дѣла, и въ общей массѣ своей волонтеры къ прискорбію вызвали рѣзкое слово Болотова: «волонтеры... очень снисходительно относятся къ недочетамъ въ своихъ свѣдѣніяхъ, или же слишкомъ невысокимъ считаютъ уровень научнаго состоянія духовныхъ академій» (Ж. 1894—5 с. 26.

[187]) Срав. напр., Ж. 1894—5 стр. 30 и стр. 27.

[188]) Тутъ имѣется на лицо коллизія, которая и доселѣ еще не устранена. Ея нѣтъ, когда академическая экспертиза указываетъ на причину малоудачной сдачи экзамена, отъ семинаріи не зависящую—когда проф. русской исторіи указывалъ на молчаніе программы о нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ и лицахъ (Ж. 1882—3

с. 45); когда проф. раскола докладывалъ, что недочеты въ отвѣтахъ происходили отъ таковыхъ въ учебникѣ (1900—1 с. 43); проф. нравств. богосл. докладывалъ, что 1-я часть программы проходится слабо потому, что въ этой части Руководства неудовлетворительны (1888—9 с. 54); проф. основного богословія давалъ видѣть невѣрности учебника въ разсужденіи генезиса религіи, отношенія грековъ къ антропомофическому элементу своей религіи, замалчиванія о монотеизмѣ у китайцевъ (1897—8 с. 52 сл.); когда проф. Св. Пис. Ветх. Зав. свидѣтельствовалъ о недостаточности существующихъ руководствъ въ отдѣлѣ о пророческихъ и учительскихъ книгахъ (1896—7 с 82); когда проф. Св. Пис. Нов. Зав. указываетъ въ руководствѣ явныя несообразности (1906—7 с. 105). Но въ послѣднемъ случаѣ, какъ и по церкови, ист. 1899—900 с. 27 сл., открывалась бы и надобность, и возможность поправить руководство самому наставнику. А засимъ идутъ недочеты, корень которыхъ находится уже прямо въ семинаріи. Распадаются они на два вида. Случайные суть тѣ, которые замѣчены въ данномъ студентѣ семинаріи; ихъ указывается очень, оч. не мало, и подчасъ они просто рѣжутъ ухо; идутъ они по большей части отъ волонтеровъ; но къ сожалѣнію ихъ изрѣдка сказываютъ и казенные. Къ существеннымъ недочетамъ относятся: неисполненныя до конца программы (1881—2 с. 25; 83—4 с. 36; 84—5 с. 23 сл.; 85—6 с. 30; 88—9 с. 53 сл.; 1896—7 с. 84; 1900—1 с. 41—7); знаніе вмѣсто Св. Писанія учебника по нему, напр. Ж. 1894—5 с. 22 1896—7 с. 104; непріученность къ экзегесису напр. 1896—7 с. 82., нетвердость въ хронологіи и географіи. напр. Ж. 1881—2 с. 24 и 25; 85—6 с. 32; 93—5 с. 26 и 25; 97—8 с. 50—2; 1906—7 с. 10; механическое заучиваніе вмѣсто сознательнаго отношенія напр. Ж. 1896—7 с. 88; 97—8 с. 50—2; 1906—7 с. 105. Замалчивать все это значило бы вредить дѣлу. А откровенно говорить значило бы а) забывать о послѣдствіяхъ т. е. о выговорахъ семинаріи изъ Центральнаго Управленія и объ указѣ 21 Окт. 1871 г., по которому Правленія берутъ на свой счетъ отправленіе и возвращеніе неуспѣвшаго на пріемномъ казеннаго студ. семинаріи (Ж. 1872 с. 89 сл.); вызывать жалобы на утомляющую длинноту экзамена (благодаря которой т. е. и казенный, теряя вниманіе, можетъ допустить грубую ошибку), на спрашиваніе вещей, въ программѣ не положенныхъ (можетъ быть рѣчь идетъ о египетской религіи, о которой по необъяснимой причинѣ въ программѣ пропущено, а въ учебникѣ она налицо, или объ опущенныхъ въ программѣ, но въ руководствѣ имѣющихся подробностяхъ, которыхъ *нельзя миновать* въ разсказѣ о 5-мъ вселенномъ соборѣ 1885—6 с. 31); на даваніе такихъ темъ для экспромпта, которыя недоступны семинаристу и т. д. и т. д. Поставленные такимъ образомъ въ непріятное положеніе, профес-

сора наши или ссылаются на то, что частный характеръ ихъ темы не даетъ права по сочиненіямъ на нее судить о постановкѣ своего предмета въ заинтересованныхъ семинаріяхъ; или на то, что нельзя дать таковаго сужденія по предмету, который изучается въ раннихъ классахъ, слѣдовательно, возобновленъ въ памяти собственными усиліями экзаменующихся; или на то, что студенты одной и той же семинаріи даютъ отвѣты разнаго достоинства; а иногда ставятъ дѣло такъ, что и нѣтъ мѣста давать данныя для суда о семинаріяхъ, а вся оцѣнка имѣетъ въ концѣ концовъ посильно опредѣлить, какого рода величину представляетъ собою новообразующійся курсъ.

[189]) См. Объяснительную Записку 1884 стр. 42—4.

[190]) Ж. 190$_0$/$_1$ с. 48. [191]) Это началось съ 1888 г.

[192]) Я бы полагалъ, что, кромѣ (неложныхъ) надеждъ на большую дѣловитость и результатность образованія, когда оно будетъ разрѣшаться въ спеціальное, тотъ радужный колоритъ, которымъ окрашенъ Уставъ 69 г. въ нашихъ о немъ воспоминаніяхъ, тотъ оптимизмъ, который съ нимъ связанъ и остался въ исторіи, или для исторіи,—они въ извѣстной мѣрѣ несомнѣнно обязаны той обаятельной личности, какая живо чувствовалась у насъ во время ректуры этого хр. *человѣка*. И много—много грубости сняла она съ нашихъ, неизбалованныхъ жизнію и потому болѣе закаленныхъ, чѣмъ деликатныхъ натуръ.

[193]) Едва ли административное значеніе ея не было подчеркнуто постановленіемъ о несовмѣстимости деканата съ должностію инспектора. Ж. 187^7/$_8$ с. 241.

[194]) См. напр. стоющую большаго вниманія статью въ Хр. Чт. 1867 г. I, 440.

[195]) За точность подсчета отвѣчаю.

[196]) Доминирующее значеніе исторіи въ нашей академіи независимо отъ ея Уставовъ дов. хорошо сказывается въ слѣдующемъ статистическомъ данномъ. Провѣрялъ я время отъ 1877 по 1898 годы. И вышло, что кандидатскихъ диссертацій по философіи написано тутъ 188, по богословскимъ (тоже какъ и въ философіи съ немалымъ количествомъ историческаго элемента), 262, а по исторіи 817.

[197]) Ж. 188^8/$_9$ с. 36 сл. [198]) ib. 18^{89}/$_{90}$ с. 3 сл. [199]) ib. 9^6/$_7$ с. 152. [200]) Ж. 190^1/$_2$ с. 28 сл. 190^2/$_3$ с. 84; (оба эти—уже кандидаты); 190^4/$_5$ с. 27 (двое съ III-го курса); 190^6/$_7$ с. 19 (IV курса и шесть, изъ нихъ два II-го курса); Ж. рукописные 190^7/$_8$ окт 9 № 19 (двое).

[201]) Въ этомъ фактѣ очень не мѣшало бы разобраться. Такъ сказать созерцательный характеръ предметовъ *духовной* школы запрашиваетъ больше всего вдумчивости, откуда собственно и возникла своеобразная метода академическаго обученія въ началѣ 1-го періода,

(см. с.14 сл.). Теперь, привычка къ аналитической дѣятельности психологически предъобразовываетъ вниманіе такъ, что оно гораздо болѣе способно сосредоточиваться на одномъ и съ трудомъ переходить на другое, чѣмъ быть подвижнымъ: non multa, Sed multum и «Медленно спѣши» — вотъ главныя, преобладающія черты такого формальнаго развитія. Отсюда спеціализмъ— любовь къ занятію менѣе объемнымъ, но взамѣнъ этого дающимъ просторъ сосредоточенію, любовь доходящая въ крайностяхъ до прямого отвращенія, даже ненависти къ предметамъ, которые въ кругъ данной спеціальности войти не могутъ, или неумѣли,— спеціализмъ говорю, есть то, залогъ къ чему положенъ въ нашихъ академіяхъ съ первоначала ихъ существованія. Разница была тоже съ самаго начала, но замѣчается она не въ сущности, а въ степени послѣдовательности, по которой въ другихъ академіяхъ (можетъ и кажется—только въ двухъ) на лицо расположенность къ предметамъ, для углубленія въ которые требуется самонаблюденіе; а у насъ по нашей особенности наклонны къ другому пути, и начальники семинарій хорошо различали, что этого вотъ лучше послать въ Петербургскую (говоря коротко: онъ имѣетъ любовь къ фактическому), а этого вотъ мы (рязанскіе) оставимъ для академіи своего округа. И несомнѣнно, что еще въ 1-мъ періодѣ являлись уже студенты спеціалисты—у насъ напр. въ 27 курсѣ Тихонъ (Клитинъ) —по Св. Писанію, Червяковскій къ теоретитескому богословію, Мегорскій по расколу, Запольскій по церковной исторіи, Михельсонъ и Братолюбовъ по математикѣ, а настоящимъ «энциклопедистомъ» былъ въ этомъ курсѣ, кажется, одинъ только А. К. Волковъ. И выходитъ, что самая главная, основная причина особенной, даже нѣсколько слѣпой, какъ бы загипнотизированной привязанности къ Уставу 1869 г. заключалась въ томъ, что онъ органически и генетически вытекалъ изъ психологіи положеннаго въ первомъ Уставѣ академическаго образованія. Но въ то время, какъ за него стояли и главная и побочная (примѣчаніе 192) причины, Уставъ 84 г. напротивъ оказался въ невыгодномъ положеніи даже сравнительно съ Уставомъ 1814 г Тамъ непривычное разсѣиваніе воспринимающей способности на постепенно увеличившееся количество наукъ затрогивало прямо лишь тѣхъ, кто желалъ окончить отлично, но для которыхъ многопредметность не была опасною, если говорить собственно объ экзаменахъ, (а не о соразмѣрной съ нею образованности). Для студента средней величины она могла быть, но не была опасною просто потому, что получить неудачный баллъ по двумъ — тремъ предметамъ не значило ничего: по разнымъ предметамъ, а обыкновенно всѣ они тутъ или тамъ одинаково имѣли недочеты. Но къ 1884 году времена перемѣнились: единицы на экзаменѣ обходилась тяжело,

по каждому предмету требуется не меньше трехъ, да въ общемъ средній баллъ для хорошо оковчившаго долженъ быть вол. $4^1/_2$; явился опять законъ, только впослѣдствіи ослабленный, отнимавшій у того, кто не подалъ семестроваго, большую долю заработанныхъ имъ балловъ. Наконецъ по примѣрамъ 1-го Устава (П. 40 янв. 29, 63 г. 14 марта) своекоштный, который успѣлъ больше казеннаго, получалъ вакансію послѣдняго. Многопредметность впервые явилась запросомъ «матеріальнаго» образованія во всемъ присущемъ ей объемѣ, больше котораго мы встрѣчаемъ кажется только въ медицинской академіи. Въ Уставѣ 69 г. привычная колея студента—образованіе «формальное» только дополнялось матеріальнымъ и только давало ему возможность быть непросто лишь изощреннымъ, а и дѣловитымъ. Но въ Уставѣ 1884 г. случился прямой переносъ центра тяжести съ одного—привычнаго на другое непривычное—матеріальное. А если на самомъ дѣлѣ произошелъ переносъ, то конечно, дѣло не могло наладиться сразу. И если ужь при Уставѣ 69 г. съ $188^1/_2$ года возникли трения (Ж. $188^3/_4$ с. 201), выразившіяся, правда, въ стремленіи студента раздѣлываться съ требованіями матеріальнаго образованія путемъ такъ называемой предметной системы (а у студентовъ: «заложить» одинъ—два экзамена для приготовленія къ нимъ въ каникулярное время), то при дѣйствіи Устава 84 г. естественно было имъ принять болѣе широкіе размѣры, обострившіеся вдобавокъ подъ горестнымъ вліяніемъ случайныхъ явленій общей нашей жизни, и заставившія замѣтить себя еще при 4-мъ Ректорѣ см. Ж. $189^3/_4$ с. 290 ср. $9^6/_7$ с. 64; $9^2/_3$ 19 марта № 7 и 8; $9^5/_6$ с. 271; $160^1/_2$ с. 49; $90^4/_5$ с. 223; $0^5/_6$ с. 3; 190 2 апр. № 1; 7 мая № 8; 20 дек. № 5; 1908 г. 4 апр. № 8; 7 мая № 7; 28 мая № 2; 12 іюня № 8; 23 окт. № 19; 27 нояб. № 12; 5 фев. 1909 г. № 11. Но все это спорадическія аномаліи. Если признать вышеуказанную коревую ихъ причину; тогда есть всѣ основанія смотрѣть на дѣло съ легкимъ сердцемъ, какъ на переломъ, скоропреходящее время, особенно у насъ, при нашей петербургской особенности. Только конечно, не съ пустыми руками. Академическое образованіе должно быть строго научнымъ; и, какъ такое, оно должно вмѣщать въ себѣ сов. достаточную массу матеріала, который долженъ быть усвоенъ. Но тутъ требуется употребить всѣ усилія къ тому, чтобы эта масса и была навѣрно усвоена и не подавляла, не задушала ума. Если не ошибаюсь, то послѣднее для нашей академіи даже важнѣе.

[202]) Въ началѣ дѣйствія Уст. 69 г. профессора радовались, что они надумали такую мѣру, которая дастъ имъ возможность преподавать студентамъ вмѣсто трехъ шесть недѣльныхъ лекцій каждый по своему предмету и которая состояла въ томъ, что они стали читать вразъ двумъ курсамъ по три лекціи въ теченіи 2 лѣтъ

Отч. за 72 годъ с. 522). Пр. Макарій въ своемъ докладѣ Синоду послѣ ревизіи у насъ отмѣтилъ это читаніе одновременно двумъ курсамъ, какъ недостатокъ, который и былъ поставленъ намъ на видъ (Ж. 1875 с. 179). Однако уже въ планѣ лекцій на 1876—7 г. (с. 41 сл.) это одновременное читаніе полагается и утверждается митрополитомъ и засимъ систематически продолжается. А въ объясненіи практическаго отдѣленія (lb. с. 39) очевидно сказывается, что оно при Уст. 69 г. было неизбѣжною необходимостью: при малопредметности на каждомъ отдѣленіи, особенно въ экстренныхъ случаяхъ, въ родѣ командировки за границу, не хватило бы профессоровъ, если бы каждый профессоръ занималъ собою въ данный часъ вниманіе одного только курса, не говоря о томъ, что и аудиторія съ однимъ только курсомъ во время чтенія спеціальныхъ предметовъ была бы слишкомъ малолюдна. А основательный мотивъ къ осужденію этой практики Пр. Ревизоромъ для нашихъ профессоровъ навѣрно заслонялся другимъ соображеніемъ, именно: съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія дѣйствительно неудобно студентамъ даннаго курса начинать слушаніе науки со второй половины (такъ какъ первая была читана годомъ раньше другимъ двумъ курсамъ, изъ коихъ одинъ докончилъ науку, а другому нужно слушать эту вторую половину) но вѣдь науку эту слушаютъ они не впервые; по крайней мѣрѣ въ общемъ они ознакомлены съ нею въ семинаріи. Для временъ Уст. 84 г. указанная причина конечно отпала; но одновременное читаніе осталось по прежнему, несмотря на то, что тутъ по необходимости студентамъ профессоръ сталъ читать тоже въ теченіи двухъ лѣтъ, но уже по двѣ лекціи по причинѣ многопредметности.

203) Первое затрудненіе съ замѣчательнымъ тактомъ фактически уже предъустранено: новопоступившіе подаютъ прошеніе о томъ, чтобы имъ на первое время позволили читать только по двѣ лекціи. А Св. Синодъ имъ разрѣшаетъ; и конечно это дѣло не великой дальновидности: давать таковое разрѣшеніе не на одинъ годъ— въ такомъ случаѣ курсъ получитъ только половинное образованіе по данной наукѣ, а на извѣстное количество *четныхъ* годовъ (2, 4 отд. по разсмотрѣнію). Второе затрудненіе прямымъ путемъ только разрубается, какъ Гордіевъ узелъ: чрезъ устроеніе возможности академическому преподавателю быть профессоромъ одной только науки. А если это есть только прекрасное благожеланіе, вынырнувшее на мгновеніе изъ области фантазій; тогда надо установить истинную точку зрѣнія на дѣло. Она уже дана и руководила рѣшеніемъ вопроса: въ службѣ академіи семинаріямъ чьи интересы должно имѣть въ виду прежде всего. Если тамъ разсужденіе указываетъ на интересы высшаго заведенія, то и здѣсь должны быть поставлены на первое мѣсто, говоря по старому, интересы Конференціи, а не академическаго Института. И

правильное единеніе обоюдныхъ интересовъ—профессора и получающаго высшее образованіе студента создается въ томъ только случаѣ: когда прямое свое дѣло «разработывать науку, стоя на высотѣ современнаго ея развитія» профессоръ будетъ *въ своемъ занятіи* лекціями для аудиторіи. Кажется, это такъ. А если такъ; тогда уже изъ той одной причины, въ виду которой самъ Филаретъ Амфитеатровъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ рѣшиться на невоспрещеніе, на готовное разрѣшеніе читать лекціи (а не штудировать «классическую книгу»), выходитъ, что по меньшей мѣрѣ требуется помнить о тяготѣющемъ на всѣхъ людяхъ психологическомъ законѣ узости сознанія. Какихъ великихъ трудовъ стоитъ профессору налаживаться на слѣдующій учебный годъ и выталкивать изъ своей головы всѣ книги и мысли, которыми заполонено было его вниманіе въ истекшемъ году, когда онъ читалъ *одну* науку, чтобы замѣстить ихъ книгами и мыслями по предстоящей *другой* наукѣ? И, потомъ, въ такомъ положеніи даже при лучшихъ условіяхъ ему далеко не удается выразить и сдѣлать все, что онъ могъ бы занимаясь постоянно одной наукой. Если же ему читать двѣ науки одновременно; то достаточно попросить справиться: какія вовсе некантовскія по глубинѣ и обстоятельности соображенія далъ самъ Кантъ въ своихъ лекціяхъ по педагогикѣ.—А если соизволятъ разрѣшить сказать свое слово и мнѣ, то, почтительно примыкая къ тому мнѣнію на которомъ сошлись всѣ работавшіе надъ 1-мъ уставомъ—и Евгеній, и Сперанскій, и Ѳеофилактъ, и Филаретъ, я бы сказалъ, что для сохраненія активности студенческаго ума и предохраненія его отъ подавленій матеріаломъ, лучше, особенно въ нашей академіи, по крайней мѣрѣ по наукамъ нефактическимъ, читать не больше двухъ—трехъ лекцій; только чтобы, за исключеніемъ экстренныхъ случаевъ, или случаевъ работы сепаратно отъ лекцій (надъ книгами или статьями), профессоры (Филаретъ Амфитеатровъ) не повторяли нашего покойнаго теперь профессора, который, читая свои, нѣсколько трескучія, тетради, сначала провозглашалъ по нимъ: *нынѣ*, а потомъ безъ тетрадки: т. е. 15 лѣтъ тому назадъ. Каждый годъ въ его лекціяхъ должна быть замѣтка новая его работа надъ своими лекціями.

[204]) Она сказалась сов. косвенно, какъ мѣра противъ неаккуратной подачи семестровыхъ. Прежде для этого употребляли мѣры внѣшняго порядка, дѣйствующаго на самосохраненіе; но засимъ, какъ сказано здѣсь въ прим. 201 не увидѣли въ ней настоящей цѣледостижимости, обратились къ изысканію мѣръ внутренняго порядка и нашли таковую въ открытіи студенту возможности брать тему по наиболѣе интересному для него предмету, питая (можетъ быть неложную) надежду, что и въ дальнѣйшемъ, занимаясь въ семестрякахъ все своимъ предметомъ, студентъ на почвѣ Устава

84 г. постепенно выработаетъ изъ себя спеціалиста. Такъ большинство. А отдѣльное мнѣніе, констатируя несчастное положеніе семестровыхъ, считая ихъ (согласно со взглядами проскользавшими въ нашемъ Совѣтѣ и ранѣе). никчемными, разъ они потеряли прежнее свое значеніе (когда они писались рѣшительно по каждой академической «каѳедрѣ») и въ в. немалой части стали являться въ сущности неисписанной, бѣлой бумагой, а въ виду экзаменовъ напраснымъ грузомъ, предлагалъ, какъ мѣру обратиться къ той двухгодичной практикѣ, которую установилъ ех Совѣтъ (см. отчетъ ревизора Пр. Павла) 1867 г. и по которой раньше студентъ и до курсоваго (вышло: до кандидатскихъ 69 г.) имѣлъ писать только одно (околого̀дичное по времени) сочиненіе, которое безспорно могло быть несравнено болѣе и состоятельнымъ и подготовляющимъ къ составленію дѣльнаго курсоваго. А когда у кого *была* индивидуальна наклонность, то, конечно, она знала, какихъ темъ ей нужно держаться.

[205]) Ж. 190⁵/₆ г. Приложеніе къ с. 225—6 проэктированнаго Устава и объясненій. Зап. с. 55 сл.; приложеніе къ § 100 проэкта № 2. Здѣсь дѣло касается *матеріаловъ* академической науки. Уже по требованіямъ деликатности обязанъ прибавить, что даннымъ для реализаціи совмѣщенія, о которомъ сейчасъ будетъ говориться въ текстѣ, вѣроятно можетъ служить пересланное намъ, но оставшееся безъ разъясненія предложеніе Московской академіи: вмѣсто двухъ оставить два семестровыхъ, а третье замѣнить практическими занятіями. (Ж. 1907 г. 19 ноября № 4).

[206]) П. 1866 г. 31 авг. [207]) Смирновъ, [208]) Ж. 190⁵/₆, прилож. с. 52, 93, 95, 104, 110—13, 116 дал. 132, 136.

[209]) Называю полууспѣвшимъ потому, что уже нѣсколько лѣтъ обѣ эти каѳедры фактически раздѣлены—не два, а 4 наставника.

[210]) Ж. 188⁷/₈ с. 109 сл. [211]) Ж. 190¹/₂ с. 296—304; 190³/₄ с. 33 сл. [212]) Ж. 190⁶/₇ с. 75 сл. 186; ср. 190²/₃ с. 254—8.

[213]) Чистовичъ, СПБ. акад. за послѣдніе 30 лѣтъ. с. 35.

[214]) Не могу умолчать о большой незадачѣ для нашей aeta mater: она имѣла у себя двухъ питомцевъ о. протопресвитера І. Л. Янышева и В. Пр. Волынскаго Антонія, которые несомнѣнно могли найти во внутреннемъ своей природы положительную основу для преобразованія гомилетики въ науку.

[215]) За принятіемъ Кирилловской библіотеки былъ командированъ въ Кирилловъ Чельцовъ (П. 1859 г. 11 іюля и 18 сент.). А въ пріобрѣтеніи Новг. Софійской библіотеки долженъ помянуть, какъ иниціатора, ректора Макарія Булгакова (см. докладъ его въ П. 1853 г. 21 янв.). Дальнѣйшее см. годичн. отчетъ за 1878, с. 14 (окончившій В. Соловьевъ сдѣлалъ пнвентарное описаніе 430 рукоп.). Ж. 187⁸/₉ с. 109 сл. ср. отч. за 1879 с.: (10 студ. вчернѣ описали 1160 рук.); 189⁶/₇ с. 171—6; 9⁷/₈ с. 169 слл.;

190 с. 93 сл. 153; отч. за 1902 с. 40 и Ж. $190^{2}/_{3}$ с. 252 сл. (Св. Синодъ ассигновалъ 10 тыс. р.); 248 (Митрополитъ Антоній отъ себя тысячу р.). 172 сл.; $190^{5}/_{6}$ с. 208. Доселѣ изданс 3 выпуска.

[216]) Эти свѣденія любезно сообщилъ о. прот. Ф. Н. Орнатскій.

[217]) См. *напримѣръ* Ж. $188^{4}/_{5}$ с. 233; $8^{5}/_{6}$, 344. 304; $8^{7}/_{8}$ с. 313 и мн. другихъ, дающихъ сов. новое.

[218]) Ж, $187^{6}/_{7}$ с. 236. 240. 242. 243. 244. 245; $7^{7}/_{8}$ с. 282. 299. 307. 313; $87^{8}/_{9}$ с. 202. 211. 214. 215. 221; $7^{9}/_{80}$ с. 218. 219; $8^{0}/_{1}$. 246. 248. 249. 250; $8^{1}/_{2}$ с. 180. 183. 190. 197, 204; $8^{2}/_{3}$ с. 38. 250. 251. 254. 256. 259; $8^{3}/_{4}$ с. 102. 106. 108. 110; $8^{4}/_{5}$ с. 126 сл. 218. 219. 223. 224. 228; $8^{5}/_{6}$ с. 68. 140. 330. 332. 334. 336. 338. 339; $8^{6}/_{7}$ с. 59. 188. 191. 212 сл. 214. 218. 223; $8^{7}/_{8}$ с. 64. 123. 232. 281. 282. 289. 290. 314. 315. 318; $8^{8}/_{9}$ с. 59. 182. 189. 209. 246. 264; $8^{89}/_{90}$ с. 108. 209. 211. 228. 253; $8^{90}/_{91}$ с. 192. 238; $9^{1}/_{2}$нс. 97. 191 192. 194. 223. 225; $9^{3}/_{4}$ с. 161. 245. 250. 253. 277; $9^{4}/_{5}$. с. 160. 162. 167 190. 191. 212. $9^{5}/_{6}$ с. 19. 79. 214. 320. 346. 447. 449. 452. 455. 458. 461. 470. 472. 478. 525. 527. $9^{6}/_{7}$. 122. 171 сл. 201. 208. 246. 273. 275. 288. 311 332. 336. 338. 346; $9^{7}/_{8}$ с. 193. 194. 196. 205. 206 сл. 212. 214; $9^{8}/_{9}$ с. 216. 217. 245. 262; $189^{9}/_{1900}$ с. 82. 103 слл. 177 сл. 336. 342. 350. 352. 354. 356. 382; $190^{0}/_{1}$. 89. 262. 288. 296 306 сл. 307. 308. 354 сл. 355. 359; $190^{1}/_{2}$ с. 262. 389 сл. 391. 393. 394. 399. 403. 404. 415; $190^{2}/_{3}$ с. 300. 303. 341. 349. 351. 356. 357; $190^{3}/_{4}$ с. 182. 184. 195. 213. 216. 218. 228; $190^{4}/_{5}$ с. 328. 329, 332. 368; $190^{5}/_{6}$ с. 291. 328.

[219]) Препод. Казан. семин. Архимандр. Сергій просилъ дать на прочтеніе диссертац. С. о. Пр. Даніилѣ по еврейскому и 70-ти. Отказали, положено не выдавать на руки и авторамъ (Ж. $187^{8}/_{9}$ с, 176), а пересылать въ соотвѣтствующія правленія.

[220]) См. напр. отпечатанную программу по Метафизикѣ.

222) Для этого уже существуетъ издавна умная формула, которая открываетъ и полную, и правильную возможность постепенно накоплять одинъ за другимъ элементы русскаго православія. По ней наше русское объясненіе, толкованіе, представленіе, мнѣніе о томъ то вотъ дается: «въ духѣ православія». Я бы говорилъ: въ духѣ правовѣрія. У Филарета лишь нѣсколько иначе: («желательно, чтобы поощряемая нынѣ россійская духовная ученость, столь много заимствовавшая для себя наиначе въ сей области—дѣятельнаго богословія—показала собственные образцы) *въ истинномъ духѣ церкви Апостольской*». Мнѣн. и отз. I, с. 141). По этой дорогѣ, значитъ, и нужно идти неуклонно.

[221]) Это сов. справедливо, что пользуясь упадкомъ богословскаго разума у грековъ и недозрѣлостію нашего, Западъ *взялъ* въ свои руки починъ и подвергъ *своему* обслѣдованію не только области, если такъ можно выразиться, туземныя, а и область пра-

вославнаго Востока. Послѣ этого русскимъ ученымъ волей неволей пришлось учиться у нихъ, потому что и по Іустину философу, и по Златоусту, и по патр. Фотію, словомъ - по всему у нихъ уже образовалась цѣлая литература и чаще всего имѣются даже классическія произведенія. Отсюда, не говоря о тѣхъ изъ нашихъ, которые являются просто на просто переписчиками «нѣмцевъ», болѣе зрѣлые видѣли, что доброе должно быть заимствовано и внесено въ наши православныя сокровищницы, но тутъ нужно повести дѣло такъ, чтобы переносимое иностранное, иновѣрное освобождалось отъ всего, по чему оно становится на православной почвѣ непріемлемымъ, какъ это, мнѣ кажется, блестяще удалось† Ѳ. Г. Елеонскому въ его докторской диссертаціи, въ которой самостоятельнаго по существу не дано ничего, но чрезъ нее чужіе содержательные труды, выросшіе на инородной почвѣ, безъ всякаго затрудненія вошли въ предѣлы праваго вѣрованія. Будучи въ надлежащей мѣрѣ осмотрительнымъ, это направленіе нашихъ ученыхъ работъ можетъ быть в. плодотворнымъ. Но все таки оно въ самомъ корнѣ своемъ есть подражательное. А для насъ совсѣмъ не закрыта дѣятельность сов. самостоятельная. При всемъ богатствѣ дружно ведущейся цѣлыя столѣтія западной, инославной учености въ ней не только есть, но создаются укрѣпившимися въ ней предвзятыми взглядами (Voraussetzungen) разнаго рода недальновидности, отъ которыхъ мы свободны. Флавій глаза намъ не ослѣпляетъ и потому имъ доселѣ незамѣтно, а намъ прямо бросается въ глаза. Мѳ. XVII, 12 сл; какъ главное данное, съ которымъ необходимо считаться въ рѣшеніи вопроса о мученической кончинѣ І. Крестителя и получается совсѣмъ иная, притомъ болѣе ясная и достовѣрная картина событія. Къ плотскому братству со Спасителемъ Ап. Іакова мы ничѣмъ не предрасполагаемся, и потому тамъ даже самъ Кремеръ не замѣтилъ, а намъ нельзя не замѣтить, что въ Евангеліи есть

случай, гдѣ греческое именованіе брата опредѣлено членомъ, и все таки это братъ не родной (Филиппъ Ироду) и такимъ образомъ филологическое основаніе для объявленія братьевъ Спасители родными братьями отпадаетъ. Ни Скалигеръ знаменитый, ни тюбингенцы для насъ не заштемпелевали разъ навсегда фигуры «православнаго» Эгезиппа, и послѣ этого намъ не только ничего не стоитъ, но съ ученой т. зр. было бы непозволительно не справиться, если не съ Василіемъ Великимъ, у котораго въ молитвѣ къ причащенію «святая» означаетъ св. тайны, то съ православн. литургіей—возгласомъ въ ней «святая святымъ»; а отсюда если Э. говоритъ, что Іаковъ имѣлъ право входить въ святая, то для насъ ясно какъ день, что никакихъ тутъ нѣтъ особенныхъ приверженностей Іакова, или самаго Э. къ іудейству, также какъ нѣтъ и помину о правѣ входа Іакова въ святая святыхъ еврейскаго храма, какъ передаетъ Епифаній, подвергаясь осмѣиванію Скалигера (въ Пред. къ изд. Хроники Евсевія), но дается свѣдѣніе аналогичное со свидѣтельствомъ Климента Алекс. о томъ, что Іаковъ былъ священнослужителемъ и так. обр. дается значитъ извѣстіе о томъ, что онъ получилъ (отъ Апостоловъ): не право входа въ сокровенная еврейскаго храма, но право совершать христіанскую литургію. Лютеръ не научалъ насъ считать посл. Іакова «соломеннымъ» и неподлиннымъ, а потому намъ гораздо сподручнѣе разобраться въ канонѣ Муратори—не говорить, что въ немъ сов. не упоминается объ этотъ посланіи, а вдумываться въ странное обстоятельство, что тамъ, гдѣ ожидалось бы это посланіе, стоитъ произведеніе Соломона, что оно, говоритъ, записано друзьями его, засимъ что: какъ въ содержаніи посланія Іакова трактуется о мудрости, такъ въ психологіи автора замѣтно виднѣется до конца доведенная мудрость, что по матеріалу своему посланіе является сборнымъ, столько бы умные ни тратили (напрасныхъ) усилій найдти въ немъ органическую послѣдовательность, но очевидно это есть

соединеніе кѣмъ нибудь бесѣдъ, сказанныхъ (въ церкви, или «друзьямъ») на разныя темы; и послѣ этого есть прямо научныя основанія поставить до сихъ поръ неставимую гипотезу о возможномъ тождествѣ у Муратори Соломона съ ап. Іаковомъ, за положительное рѣшеніе которой гораздо больше данныхъ чѣмъ за отрицательное. Вотъ примѣры, найденные при эпизодическомъ и слишкомъ кратковременномъ занятіи въ области богословія. А спеціалисты наши навѣрное могутъ указать миріады подобныхъ, гдѣ тоже своеобразности западной постановки богословія мѣшаютъ смотрѣть на дѣло прямо тамошнымъ ученымъ, которые въ особенныхъ случаяхъ сами признаются въ этомъ: проф. Beyschlag справедливо обозначилъ какъ scandalum, что вотъ каждое ученое ихъ поколѣніе выдвигаетъ умы, которые пытаются разрѣшить проблемму имени «Сына человѣческаго», а все таки разрѣшеніе не дается; между тѣмъ какъ, прибавлю, на нашей почвѣ этотъ вопросъ едва ли не рѣшается опредѣленно и окончательно. Такъ что стоитъ только намъ хорошенько выясниться, установиться въ кругѣ своего православнаго богословствованія, и мы можемъ быть поучительными для западной науки не только въ нашихъ россійскихъ матеріалахъ, но и въ сужденіи о вопросахъ общебогословскихъ.

[223]) На основаніи личныхъ опытовъ и дов. напряженныхъ наблюденій я бы выразилъ непоколебимѣйшее убѣжденіе въ томъ, что, кромѣ двухъ свойствъ (дѣловой резонности и стремленія къ мистическому) народъ нашъ по природѣ своей не можетъ помириться ни на чемъ другомъ, какъ на *все*-человѣкѣ, — человѣкѣ, психическая организація котораго представляетъ должное сочетаніе всѣхъ элементовъ человѣческой души, и потому сообразное его *индивидуальности* богословствованіе съ необходимостію естественною должно искать именно *вселенскаго*.

[224]) Это заслуживаетъ глубокаго вниманіяи со браженія.